

ВЕСТНИК НИЖНЕВАРТОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Bulletin Of Nizhnevartovsk State University

Журнал издается с 2008 года

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, утвержденный ВАК РФ

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

<i>Бодрова Е. В., Калинов В. В.</i> Эволюция государственной политики в нефтяной отрасли промышленности в годы Великой Отечественной войны.....	3
<i>Дмитриев А. В.</i> Организация провиантского снабжения в русской армии середины – второй половины XVIII в.....	7
<i>Зубов В. Н.</i> Восприятие «Казанского взятия» в отечественной историографии середины XX в. и творчество Б. Г. Верховеня.....	13
<i>Рабуш Т. В.</i> Афганские беженцы в советско-американской «Пропагандистской войне» (1980-е гг.).....	18
<i>Солодкин Я. Г.</i> О начале шертования сибирских «иноземцев» московским государям (вопросы хронологии).....	24
<i>Стичак А. В.</i> Эволюция формуляра брачного обыска в приходских церквях Тобольской епархии в XVIII – начале XX в.	31
<i>Степовой А. В.</i> Постройка Салтово-Маяцкой культуры у села Заломное Белгородской области.....	36
<i>Храмцов А. Б.</i> Уставы и правила городских учреждений как источник по развитию социальной инфраструктуры в конце XIX – начале XX в. (на примере г. Тюмени).....	43
<i>Цысь В. В.</i> Участие военнослужащих в обеспечении работы и восстановлении железнодорожного сообщения на территории Карелии в годы Великой Отечественной войны.....	47
<i>Цысь О. П.</i> Инспекционные поездки тобольских епархиальных архиереев как элемент церковного управления XIX – начала XX в. (на примере севера Западной Сибири).....	53

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

<i>Беспалова Л. Н.</i> Государственная политика Германской империи в сфере охраны детского труда в фабричной промышленности.....	59
<i>Ерохин В. Н.</i> Церковь Англии в предреформационные десятилетия XVI в.	65
<i>Савельева А. В.</i> Военная пропаганда в периодических изданиях США 1916–1917 гг.	73
<i>Стрелец М. В.</i> Франсуа Миттеран: штрихи к портрету.....	77
<i>Чореф М. М.</i> «Монеты неизвестного народа», или К вопросу об атрибуции «Таманских денариев».....	80
<i>Якубова Л. А.</i> Семейная политика лейбористской и консервативной партий Великобритании в предвыборной кампании 2010 года.....	88

Главный редактор

Горлов С. И., доктор физико-математических наук, профессор
(г. Нижневартовск)

Заместитель главного редактора

Коричко А. В., кандидат педагогических наук, доцент
(г. Нижневартовск)

Ответственный редактор

Солодкин Я. Г., доктор исторических наук, профессор
(г. Нижневартовск)

Секретарь

Чореф М. М., кандидат исторических наук (г. Нижневартовск)

Члены редакционной коллегии

Ерохин В. Н., доктор исторических наук, доцент
(г. Нижневартовск)

Ибрагимова Л. А., доктор педагогических наук, профессор
(г. Нижневартовск)

Grabowska Magdalena, доктор экономики (Ph.D)
(г. Плоцк, Польша)

Kludacz Magdalena, доктор экономики (Ph.D) (г. Плоцк, Польша)

Krzetowska Agnieszka, доктор экономики (Ph.D) (г. Плоцк, Польша)

Кулагин А. Ю., доктор биологических наук, профессор (г. Уфа)

Нурбеков Б. Ж., доктор педагогических наук, профессор
(г. Астана, Республика Казахстан)

Михайлова О. Ю., доктор психологических наук, профессор
(г. Нижневартовск)

Медведев С. С., доктор биологических наук, профессор
(г. Санкт-Петербург)

Овечкина Е. С., кандидат биологических наук, доцент
(г. Нижневартовск)

Усманов И. Ю., доктор биологических наук, профессор
(г. Нижневартовск)

Цысь В. В., доктор исторических наук, доцент
(г. Нижневартовск)

Editor-in-Chief

Gorlov S. I., Doctor of Physics and Mathematics, Professor
(Nizhnevartovsk)

Deputy Editor

Korichko A. V., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
(Nizhnevartovsk)

Executive editor

Solodkin Ya. G., Doctor of Historical Sciences, Professor
(Nizhnevartovsk)

Secretary

Choref M. M., Candidate of Historical Sciences (Nizhnevartovsk)

Editorial Board

Erokhin V. N., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
(Nizhnevartovsk)

Ibragimova L. A., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor
(Nizhnevartovsk)

Grabowska Magdalena, Ph.D. in Economics
(Plock, Poland)

Kludacz Magdalena, Ph.D. in Economics (Plock, Poland)

Krzetowska Agnieszka, Ph.D. in Economics (Plock, Poland)

Kulagin A. Yu., Doctor of Biological Sciences, Professor (Ufa)

Nurbekov B. Zh., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor
(Astana, Republic of Kazakhstan)

Mikhailova O. Yu., Doctor of Psychological Sciences, Professor
(Nizhnevartovsk)

Medvedev S. S., Doctor of Biological Sciences, Professor
(Saint Petersburg)

Ovchikina E. S., Candidate of Biological Sciences, Associate Professor
(Nizhnevartovsk)

Usmanov I. Yu., Doctor of Biological Sciences, Professor
(Nizhnevartovsk)

Tsys V. V., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
(Nizhnevartovsk)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-55479 от 25 сентября 2013 г.

Журнал индексируется в следующих научных базах:

- Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
- Научная электронная библиотека открытого доступа КиберЛенинка (CyberLeninka)
- European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences (ERIH PLUS)
- Academic Resource Index Research Bible
- Google Академия
- Information Matrix for the Analysis of Journals (MIAR)
- Scientific Indexing Services (SIS)
- Open Academic Journals Index (OAJI)
- Polska Bibliografia Naukowa (PBN)
- Eurasian Scientific Journal Index (ESJI)

Учредитель: ФГБОУ ВО «Нижневартовский государственный университет»

Адрес редакции: Россия, 628605, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Нижневартовск, ул. Ленина, 56

Изд. лиц. ЛР № 020742. Подписано в печать 10.09.2016
Формат 60×84 1/8. Бумага для множительных аппаратов
Гарнитура Times. Усл. печ. листов 12. Тираж 1000 экз.
Заказ 1802

Отпечатано в Издательстве НВГУ
Россия, 628615, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра,
г. Нижневартовск, ул. Дзержинского, 11.
Тел./факс: (3466) 43-75-73, E-mail: izdatelstvo@nvsu.ru

ISSN 2311-1402

© Нижневартовский государственный университет, 2016

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 93/94

Е. В. Бодрова, В. В. Калинов
Москва, РоссияЭВОЛЮЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В НЕФТЯНОЙ ОТРАСЛИ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Статья посвящена актуальнейшей для современной истории России теме – нефтяной политике. Причем предметом исследования стал период ее становления. Точнее, статья посвящена эволюция государственной политики в нефтяной отрасли промышленности в годы Великой Отечественной войны. В ходе изучения были выявлены и охарактеризованы ее основные этапы, а также оценена эффективность деятельности партийно-государственных структур по перебазированию предприятий, оборудования и кадрового потенциала отрасли на Восток страны, снабжению фронта горючим, поиску новых месторождений, совершенствованию нефтепереработки. В результате был сделан вывод о решающем вкладе в Победу нефтяной отрасли СССР. Можно сказать, что он стал одним из определяющих исход Великой Отечественной войны факторов.

Полагаем, что исторический опыт советских нефтяников, сумевших обеспечить страну стратегическим сырьем и создать базу для реализации послевоенного общенационального проекта – формирования мощного нефтегазового комплекса, нуждается в дальнейшем изучении и внедрении всех механизмов и форм, доказавших свою состоятельность.

Ключевые слова: нефтяная отрасль; Великая Отечественная война; эвакуация; нефтедобыча; нефтепереработка.

Сведения об авторах: Елена Владимировна Бодрова¹, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории; Вячеслав Викторович Калинов², доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории.

Место работы: Московский технологический университет¹; Российский государственный университет нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина².

Контактная информация: 119454, г. Москва, пр. Вернадского, д. 78; тел. 8(499)215-65-65, e-mail: rector@mirea.ru¹; 119991, г. Москва, пр. Ленинский, д. 65, к. 1; тел. 8(499)507-88-88, e-mail: com@gubkin.ru²

В условиях меняющейся геополитической ситуации и поиска оптимальных механизмов реализации модернизационных стратегий, необходимости реструктуризации экономики, критической важности для страны точного выбора приоритетов возрастает потребность научно-теоретического осмысления эволюции государственной политики по развитию нефтегазовой отрасли промышленности как одного из наиболее значимых факторов для внутри- и внешнеполитического положения России. Одним из наиболее драматических и определивших весьма значимую роль отрасли стал период Великой Отечественной войны, когда нефть стала сырьем стратегического значения.

Принципиальная установка в документах агрессора формулировалась таким образом: «Получить для Германии, как можно больше продовольствия и нефти – такова главная экономическая цель кампании» (Нюрнбергский процесс 1990: 367). Согласно утверждению А. Шпелера, министра вооружения и военной промышленности, допрошенного после войны, нефть была главным мотивом (Ергин 2001: 338).

Уже в начале войны был осуществлен быстрый переход страны на чрезвычайный режим,

вводился мобилизационный народнохозяйственный план, вся экономика переориентировалась на нужды фронта. Нефтяная промышленность, несмотря на временную потерю некоторых нефтедобывающих районов, значительное снижение добычи нефти, сокращение разведочных работ на нефть, необходимость перебазирования и восстановления нефтеперерабатывающих заводов, сумела обеспечить нефтью и нефтепродуктами нужды фронта и тыла. Однако в первый период войны ситуация на фронте и в тылу оставалась крайне сложной. В первые месяцы добыча нефти в стране удерживалась почти на довоенном уровне, но в сентябре 1941 г. начался спад и в декабре объем нефтедобычи по одним данным составил 66% от уровня июня 1941 г. (Законников 1964: 33), по другим – 63% (Мазуркевич 1992: 23). В решении ГКО от 4 июля 1941 г. ставилась задача по укреплению сырьевой базы тяжелой индустрии в восточных областях СССР. Предусматривалось увеличение мощности нефтепромыслов и нефтезаводов. Определяющими переход нефтяной промышленности на военные рельсы стали постановления ГКО от 30 июля 1941 г. «О мерах по развитию добычи и переработки

нефти в восточных районах СССР в Туркмении» и от 28 октября 1941 г. «Об эвакуации Майкопнефти и Грознефти в Башкирскую АССР» (Постановления ГКО в 1941 г.), в которых были намечены мероприятия по перебазированию нефтяных предприятий из южных районов в восточные, размещению эвакуированных заводов и предприятий нефтяной промышленности, обеспечению роста добычи и переработки нефти. Однако осложнялась ситуация на фронте, помимо объективных трудностей с консервацией, демонтажем и перебазированием оборудования, возникали проблемы с транспортировкой, нехваткой емкостей для хранения. ГКО был вынужден принять решение о временном сокращении с ноября добычи нефти в Баку (Куманёв 2005: 132). В конце 1941 г. на фронте периодически не хватало горючего. К началу контрнаступления под Москвой войска Западного фронта имели горючего на 5–6 заправок (Советский тыл в Великой Отечественной войне: 58). Наиболее острой оставалась проблема с авиационным бензином. Насыщение Красной Армии новейшими типами самолетов требовало все большего количества высокооктановых авиационных бензинов. Помогали решить проблему поставки по ленд-лизу из США – как самого бензина, так и компонентов, повышающих его октановое число.

В сжатые сроки и в невероятно тяжелых условиях осуществлялись мероприятия по эвакуации основных фондов нефтяной промышленности и специалистов в Урало-Поволжье, Среднюю Азию и Казахстан. 30 июня 1941 г. было принято решение об эвакуации Херсонского и Одесского крекинг-заводов в Сызрань, Укрнефтекомбината и Укрнефтегаза (Западная Украина) – в различные районы Поволжья (ГАРФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д.210. Л. 1). Быстрая эвакуация не только спасла значительную часть предприятий, ускорила развитие «Второго Баку», обеспечив фронт столь необходимым сырьем и нефтепродуктами, но и определила развитие нефтяной промышленности в послевоенные годы. Одновременно ГКО утвердил масштабную программу развития нефтяной промышленности на Востоке страны. Уже ко второй половине 1942 г. были восстановлены почти все перебазированные нефтяные предприятия. В течение 1942–1945 гг. в строй действующих вступили несколько нефтеперерабатывающих заводов. Сызранский и Краснокамский были возведены на базе эвакуированного оборудования.

Летом 1942 г. ситуация на фронте вновь резко изменилась. Советские войска отступали на южном крыле фронта. В результате началась вторая, меньшая по своим масштабам, волна эвакуации нефтяных предприятий Краснодарского края, Чечено-Ингушской АССР и Азербайджанской ССР. Еще 4 мая 1941 г. в директиве германского штаба верховного командования была обозначена цель совершенно определенно: «Германия может покрыть свою потребность в нефти только за счет Кавказа» (Дашичев 1973: 146). 29 мая 1942 г. ГКО принял Постановление «О подготовке к выводу из строя объектов нефтяной промышленности в прифронтовой зоне» (65 лет 2007: 13), в апреле – «О транспортировке нефтепродуктов в направлении Баку-Гурьев-Кандагач». За апрель-декабрь 1942 г. из Баку планировалось вывезти 16850 тыс. т и из Грозного – 3600 тыс. т нефтепродуктов по Каспию и железной дороге (РГАСПИ. Ф. 644. Оп.1. Д. 32. Л. 15–25). В действительности, в апреле 1942 г. было вывезено 505,5 тыс. т нефтепродуктов. Необходимых наливно-сливных мощностей не хватало. Транспортировать приходилось в длинных цепях плавающих железнодорожных цистерн, прикрепленных к буксирам, из Баку по морю. Оставшиеся несколько миллионов тонн удалось сохранить. Были выделены специальные скважины, куда закачивались сотни тысяч тонн отбензиненной нефти. В сентябре должен был быть демонтирован и переправлен в Закаспий нефтепровод Баку-Батуми для прокладки до 1 января 1943 г. на его основе нового нефтепровода с перекачкой по нему 4 тыс. т светлых нефтепродуктов ежедневно (РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 55. Л. 49–51). В декабре 1942 г. было принято решение о строительстве трубопровода Гурьев-Уральск-Куйбышев с целью транспортировки светлых нефтепродуктов из Баку. Из Азербайджана эвакуировались 9 контор бурения с рабочими, инженерами и оборудованием, нефтеразведочные тресты, Азербайджанское нефтегазовое стройуправление с персоналом в 2300 чел. В 1942 г. бурение в Азербайджане было практически прекращено. А. К. Соколов справедливо указывает на документы, представляющие в более реалистичном, нежели ранее, свете роль Азербайджана в формировании «Второго Баку»: проверка исполнения решений ГКО в конце 1942 г. показала, что они не были полностью выполнены в части, касающейся Баку: к 15 ноября в Урало-Поволжье было отправлено только 62% от намеченного

числа рабочих, служащих, инженерно-технических работников и максимум 10–12% эксплуатационного и бурового оборудования. Большая часть его даже не была подготовлена к отправке (Соколов 2013: 236).

Особая сложность этого периода перебазирования была связана с оккупацией осенью 1942 г. Северного Кавказа, исключившей возможность использования железных дорог. Оперативную перевозку горючего на фронт обеспечили быстро построенные новые железнодорожные ветки: Кизляр – Астрахань, Баскунчак – левый берег Волги, Батуми – Туапсе, Саратов – Камышин – Сталинград. Интенсивное использование Волжской речной магистрали и Каспийского моря даже под обстрелом дало возможность обеспечить войска горючим не только в Сталинградской битве, но и на других фронтах. Бомбардировки советских танкеров и судов в северной части Каспийского моря продолжались и летом 1943 г., но за год Каспийский флот сумел перевезти 14 млн т нефтепродуктов (Куманёв 2005: 285). Через Каспийское море летом и осенью 1942 г. оборудование из Кубани и Чечено-Ингушетии было кружным путем направлено в Поволжье и Казахстан. Из Майкопа были вывезены также все запасы горюче-смазочных материалов, буровые скважины забиты, оставшееся оборудование зарывалось в землю (Гречко 1973: 85). 10 августа 1942 г. немцами был захвачен Майкоп, 12 августа – Краснодар. Часть германских соединений повернула на юго-восток – на Грозный. Но захватить район или вывести его полностью из эксплуатации противнику не удалось. В 1942 г. Грозный дал стране 1,4 млн т нефти (Ибрагимбеши 1977: 228). Однако удельный вес районов Северного Кавказа в добыче нефти понизился с 14,9 до 9,4 % (Будков 1985: 94, 96, 98).

Снижение добычи нефти на северо-кавказских промыслах, трудности с транспортировкой бакинской нефти обусловили увеличение ее добычи и переработки в Урало-Поволжье, Казахстане, Средней Азии, на Сахалине. Значение Волго-Уральского района все более возрастало. В 1942 г. капиталовложения в нефтяную промышленность «Второго Баку» составили 41,6%, в 1943 г. – 55,8%. Ускоренное освоение Урало-Поволжья обусловила сложная ситуация на фронте в критический для страны период войны – 1941–1942 гг. Если удельный вес Волго-Уральского региона в общесоюзной добыче нефти в 1942 г. составил 8,1% (вместо 6% в

1940 г.), то в 1945 г. – 14,6% (Нефть СССР 1987: 45).

В годы Великой Отечественной войны была решена огромная по своей значимости и масштабам задача: параллельно с перебазированием на Восток значительной части нефтяной промышленности, увеличивать темпы разведки, добычи и переработки сырья, чтобы обеспечить работу тыла и боеспособность действующей армии. Если в 1938–1940 гг. государство вложило в нефтяную отрасль (в сопоставимых ценах) 3,487 млрд. руб., то за 1941–1945 гг. – 5,566 млрд. руб. В нефтедобычу было направлено 2,206 млрд. руб., в том числе в бурение – больше 1 млрд. руб. (Лисичкин 1958: 41, 117). Всего за годы войны было открыто 34 нефтяных и газовых месторождения, из них 21 – в восточных районах (Иголкин 2009: 78). Таким образом, между Волгой и Уралом были созданы основы новой сырьевой базы страны.

За 1941–1945 гг. добыча нефти в СССР заметно упала, однако ее объемы составили 110,7 млн т, а американские поставки – 2,6 млн т (Вестфаль 1958: 114). США поставили оборудование для четырех нефтеперерабатывающих заводов в СССР – в Гурьеве, Орске, Куйбышеве, Красноводске и 2 установки каталитического крекинга «Гудри» для производства авиабензинов типа Б-78 на предусмотренных строительством заводах в Куйбышеве и Красноводске (РГАСПИ. Ф. 644. Оп.1. Д. 103. Л. 168–169). Их ввод в эксплуатацию в конце войны не мог оказать значительного влияния на ее исход, но послужил началом создания средневожской нефтеперерабатывающей промышленности.

Таким образом, несмотря на общее падение добычи нефти, выработка горючего для армии постоянно росла. Потребление горюче-смазочных материалов Красной Армией наращивалось непрерывно: в 1943г. оно составило 123% к 1942 г., в 1944 г. – 145%, 1945 г. – 172% (Кравченко 1970: 354). Красной Армией (без флота) в военное время было израсходовано 13,36 млн т горючего. Потребность в горючем действующей армии обеспечивалась на 83% текущим производством, на 9% – импортом, на 1,2% – трофейным горючим, остальная часть покрывалась запасами, хранившимися на складах Народного Комиссариата обороны и других источников (Нефть СССР 1987: 52).

В беседе с наркомом нефтяной промышленности Н. К. Байбаковым в 1944 г. И. В. Сталин сказал: «Мы создали и танки, и самолеты, и машины. Много у нас захваченной техники. Но

они же останутся без движения, если не будет это душа военной техники, а я бы добавил, и нефти, бензина, дизельного топлива. Нефть – всей экономики» (Байбаков 1993: 48–49).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГКО** – Государственный комитет обороны
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории

ЛИТЕРАТУРА

- Байбаков Н. К. 1993. Сорок лет в правительстве. Москва: Республика.
 Будков А. Д., Будков Л. А. 1985. Нефтяная промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны / Вайнер И. Я. (ред.). Москва: Недра.
 Вестфаль В., Крейн Г., Блюментрит и др. 1958. Роковые решения. Москва: Военное издательство Министерства Обороны СССР.
 Гречко А. А. 1973. Битва за Кавказ. Изд. 2-е. Москва: Воениздат.
 Дашичев В. И. 1973. Банкротство стратегии германского фашизма: ист. очерки: документы и материалы. В 2 т. Москва: наука. Т. 2.
 Ергин Д. 2001. Добыча: всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. Москва.
 Законников М. П. 1967. Прошлое, настоящее и будущее нефтяной промышленности // Ученые записки Московского государственного заочного пединститута 14, 33.
 Иголкин А. А. Новая «столица» советской нефтедобычи // <http://www.oilru.com/nr/170/3913/> (2014. 17 сент.).
 Постановления ГКО в 1941 г. // <http://www.soldat.ru/doc/gko/gko1941.html> (2014. 24 окт.).
 Ибрагимбеши Х. М. 1977. Крах «Эдельвейса» и Ближний Восток. Москва: Наука.
 Куманёв Г. А. 2005. Вклад советской военной экономики в победу // Россия в XX веке. Война 1941–1945 годов: современные подходы / Сахаров А. Н. (ред.). Москва: Наука.
 Кравченко Г. С. 1970. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Москва: Экономика.
 Лисичкин С. М. 1958. Очерки развития нефтедобывающей промышленности СССР. Москва: Академия наук СССР.
 Мазуркевич Р. В. 1992. Планы и реальность // Военно-исторический журнал 2, 23.
 Нюрнбергский процесс: Сб. материалов. 1990. В 8 т. Т.4. Москва: Юр. литература.
 Нефть СССР (1917–1987 гг.) 1987 // Динков А. А. (ред.). Москва: Недра.
 Советский тыл в Великой Отечественной войне: Общие проблемы. 1974 // Пospelов П. (ред.). Москва: Мысль.
 Соколов А. К. 2013. Советское нефтяное хозяйство. 1921–1945 гг. – Москва: Институт российской истории Академии Наук. 65 лет // Ветераны. 2007. Вып. 20.

REFERENCES

- Baibakov N. K. Sorok let v pravitelstve [Forty years in the government]. Moscow: Respulika, 1993. (In Russian).
 Budkov A. D., Budkov L. A. Neftyanaya promyshlennost SSSR v gody Velikoy Otechstvennoy voiny [The USSR oil industry during the Great Patriotic War]. Ed. by I.Ya. Weiner. Moscow: Nedra, 1985. (In Russian).
 Westphal V., Krape G., Blumentritt et al. Rokoviye resheniya [Fatal decisions]. Moscow: Military Publishing House of the USSR Ministry of Defense, 1958. (In Russian).
 Grechko A. A. Bitva za Kavkaz [The battle for the Caucasus]. 2-nd ed. Moscow: Voenizdat, 1973. (In Russian).
 Dashichev V. I. Bankrotstvo strategii germanskogo fashizma: istoricheskiye ocherki: dokumenty i materialy [Bankruptcy of German fascism strategy: Historic essays: Documents and materials]. In 2 Vol. Vol.2. Moscow: Nauka, 1973. (In Russian).
 Yergin, D. Dobycha: vsemirnaya istoriya borby za neft, dengi i vlast [Oil produciton: world race for oil, money and power]. Moscow, 2001. (In Russian).
 Zakonnikov M. P. In: Ucheniye zapiski Moskovskogo gosudarstvennogo uzaochnogo pedistituta [Scientific notes of Moscow State Correspondence Pedagogical Institute]. Vol. 14 (1967): 33. (In Russian).
 Igolkin A. A. Novaya «stolitsa» sovetskoy nefteobryshy [New «capital» of the Soviet oil production]. Available at <http://www.oilru.com/nr/170/3913/> (Accessed on Sept. 17, 2014). (In Russian).
 Postabovleniya GKO v 1941 g. [Orders of the State Defense Committee in 1941]. Available at <http://www.soldat.ru/doc/gko/gko1941.html> (Accessed on Oct. 24, 2014). (In Russian).
 Ibrahimbshi H. M. Krakh «Edelweisa» i Blizhniy Vostok [The collapse of Edelweiss and the Middle East]. Moscow: Nauka, 1977. (In Russian).
 Kumanyov G. A. In: Rossiya v XX veke. Voina 1941–1945 godov: sovremenniye podkhody [Russia in the 20th century. War of 1941-1945: Modern approaches]. Ed. by A. N. Sakharov. Moscow: Nauka, 2005. (In Russian).
 Kravchenko G. S. Ekonomika SSSR v gody Velikoy Otechstvennoy voiny (1941-1945) [USSR economy during the Great Patriotic War (1941–1945)]. Moscow: Ekonomika, 1970. (In Russian).
 Lisichkin S. M. Ocherki razvitiya nefteobryvayushchey promyshlennosti SSSR [Essays on the development of the USSR oil industry]. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1958. (In Russian).
 Mazurkiewicz R. V. In: Voenno-istorichesky zhurnal [Military and historical journal]. Vol. 2 (1992): 23. (In Russian).
 Nurnbersky protsess: Sbornik materialov [The Nuremberg trials: A collection of materials]. In 8 Vol. Vol. 4. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1990. (In Russian).
 Neft SSSR (1917–1987 gg.) [Oil of the USSR (1917–1987)]. Ed. by A. A. Dinkov. Moscow: Nedra, 1987. (In Russian).
 Sovetskyy tyl v Velikoy Otechstvennoy voine: Obschiye problemy [The Soviet home front in the Great Patriotic War: Common problems]. Ed. by P. Pospelov. Moscow: Mysl, 1974. (In Russian).

*Sokolov A. K. Sovetskoye neftyanoye khozyastvo. 1921–1945 gg. [The Soviet oil industry. 1921-1945]. Moscow: Institute of Russian History of the Academy of Sciences, 2013. (In Russian).
In: Veterany [The Veterans]. Vol. 20 (2007). (In Russian).*

*E. V. Bodrov, V. V. Kalinov
Moscow, Russia*

DEVELOPMENT OF STATE POLICY IN OIL INDUSTRY DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. This paper investigates the development of Russian state policy in oil industry during the Great Patriotic War. The authors have identified and characterized the main stages of policy development, efficiency of state activities to relocate the facilities, equipment and personnel of oil enterprises to the Eastern parts of the country, as well as activities to supply fuel to the military front, search for new oil deposits, and improve oil refining. The paper concludes that the Russian oil companies made a significant contribution to the USSR victory, which became one of the major factors determining the outcome of the Great Patriotic War and WWII. The historical experience of the Soviet oil industry in providing the country with strategic materials and developing a base for post-war national project of the powerful oil and gas complex requires further research and study.

Key words: oil industry; the Great Patriotic War; evacuation; oil production; refining.

About the authors: Elena Vladimirovna Bodrova¹, Doctor of Historical Sciences (DSc), Professor, Head of the Department of History; Vyacheslav Viktorovich Kalinov², Doctor of Historical Sciences (DSc), Associate Professor, Head of the Department of History.

Place of employment: Moscow Technological University¹; Gubkin Russian State University of Oil and Gas².

УДК 947.065/066(571)

*А. В. Дмитриев
Новосибирск, Россия*

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОВИАНТСКОГО СНАБЖЕНИЯ В РУССКОЙ АРМИИ СЕРЕДИНЫ – ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.

Аннотация. Статья посвящена исследованию организации и функционирования системы провиантского довольствия войск Сибирского корпуса середины – второй половины XVIII в. Система материального снабжения, в частности, провиантского довольствия в русской армии XVIII в. до сих пор не стала предметом специального изучения в исторической литературе. В данной статье, на основе ряда материалов из фондов федеральных и региональных архивов, мы попытались проследить, как именно функционировали на практике ее механизмы, какие основные проблемы приходилось решать центральной и местной администрации, военным и гражданским властям, как была организована транспортировка провианта и выдача его военнослужащим. В частности, военному командованию пришлось выстраивать отношения с Сибирской губернской канцелярией, отвечавшей за покупку провианта и наполнение казенных армейских магазинов. Закупки провианта для войск создавали постоянную проблему излишних затрат бюджетных средств на довольствие армейских частей. В некоторых же случаях гражданские власти фактически не принимали участия в снабжении войск провиантом, перекаладывая всю ответственность на военное командование.

Характерная для изучаемого периода неразграниченность полномочий военного ведомства и гражданских властей зачастую приводила к конфликтам между ними. Власти и военное командование вынуждены были постоянно стараться по возможности экономить средства государственной казны, не допуская излишних затрат и убытков, и одновременно добиваться полноценного снабжения воинских частей провиантом и фуражом. В ряде случаев это приводило к тому, что военнослужащие вынуждены были брать на себя некоторые функции, относившиеся к сфере компетенции местной сибирской администрации. Вместе с тем, снабжение провиантом воинских частей, даже в специфических условиях сибирского региона, осуществлялось на протяжении всего рассматриваемого периода достаточно успешно. При возникновении каких-либо экстренных или чрезвычайных ситуаций командование Сибирского корпуса совместно с Сибирской губернской канцелярией находили нужные средства и ресурсы для исправления положения. Это свидетельствует об известной гибкости управленческих механизмов Российской империи, при необходимости допускаявших отступления от жесткой финансовой политики в пользу нужд военного ведомства.

Ключевые слова: русская армия; Сибирский корпус; провиантское снабжение; XVIII век.

Сведения об авторе: Андрей Владимирович Дмитриев, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории.

Место работы: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет.

Контактная информация: 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, д. 2; тел. 89607905324; e-mail: khaldeus@academ.org.

Система материального снабжения, в частности, провиантского довольствия русской регулярной армии XVIII в. фактически до сих пор еще не становилась предметом специального изучения. В ряде обобщающих военно-исторических трудов, посвященных указанному столетию, дается лишь ее описание в общих чертах (Бескровный 1958: 120–124). В работе С. В. Карпущенко имеется весьма детальный разбор отдельных составляющих этой системы и принципов ее функционирования, в частности, механизмов казенных закупок и деятельности подрядчиков, доставки и сдачи провианта в армейские магазины, условий его хранения и пр. (Карпущенко 1999: 56–65) Однако она носит скорее популярный характер и вряд ли может считаться полноценным историческим исследованием. Вот почему нам бы хотелось попытаться проследить на основе хотя бы некоторых конкретных примеров, как именно функционировали на практике эти механизмы, какие основные проблемы приходилось решать центральной и местной администрации, военным и гражданским властям. Для этого нами были избраны и изучены соответствующие материалы, относящиеся к воинским частям Сибирского корпуса на протяжении середины – второй половины XVIII в.

Нельзя сказать, чтобы интересующая нас проблематика вовсе не рассматривалась в рамках сибирской истории указанного столетия. В монографиях Н. Г. Аполловой и Г. Ф. Быкони приведены данные о хлебных сборах с крестьянского населения Западной Сибири и Забайкалья на нужды расквартированных здесь армейских подразделений, о закупках провианта и попытках заведения полкового хлебопашества (Аполлова 1976: 163; Быконя 1985: 189). Недавно эти аспекты были также частично затронуты в диссертационном исследовании С. В. Андрейчука (Андрейчук 2010: 18–21). А. С. Зуев уделил внимание снабжению воинских команд, находившихся на крайнем северо-востоке Сибири (Зуев 2005: 41–44). Однако все перечисленные авторы характеризовали лишь отдельные частные случаи, не делая на их основе сколько-нибудь обобщающих выводов.

Проблема провиантского снабжения армейских частей приобрела остроту после 1744–1745 гг. Если ранее к востоку от Урала дислоцировались лишь 4–5 гарнизонных полков, за снабжение которых отвечали сибирские губернаторы, то после переброски в Сибирь еще 5 полевых полков ситуация изменилась, ведь

снабжением полевых войск ведали Главная провиантская канцелярия Военной коллегии и непосредственно командующий генералитет. Тем не менее, военным властям все равно приходилось постоянно взаимодействовать с Сибирской губернской канцелярией, отвечавшей за покупку провианта и наполнение казенных армейских магазинов. Командующий сибирскими частями генерал-майор Х. Киндерман в начале 1750 г. с тревогой доносил, что «ис присланных из разных мест о покупке провианта от определенных для той покупки камисаров репортов и ведомостей усмотрено в покупке того провианта малое число за тем, что на партикулярные винные заводы, состоящие в тех местах, откупщики провиант весь выкупают, отчего в покупке следует помешательство, и цены возвышающца» (ГИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 19. Л. 40).

Со своей стороны, губернская канцелярия не видела поводов для беспокойства, заверяя, что «провиант определенными в городех и дистриктах камисарами покупкою на асигнованные денги, також и в Тоболску подрядом заготовляетца, и упователно де за благодатиею Божию в заготовлении онаго провианта покупкою и подрядом к преждебудущему вешнему времени ко отправлению ис Тоболска в Тару и в Верх Иртыжския крепости будут з доволным числом» (ГИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 19. Л. 40–40 об.). Кроме того, до 20 тыс. четвертей ржи и овса можно было рассчитывать получить из магазинов ведомства оренбургского губернатора И. И. Неплюева. Поэтому Провиантская канцелярия сочла опасения Киндермана излишними. Однако быстро выяснилось, что наладить правильные взаимоотношения с Сибирской губернской канцелярией у Киндермана вышло с трудом.

Характерный пример: в августе 1751 г. командующий жаловался Военной коллегии на то, что «расположенного в Краснослободском дистрикте Олонецкого драгунского полку лошади минувшею зимою за недостатком сена принуждены были довольствоватца овсом по два гарнца», а также уверял, что вынужден был отменить намеченную на весну 1750 г. передислокацию ряда частей ближе к границе «за неимением провианта и овса», обвиняя Сибирскую губернскую канцелярию в «слабом и нерадетелном» исполнении его требований по части снабжения войск (ГИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 19. Л. 114–114 об.). Как показало предпринятое Провиантской канцелярией расследование, сложившаяся ситуация явилась результатом того, что Киндерман дал знать в Тобольск о

необходимых для отправки в крепости Иртышской линии объемах провианта и фуража лишь в начале февраля 1750 г. В связи с этим чиновники провиантского ведомства потребовали от Киндермана впредь сообщать губернской канцелярии свои требования для отпуска провианта и фуража «заблаговременно, со всеми обстоятельствами».

Согласно инструкции генерал-провиантмейстеру, утвержденной еще в первой четверти XVIII в., в случае отсутствия достаточных запасов продовольствия в казенных магазинах, войсковым командирам предписывалось собирать провиант и фураж у местных жителей, либо оплачивая эти сборы наличными деньгами из полковой казны, либо выдавая квитанции, по которым в дальнейшем провиантское ведомство будет выплачивать их подателям нужные суммы. Однако к середине XVIII в. выяснилось, что во многих случаях эти квитанции выдаются за подписями только обер- или даже унтер-офицеров, а не штаб-офицеров и генералов, как того требовала инструкция. Более того, в квитанциях не указывались ни время, когда осуществлялись сборы с крестьян и городских обывателей провианта и фуража, ни цены, по которым в данной местности велась на тот момент торговля. Выяснение этих сведений, необходимых для произведения выплат по квитанциям, выливалось в сбор множества справок. В связи с этим, во избежание канцелярской волокиты, всем армейским частям рекомендовалось выдавать квитанции за подписями полковых командиров и квартирмейстеров, либо офицеров, командующих отдельными партиями. От местных властей же требовалось наблюдать, «чтоб в тех квитанциях и ведомостях чищения и приправок не было, дабы к платежу по ним денег ни в чем сумнительства и в справках затруднения миновано было», а также обеспечивать выплаты по ним без задержек «из наличных провиантской суммы денег или в подушной збор зачитать без всякой передачи и обывателем волокиты» (РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 413. Л. 27, 28).

Вообще постоянной проблемой для государственной казны оставались опасения по поводу излишних затрат бюджетных денег на провиантское довольствие. Из года в год Главная провиантская канцелярия рассылала по всей империи в адрес подчиненных ей местных провиантмейстерских комиссий однотипные распоряжения максимально подробно собирать и предоставлять в столицу все сведения о производимых финансовых и торговых операциях:

«Иметь настольную ведомость, сколько где при покупках и подрядах провианта и фуража от повышения против штатских цен передачи, а напротив того в прочих местах от понижения и от неполного в полках и батальонах числа людей и лошадей остатку имеет быть, дабы можно было оставателно видеть положенной на провиантские расходы годовой суммы достаточно ль или недостаточно будет, и остаток от понижения против штатских цен и от неполного комплекта людей и лошадей может ли заменить в передаче употребленную сверх штатских цен» (ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 20. Л. 49). При этом чиновники даже добивались того, чтобы «по всем местам при подрядах и покупках провианта и фуража в сочиняемых о тех подрядах и покупках выписках вычислять, а в протоколах и журналах оговаривать именно, с каким против штатской цены у каждой четверти договорная цена повышением или понижением состоит, и много ль всей суммы от повышения передачи или остатку будет» (ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 20. Л. 49–49 об.). Впрочем, совершенно очевидно и то, что рассчитывать на сколько-нибудь точное исполнение своих требований они не могли.

Проблемы с закупками провианта для войск продолжали возникать регулярно. Так, в начале 1763 г. временно исполнявший обязанности сибирского губернатора статский советник А. Колударов получил жалобы от капитана Таракановского и подпоручика Кондакова, отвечавших за покупку провианта в Красноярском и Енисейском уездах соответственно. Первый уведомлял о том, что красноярский посадский П. Пороховщиков, взявший подряд на поставку в Тобольск, сознательно завышает цены для получения от казны максимальных сумм: «Видно, что оное происходит для лакомства, понеже обыватели могут подрядится поставить провиант дешевою ценою... а ежели подрядом покупка произойдет, то в высочайшем ея императорского величества интересе последует немалой убыток» (РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 697. Л. 15). Второй сообщал, что не в силах купить достаточно провианта в Енисейском уезде, поскольку «довольное число тамошних купцов и других чинов за покупкою онаго провианта находится и закупают тысячи по четыре, по пяти и более пудов и намерены на строящихся мелководных судах и барках по полой воде отправить оной в Енисейск, Туруханск и Нарым, от чего получают себе великие прибитки» (РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 697. Л. 15). Оба офицера предлагали обязать Енисейскую провин-

циальную и Красноярскую воеводскую канцелярии запретить продажу провианта всем этим перекупщикам, «чтоб они огнюдь цены не возвышали», а также отобрать у них «хотя половинное число» уже закупленного хлеба, выдав от казны денежную компенсацию по твердо фиксированной цене.

Согласившись со всеми поступившими к нему предложениями, Колударов предписал начальнику комиссии провиантских дел премьер-майору (в должности генерал-лейтенанта по ведомству генерал-провиантмейстера) Н. Круковскому добиваться того, чтобы по ним «чинить скорейшее ж и неупустительное исполнение, опасаясь за неисполнение и упущение времени в силу указов неоминуемого штрафа». Последний ссылался в текстах промеморий, отправляемых в провинциальные и воеводские канцелярии, на инструкции, обязывавшие офицеров, отвечавших за покупку провианта, «чтоб оные в покупке того провианта и овса прилагали всекрайнее старание и неусыпное попечение, и конечно оного б з недостатком искуплено и на линии потребное число отправлено было под опасением, естли находящиеся на линиях воинския чины в провианте, а государевы лошади в овсе нужды, а паче и голод претерпевать будут, тем афицерам воинского суда» (РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 697. Л. 48–48 об.). Вместе с тем, Круковский вынужден был констатировать, что «по большей части по оным предвидитца от некоторых ис тех канцелярей афицеров неисполнение», приводя в качестве примера именно Енисейскую провинциальную канцелярию, которая «толко репортует за известие о получении указов, а какою по ним исполнение чинитца или чинено быть имеет, а по прежде полученным и учинено, о том о всем неведомо для каких случаев умалчивает» (РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 697. Л. 48 об.). Подобные формулировки, на наш взгляд, очевидно свидетельствуют об отсутствии адекватных механизмов взаимодействия между военными властями (в частности, провиантским ведомством Военной коллегии) и местной сибирской администрацией (на уровне провинций и уездов), когда даже угрозы штрафных санкций не помогали добиться исполнения распоряжений, рассылавшихся из Тобольска.

Еще одна конфликтная ситуация наблюдалась в 1787 г., когда тобольская комиссия провиантских дел оказалась вовлечена в конфликт с казенной палатой Колыванской губернии. Все началось с того, что в августе комиссия потре-

бовала от палаты обеспечить закупку провианта для войск, дислоцированных вблизи Семипалатинской и Усть-Каменогорской крепостей, у населения Колыванской губернии, поскольку транспортировать туда грузы из Тобольска по Иртышу не только затруднительно, но и убыточно для казны. Однако казенная палата, ссылаясь на посредственный урожай нынешнего года, отказывалась исполнять это требование. Со своей стороны, комендант Усть-Каменогорской крепости премьер-майор кн. С. Эристов также не добился успеха, в своем рапорте признавшись, что «сколко он ни старался живущих около Усть Каменогорской крепости в селениях земледельцов на продажу в казну хлеба приохачивать, но никакова успеху не предвидит, а хотя некоторые крестьяна небольшое число и объявили, но ценою не менее как в три рубли четверть» (РГВИА. Ф. 18. Оп. 2. Св. 187. Д. 66. Л. 832 об.). В связи с этим командующий Сибирским корпусом генерал-поручик Н. Огарев обратился к колыванскому губернатору Б. И. Меллеру со следующим предложением: «Принять всевозможные средства и старания вызовом и соглашением крестьян... на продажу в казну хлеба, не выпуская онова в посторонния руки, дабы по нынешнему в магазинех недостатку хотя до снятия и вымолоту новова хлеба сколко нибудь провианта запасено было, а потом можно поселян и принудить к вывозу и продаже онова» (РГВИА. Ф. 18. Оп. 2. Св. 187. Д. 66. Л. 833–833 об.).

Хотя губернатор ответил командующему, что якобы договорился с казенной палатой о вызове желающих стать подрядчиками и что 3 сентября некоторые из них уже явились для производства торгов и заключения сделок, однако уже в конце октября Огарев с раздражением жаловался Военной коллегии, что «в приготовлении онаго не толко никакого успеху не происходит, но и на посланные от меня... сообщении никакого уведомления получить не можно, почему и принуждено было к ним послать нарочных, но оные еще не возвратились, и неизвестно, какое постановление о приготовлении провианта и фуража учреждено будет» (РГВИА. Ф. 18. Оп. 2. Св. 187. Д. 66. Л. 842). Губернская казенная палата, как выяснилось, отказала желающим взять подряды из соображений экономии казенных средств. При этом чиновники ссылались на цены, установленные для закупок продовольствия на нужды горных заводов Колывано-Воскресенского округа: от 1,81 до 2,17 руб. за четверть муки, от 2,40 до

3,20 руб. за четверть крупы – тогда как подрядчики не соглашались брать за поставки для войск по ценам менее чем 2,53 – 2,90 руб. за муку и 2,90 – 3,60 руб. за крупу (РГВИА. Ф. 18. Оп. 2. Св. 187. Д. 66. Л. 842 об.). Генерал-поручик Огарев вынужден был согласиться на отправку для закупки провианта армейских офицеров, снабженных соответствующими денежными суммами, не надеясь, впрочем, на успех: «Как мог я предвидеть безнадежность в приготовлении в разсуждении упущения казенною полатою времени к покупке и соглашению земледельцев к продаже хлеба, то самое и последовало» (РГВИА. Ф. 18. Оп. 2. Св. 187. Д. 66. Л. 845). Действительно, командированный из Семипалатинской крепости прапорщик Лаптев, которому выдали от казны 200 руб., доносил коменданту, что в деревнях вверх по течению Иртыша так и не смог ничего купить, поскольку тамошние крестьяне отказались перевозить в крепость хлебные запасы.

Больше повезло отправленному из Усть-Каменогорской крепости поручику Волошанину. Ему удалось добиться продажи по 200 четвертей муки и овса, даже несмотря на препятствия в лице приказчиков купца Верхотурова, взявшего подряд на закупку и поставку провианта в Семипалатинскую крепость, которые бесконтрольно завышали цены, чтобы выполнить взятые обязательства, а также полное нежелание Семипалатинского нижнего земского суда помочь этому офицеру в том, чтобы принудить крестьян к продаже и перевозке хлеба в крепостные магазины (РГВИА. Ф. 18. Оп. 2. Св. 187. Д. 66. Л. 845 об.). К счастью, в самом начале 1788 г. Меллера сменил в должности генерал-поручик И. В. Якоби, назначенный иркутским и колыванским генерал-губернатором. Последний быстро предписал Колыванской казенной палате выполнить все требования корпусного командира, так что к осени Тобольская комиссия провиантских дел уже выдала палате все суммы, ассигнованные военным ведомством на закупки провианта вплоть до июля 1789 г.

Немало проблем возникало также при транспортировке и хранении уже купленного и заготовленного для войск провианта. В 1765 г. командующий войсками, дислоцированными на Колывано-Кузнецкой линии, генерал-майор И. Деколонг сообщал сибирскому губернатору Д. И. Чичерину, что при приеме провианта, доставленного из Томска подрядчиком Здерихиным, было выявлено негодного овса 474 чет-

верти, круп 245 четвертей. Хотя губернатор и согласился с тем, что «подмочка овсу и крупе приключилась не от оплошности того подрядчика Здерихина, но по власти Божией», однако распорядился, чтобы Томская воеводская канцелярия взыскала с последнего соответствующую сумму деньгами и перевела ее на счет провиантского ведомства, а Деколонгу предписал эти пришедшие в негодность овес и крупу «на линии с публичнаго торгу охочим людям продать и вырученные денги записать в приход в правианскую сумму» (ГИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 134. Л. 429–429 об). Впрочем, трудно предположить, чтобы на покупку испорченных продуктов нашлись желающие.

Из-за этого военному командованию зачастую приходилось возлагать транспортировку провианта на армейских офицеров и рядовых. В августе 1765 г. поручик 3-го Тобольского гарнизонного пехотного батальона П. Савелов, погрузив на четыре дощаника из магазинов, расположенных при устье р. Ишим, 1 645 четвертей муки, 283 четверти ржи, 382 четверти ячменя и 1 045 четвертей овса, отправился с этим грузом в Омск. Прибыв туда через два месяца, он благополучно сдал провиант в распоряжение комендантской канцелярии, также отчитавшись о расходах: «По данной от комиссии правианских дел книге определенными обер афицерами щитан, и по щете приход расход явился верен, передач и противных указом дач не оказалось, а в остатке денежной казны два рубли дватцать три копейки три чети, которая от него приняты и в приход в правианскую сумму записаны» (ГИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 134. Л. 148, 311).

Итак, мы проследили на ряде примеров принципы организации и функционирования системы провиантского снабжения армейских частей на территории Сибири на протяжении ряда десятилетий в течение XVIII в. Изученные материалы свидетельствуют, на наш взгляд, о двух моментах. Во-первых, характерная для данного периода неразграниченность полномочий военного ведомства и гражданских властей зачастую приводила к конфликтам между ними, когда ни одна из сторон не проявляла желания принимать на себя всю полноту ответственности за эффективность снабжения войск. Во-вторых, власти и военное командование вынуждены были постоянно решать дилемму на базе взаимоисключающих принципов: по возможности экономить средства государственной казны, не допуская излишних затрат и убытков

«казенному интересу», и одновременно добиваться полноценного снабжения воинских частей провиантом и фуражом регулярно и в надлежащих объемах. Вместе с тем, нельзя не отметить, что снабжение провиантом воинских частей, даже в специфических условиях сибирского региона (чрезвычайная отдаленность, низкая плотность населения и т.д.), осуществлялось на протяжении всего рассматриваемого

периода более-менее успешно. Это свидетельствует, по нашему мнению, об известной гибкости управленческих механизмов, при необходимости допускавших отступления от жесткой финансовой политики имперского государства, готового жертвовать известной долей доходов именно на нужды военной сферы для укрепления оборон оспособности страны.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГАРБ** – Государственный архив Республики Бурятия (Улан-Удэ).
ГИАОО – Государственный исторический архив Омской области (Омск).
РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва).
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив (Москва).

ЛИТЕРАТУРА

- Андрейчук С. В.* 2010. Сибирский корпус в системе военной безопасности на юге Западной Сибири (1745–1808 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул.
Аполлова Н. Г. 1976. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX в. Москва: Наука.
Бескровный Л. Г. 1958. Русская армия и флот в XVIII веке (Очерки). Москва: Воениздат.
Быкопя Г. Ф. 1985. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX вв. Формирование военно-бюрократического дворянства. Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та.
 ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 20.
 ГИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 19.
 ГИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 134.
Зуев А. С. 2005. Жизнеобеспечение гарнизонов крайнего северо-востока Сибири во второй половине XVII – XVIII в. // Кузнецов И. С. (отв. ред.). Сибирь: проблемы истории повседневности XVII–XX вв. Бахрушинские чтения 2005 г.: Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 39–58.
Карпущенко С. В. 1999. Быт русской армии XVIII – начала XX в. Москва: Воениздат.
 РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 413.
 РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 697.
 РГВИА. Ф. 18. Оп. 2. Св. 187. Д. 66.

REFERENCES

- Andreychuk S. V.* Sibirskiy korpus v sisteme voennoy bezopasnosti na yuge Zapadnoy Sibiri (1745–1808 gg.) [Siberian Corps in the Military Security System in the South of Western Siberia (1745–1808): Abstract of Thesis for the Degree of the Candidate of Historical Sciences]. Barnaul, 2010 (In Russian).
Apollova N. G. Khozyaistvennoe osvoenie Priirtyshya v kontse XVI – pervoi polovine XIX v. [Economic development of the Irtysh River region in the late 16th – early 19th centuries]. Moscow: Nauka, 1976 (In Russian).
Beskrovnyi L. G. Russkaya armiya i flot v XVIII veke (Ocherki) [Russian army and fleet in the 18th century (Essays)]. Moscow: Voenizdat, 1958. (In Russian).
Bykonya G. F. Russkoe nepodatnoe naselenie Vostochnoy Sibiri v XVIII – nachale XIX vv. Formirovanie voenno-byuokraticheskogo dvoryanstva [Russian tax-free population of Eastern Siberia in the 18th – early 19th centuries. The formation of military and bureaucratic nobility]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University, 1985 (In Russian).
 The State Archive of Buryatiya Republic. Fund 88. Inventory 1. Case 20 (In Russian).
 The State Historical Archive of Omsk Region. Fund 1. Inventory 1. Case 19 (In Russian).
 The State Historical Archive of Omsk Region. Fund 1. Inventory 1. Case 134 (In Russian).
Zuev A. S. In: Sibir: problemy istorii povsednevnosti XVII–XX vv. Bakhrushinskiye chteniya 2005 g.: Mezhvuzovskiy sbornik nuchnykh trudov [Siberia: the problems of day-to-day history of the 17th – 20th centuries. Bakhrushin Readings 2005: Interuniversity collection of scientific works]. Novosibirsk, pp. 39-58 (In Russian).
Karpuschenko S. A. Byt russkoi armii XVIII – nachala XX v. [Russian army's off-duty life in the 18th – early 20th centuries]. Moscow: Voenizdat, 1999 (In Russian).
 The Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 517. Inventory 1. Case 413 (In Russian).
 The Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 517. Inventory 1. Case 697 (In Russian).
 The Russian State Military History Archive. Fund 18. Inventory 2. Sheaf 187. Case 66 (In Russian).

A. V. Dmitriev
 Novosibirsk, Russia

ORGANIZING SUPPLIES IN RUSSIAN ARMY IN THE MIDDLE AND LATE 18TH CENTURY

Abstract. The paper studies the supply system for the troops of the Siberian Corps in the middle and late 18th century. The system of material supply used for the Russian Army in 18th century still remains a blank spot for historical researches. Based upon some sources from federal and regional archive funds, the authors tried to investigate

the practical mechanisms of the supply system, major difficulties and problems faced by the central and local state, military and civil authorities, as well as principles of provision transportation and distribution among the servicemen. In particular, military authorities had to interact with the Siberian Provincial Office responsible for purchasing provision and supplying the army warehouses. The purchases were a constant problem due to excessive budget expenses for supplying army troops. In some cases, civil authorities did not even take any part in the supply for the troops leaving it to the military command.

The lack of delimitation between military and civil authorities, a characteristic feature for the whole period, led to many conflicts. Both the authorities and the military command were forced to make efforts to save the state treasury's money in order to avoid expenses and losses. Along with that, it was necessary to achieve the full value supply of provision and forage to the troops. Sometimes the servicemen even had to assume the duties assigned to the local Siberian administration. At the same time, the authors conclude that supplies for army troops, considering specific Siberian conditions, were quite successful throughout the whole period under study. In case of any emergency, the Siberian Corps' command together with the Siberian Provincial Office managed to find the required means and resources. This gives evidence to some flexible mechanisms in the Russian Empire's government, allowing some deviations from the strict financial policies in favor of particular military needs.

Key words: Russian Army; Siberian Corps; supplies; 18th century.

About the author: Andrey Vladimirovich Dmitriev, Candidate of Historical Sciences (PhD), Associate Professor of the Department of Russian History.

Place of employment: Novosibirsk National Research State University.

УДК 930

В. Н. Зубов

Нижевартовск, Россия

ВОСПРИЯТИЕ «КАЗАНСКОГО ВЗЯТИЯ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ СЕРЕДИНЫ XX в. И ТВОРЧЕСТВО Б. Г. ВЕРХОВЕНЯ

Аннотация. В работе предпринята попытка пересмотреть взгляды на творчество Б. Г. Верховеня в рамках актуальной в отечественной историографии для середины XX в. темы – интеграции Казанского ханства в состав России после «взятия» Казани в 1552 г. Эта тема являлась частью более широкого историографического дискурса, посвященного не только развитию Московского государства при Иване IV, но и личности самого первого русского царя – так называемой «Иванианы». Важность публикации заключается прежде всего в уточнении автором механизмов реализации «пропагандистской машины» эпохи И. В. Сталина.

Представляется, что подробный анализ как самой концепции Б. Г. Верховеня относительно Казанского «взятия», так и реакции на неё современников позволяет более основательно подойти к решению историографической дискуссии относительно механизмов формирования «сталинской» парадигмы применительно к личности и времени Ивана Грозного. Привлеченный круг историографических источников в виде работ С. В. Бахрушина, И. У. Будовница, Р. Ю. Виппера, Ю. В. Готье, С. М. Дубровского, В. Д. Королюка, Г. К. Красинского, М. Д. Курмачевой, Д. С. Лихачева, Н. Новикова, Б. Тельпуховского, М. Г. Худякова позволяет усомниться в заключении А. Л. Хорошкевич о ключевой роли Б. Г. Верховеня в развертывании официальной трактовки присоединения Казанского ханства к Русскому государству. Подвергается сомнению и тезис о том, что введение в оборот устойчивой конструкции «расширение Русского государства» принадлежит Б. Г. Верховеню.

В работе уделено внимание не только содержательной стороне концепции этого историка относительно присоединения Казанского ханства к Русскому государству, но и обстоятельствам появления работ Б. Г. Верховеня.

Полагаем, что результаты исследования привлекут внимание не только историков, изучающих развитие советской историографии в середине XX века, но и помогут в реконструкции развития Московского государства середины XVI века.

Ключевые слова: Б. Г. Верховень; Казанское взятие; колонизация; расширение Русского государства; «Иваниана»; Иван IV; Ю. В. Готье; А. Л. Хорошкевич; Р. Ю. Виппер; А. А. Зимин.

Сведения об авторе: Виталий Николаевич Зубов, старший преподаватель кафедры истории России.

Место работы: Нижевартовский государственный университет.

Контактная информация: 628626, г. Нижевартовск, ул. Мира, д. 3б, каб. 311; тел.: 89068546218, e-mail: subovsv@mail.ru.

В современной историографии большой интерес вызывают «механизмы» создания звеньев «пропагандистской машины» И. В. Сталина в

форме идеологем. Наиболее ярко эти процессы видны при изучении того, как в отечественной историографии 1930-х – 1950-х гг. вырабатыва-

лось отношение к личности и времени Ивана Грозного, особенно в контексте интеграции Среднего и Нижнего Поволжья в состав Московского государства в ранний период царствования молодого царя, когда действовала «Избранная Рада» – реформаторский кружок середины XVI в.

К настоящему времени утвердилось мнение о том, что источником упомянутых идеологем явились наблюдения Б. Г. Верховеня. Впервые такое мнение высказала А. Л. Хорошкевич, прямо указавшая на исключительное значение Б. Г. Верховеня в формировании идеологии «Иванианы», сравнивая его с той ролью, которую играл «некий «тов. Кречетов»» в официальном подходе ко всей отечественной советской историографии при жизни И. В. Сталина (Хорошкевич 1991: 88–89).

Современный историк А. Г. Бахтин, классифицируя труды по истории присоединения Среднего и Нижнего Поволжья и Приуралья к России, считает, что книга Б. Г. Верховеня «Россия в царствование Ивана Грозного» не отличается от работ его современников К. В. Базилевича, С. В. Бахрушина, Г. Я. Меркушкина, К. Я. Наякшина, И. Г. Огнева, И. И. Смирнова, С. О. Шмидта. Работы всех перечисленных авторов, по мнению А. Г. Бахтина, страдают тем, что основной причиной расширения Московского государства на восток выступает необходимость «борьбы с внешней агрессией», а «экономическим причинам уделяется несущественное место или о них вообще ничего не говорится» (Бахтин 2001: 52, 69). Такой подход представляется слишком упрощенным.

Как указывает А. Л. Хорошкевич, работы Б. Г. Верховеня об эпохе Ивана Грозного относятся к 1937–1939 гг. Все началось, по её мнению, с того, что «начинающий преподаватель МГУ Б. Г. Верховень» выступил 26 и 28 октября 1937 г. в Высшей школе пропагандистов имени Я. М. Свердлова при ЦК ВКП(б) с двумя лекциями о расширении Русского государства в рамках курса «История СССР». Исследовательница отмечает, что практически сразу же эти лекции сначала были напечатаны в сборнике под редакцией И. И. Минца, а потом вышли в виде отдельной брошюры «Расширение Русского государства» (Хорошкевич 1991: 89). Как указывает А. Л. Хорошкевич, эта брошюра стала распространяться в 1939 г. Следует отметить, что в том же году в свет выходит большинство работ Б. Г. Верховеня, отражающих эпоху Ивана Грозного. Среди них – центральная

работа историка, книга «Россия в царствование Ивана Грозного» (Верховень 1939с). Тогда же появляется сразу в двух изданиях статья Б. Г. Верховеня «Ливонская война», которая имеет ярко выраженную популяризаторскую направленность (Верховень 1939а; Верховень 1939б). В то время Б. Г. Верховень занимал должность преподавателя кафедры истории партии МГУ. Следует также отметить и редко упоминаемую историографами рецензию Б. Г. Верховеня на сборник статей «Против исторической концепции М. Н. Покровского», которая появилась в том же году в журнале «Историк-марксист» (Поэль 1981: 18).

Думается, что формирование парадигм официальной историографии Ивана Грозного протекало гораздо более сложным путем, и не только с точки зрения хронологии. В этом процессе, как представляется, ключевую роль сыграли концепции Р. Ю. Виппера и С. В. Бахрушина. Так, Р. Ю. Виппер изложил основы своего видения эпохи Ивана Грозного ещё в 1922 г. в книге «Иван Грозный», а впоследствии лишь корректировал изложенные тогда суждения (Виппер 1922; Виппер 1943; Виппер 1944; Виппер 1946). Популяризаторская работа С. В. Бахрушина, в которой были представлены основные моменты развития России при Иване IV, была опубликована, как и большинство работ Б. Г. Верховеня, в 1939 г., причем в центральном журнале «Пропагандист» (Бахрушин 1939). В 1938–1954 гг. увидели свет работы многих историков по вопросам внешнеполитической деятельности Ивана IV (Королюк 1954; Красинский 1947; Курмачева 1956; Лихачев 1944; Новиков 1938; Тельпуховский 1940). В них нет ссылок на работы Б. Г. Верховеня, что представляется их своеобразной оценкой в отечественной историографии середины XX века как вполне рядового явления. Важным аргументом в пользу такого представления выступает тот факт, что в ходе дискуссии о переосмыслении роли и личности Ивана Грозного, развернувшейся на страницах центральных изданий после смерти И. В. Сталина, шло обсуждение прежде всего работ Р. Ю. Виппера, С. В. Бахрушина, И. И. Смирнова, а работы Б. Г. Верховеня не затрагивались (См., напр.: Дубровский 1956: 121–129; Курмачева 1956: 195–204). Из современников только Ю. В. Готье откликнулся рецензией на книгу Б. Г. Верховеня (Готье 1939: 93–95). Наиболее важным в этой рецензии являются указания автора на многие фактологические ошибки, а не то, что

(как заметила А. Л. Хорошкевич) критик следовал идеологической парадигме того времени, по словам Ю. В. Готье, что «Грозный «расширил сильное централизованное государство», а «самодержавная власть была прогрессивна...» (Хорошкевич 1991: 89). Примененные видным ученым идеологемы имели хождение в советской историографии уже на заре «школы Покровского».

А. Л. Хорошкевич считает, что именно благодаря Б. Г. Верховеню в контексте изучения политики Ивана IV в научном лексиконе появился идеологический конструкт «Расширение русского государства»; следует отметить, что в то же время в работах других исследователей имел хождение и термин «централизованное». А. Л. Хорошкевич считает своё наблюдение важным в контексте того, что выражение «расширение» вместе с формулой о «наименьшем зле» меняло «характер ... внешнеполитических акций» московских правителей, то есть исключалась их оценка как завоевания, захвата, агрессии (Хорошкевич 1991: 89). Но выражение «наименьшее зло» применительно к процессу роста территории Московского государства при Иване IV появилось уже после окончания Второй мировой войны, почему, такая экстраполяция кажется неубедительной. Учитывая то, что одновременно с работами Б. Г. Верховеня вышла статья С. В. Бахрушина «Расширение Русского государства при Иване IV», приоритет Б. Г. Верховеня в использовании термина «расширение» как оценки развития Московского государства середины XVI века представляется маловероятным.

Подчеркнём, что Б. Г. Верховень рассматривал связи Московского государства со странами Поволжья и Сибири только как частность в развитии России при Иване IV. Представляется не случайным то обстоятельство, что по структуре данная работа напоминает опубликованный гораздо позже очерк С. В. Бахрушина «Иван Грозный».

Б. Г. Верховень, как было принято в марксистской историографии, считал экономику основой всех процессов политической истории. Именно поэтому следует признать указанную классификацию А. Г. Бахтина неубедительной. Б. Г. Верховень подчеркивал преимущество завоевательной политики Ивана Грозного и его предшественников – Ивана III и Василия III. Именно в этом видится причина того, что историк рассматривал как феномены «завоевание Казани и Астрахани, и расширение связей с

заграницей (с европейскими державами)». В глазах Б. Г. Верховеня Казанское ханство выступает как государство, сформированное одним народом, копия Золотой Орды, и поэтому именуется «Татарским ханством на Волге» (Верховень 1939с: 22). Из этой генеральной идеи вытекают и последующие постулаты автора. Так, историк едва ли не впервые в историографии попытался определить, правда, бездоказательно, статус татарской знати: эмир – «особо знатный» феодал, бей – «подобие» русских князей, что, конечно, следует признать некорректным. (Верховень 1939с: 22). Взгляды Б. Г. Верховеня на Казанское ханство значительно отличались от выводов С. В. Бахрушина. Так, Б. Г. Верховень, не перечисляя всех повинностей местных жителей, указывал, что, помимо ясака, татары платили 12 видов других налогов. Историк противоречиво писал о том, что основным направлением внешней политики Казанского ханства была борьба против Москвы из-за выгодной торговли русскими пленными (однако не признавал работорговлю основой экономики этого государства). Вместе с тем, вслед за С. В. Бахрушиным Б. Г. Верховень утверждал, что «Турция (так он называл Османскую империю. – В.З.) ... пыталась вмешаться... в дела Казанского ханства» (Бахрушин 1936: 40–41; Верховень 1939с: 23).

Апелляция к работе Ф. Энгельса «О разложении феодализма и развитии буржуазии»¹, позволила Б. Г. Верховеню представить создание стрелецкого войска не только как проявление «укрепления самодержавия», но и как отражение закономерного процесса эволюции феодализма не только в России, но и на Западе (Верховень 1939с: 25), причем едва ли не впервые в отечественной историографии. Б. Г. Верховень же первым в советской исторической литературе попытался осветить условия службы стрельцов (считая, что эти условия всегда были постоянными). Б. Г. Верховень полагал, что русские пищали являлись в то время «мало совершенными и весьма тяжелыми» (Верховень 1939с: 25).

В трактовке русско-казанских отношений он во многом ориентировался на М. Г. Худякова. Так, например, историк вынужден был хотя бы в общих чертах описать приход к власти промосковского ставленника Шах-Али в Казани, но, в отличие от казанского исследователя, считал, что сменивший Шах-Али Едигер являлся

¹ Так у Б. Г. Верховеня.

креатурой астраханского хана, а не крымского. Б. Г. Верховень посчитал, что в походе на Едигера участвовали сотни стрельцов, при этом поражение русского войска «заставило Ивана IV лучше подготовиться и послать большее войско» (Верховень 1939с: 24).

Б. Г. Верховень, противореча сам себе, утверждал, с одной стороны, что «Иван Грозный пытался также несколько раз организовать походы на Казань», а с другой – что поход 1552 г. и не преследовал цель осады Казани. Этот историк вслед за С. В. Бахрушиным и М. Г. Худяковым видел объективную причину провала первых походов Ивана Грозного в том, что у русских не было под Казанью военной и продовольственной базы – Свияжска (Бахрушин 1939: 18; Худяков 1991: 151). Её строителя И. Г. Выродкова, Б. Г. Верховень называет инженером, осовременивая, следовательно, функции дьяка.

Дипломатической подготовке взятия Казани (1552 г.) автор внимания не уделял, сосредотачиваясь на военной стороне этого дела.

Большинство ошибок Б. Г. Верховеня при описании «Казанского взятия» проистекает из того, что следовал он только «Казанской истории». Именно этим можно объяснить то, что историк подсчитал численность русской армии в 150 тысяч (при 150 тяжелых осадных орудиях), а стрельцам приписал главную роль во взятии Казани.

Историк также считал, что ведущую роль во взятии столицы Казанского ханства сыграли в равной мере три военачальника: М. И. Воротынский, Н. А. Морозов и В. И. Шереметев. В современной историографии же большее значение признается за князем П. С. Серебряным. Как и М. Г. Худяков, Б. Г. Верховень считает, что подкоп при осаде Казани был применен впервые в русской истории (Худяков 1991: 151). При этом, полемизируя с М. Г. Худяковым, Б. Г. Верховень указывает на то, что взрыв в подкопе разрушил не стену Казанского кремля, а тайник с водой. По словам историка, «татары оказывали русским весьма сильное сопротивление. Даже женщины и дети принимали участие в борьбе» (Верховень 1939с: 26).

Историк указывал на волнения в Среднем Поволжье, правда, считая их продолжением борьбы с казанскими феодалами, а не «черемисской войной»: «... 3–4 года шла борьба в

окрестностях Казани...». Одним из эпизодов этой борьбы Б. Г. Верховеню представлялся поход князя А. М. Курбского для усмирения населения Казанского ханства. Только после этой борьбы, как следует из работ Б. Г. Верховеня, началось «покорение» народов Поволжья. В качестве начала этого этапа колонизации в глазах Б. Г. Верховеня выступало строительство крепостей (Чебоксар (1556 г.) и других). Думается, что такая трактовка событий истории Среднего и Нижнего Поволжья, последовавших за взятием Казани, проистекает из следующей установки: народы, обитавшие на территории колонизируемого Казанского ханства, «были угнетаемы татарами» (это явно противоречило выводам «школы Покровского»).

По мнению историка, неудача с выбранной «промосковской партией» при поддержке ногаев кандидатурой Ямгурчя на Астраханский юрт привела к походу московских войск на Астрахань. Б. Г. Верховень практически не уделял внимания христианизации жителей Среднего и Нижнего Поволжья, а касался только военно-политической стороны событий (Григорьев 1938: 234; Верховень 1939с: 30–31).

Б. Г. Верховень указывал, что русские отстроили Казань заново, и в этот город «было переселено много русских служилых людей – дворян и купцов, татарам же разрешалось жить только в пригородной слободе» (Верховень 1939с: 27). При этом не упоминается о крестьянском переселении.

В трудах ведущих ученых 40-х – 50-х гг. XX в. по истории России середины XVI в., в том числе и в контексте интеграции Среднего и Нижнего Поволжья в состав Московского государства, за исключением рецензии Ю. В. Готье, нет ни слова о Б. Г. Верховене, как не встречается и упоминаний о воззрениях этого историка в дискуссиях о переоценке эпохи Ивана IV, развернувшихся в эпоху «оттепели».

Работы Б. Г. Верховеня позволяют представить всю сложность процессов развития отечественной историографии 1930–1950-х гг. и являются ярким примером «индивидуализации» в рамках «сталинской» парадигмы освещения времени Ивана Грозного. Представляется, что нет должных оснований считать Б. Г. Верховеня инициатором введения в научный оборот термина «расширение Русского государства» применительно к процессам середины XVI в.

ЛИТЕРАТУРА

Бахрушин С. В. 1942. Иван Грозный. Москва: Госполитиздат.

- Бахрушин С. В.* 1944. Иван Грозный. Москва: Госполитиздат.
- Бахрушин С. В.* 1936. Основные моменты истории Крымского ханства // История в школе. 3, 29–61.
- Бахрушин С. В.* 1939. Расширение русского государства при Иване IV // Пропагандист. 1, 15–22.
- Бахтин А. Г.* 2001. Причины присоединения Поволжья и Приуралья к России // Вопросы истории 5, 52–72.
- Будовниц И. У.* 1947. Иван Грозный в русской исторической литературе // Исторические записки 21, 227–330.
- Верховень Б. Г.* 1939а. Ливонская война // Военное прошлое русского народа. Челябинск: Челябингиз.
- Верховень Б. Г.* 1939б. Ливонская война // Пропагандист и агитатор РККА. 2, 49–58.
- Верховень Б. Г.* 1939с. Россия Ивана Грозного. Москва: Политиздат.
- Виппер Р. Ю.* 1922. Иван Грозный. Рига: Дельфин
- Виппер Р. Ю.* 1943. Иван Грозный. Ташкент: Государственное издательство УзССР.
- Виппер Р. Ю.* 1944. Иван Грозный. Москва: АН СССР.
- Виппер Р. Ю.* 1946. Иван IV. Москва: АН СССР.
- Готье Ю. В.* 1939. Плохая книга // Книга и пролетарская революция. 1939. 11, 92–95.
- Григорьев А. Н.* 1948. Христианизация нерусских народностей, как один из методов национально-колониальной политики царизма в Татарии (Со второй половины XVI в. до февраля 1917 г.) // Материалы по истории Татарии / И. М. Климов (отв. ред.), 1. Казань: Татгосиздат, 226–285.
- Дубровский С. М.* 1956. Против идеализации деятельности Ивана IV // Вопросы истории 8, 121–129.
- Историк-марксист. 1926–1941 гг. 1981. Сводный указатель / Поэль А. Ш. (сост.). Нью-Йорк: Kraus International.
- Королюк В. Д.* 1954. Ливонская война. М.: Издательство АН СССР.
- Красинский Г. К.* 1947. Покорение Сибири и Иван Грозный // Вопросы истории 3, 80–99.
- Курмачева М. Д.* 1956. Об оценке деятельности Ивана Грозного // Вопросы истории 9, 195–204.
- Лихачев Д. С.* 1944. К вопросу о теории Русского государства в конце XV и в XVI в. // Исторический журнал, 7–8, 31–38.
- Новиков Н.* 1938. Борьба России за выход на Балтийское море в XVI в. и каперский флот Ивана Грозного // Морской сборник 7, 90–108.
- Тельпуховский Б.* 1940. Борьба русского народа за выход к Балтике (XIII–XVII вв.) // Военно-исторический журнал 7, 77–89.
- Хорошкевич А. Л.* 1991. Опричнина и характер Русского государства в советской историографии 20-х – середины 50-х годов // История СССР. 6, 85–110.
- Худяков М. Г.* 1991. Очерки по истории Казанского ханства. М.: Инсан.
- Шатагин Н. И.* 1940. (На обл. 1941) Русское государство в первой половине XVI века (Очерки из политической истории Руси в I половине XVI в.). Свердловск: СГУ.

REFERENCES

- Bakhrushin S. V.* Ivan Grozny [Ivan the Terrible]. Moscow: Gospolitizdat, 1942. (In Russian).
- Bakhrushin S. V.* Ivan Grozny [Ivan the Terrible]. Moscow: Gospolitizdat, 1944. (In Russian).
- Bakhrushin S. V.* In: Istoriia v shkole [History in school]. Vol. 3 (1936): 29–61. (In Russian).
- Bakhrushin S. V.* In: Propagandist [Propagandist]. Vol.1 (1939): 15–22. (In Russian).
- Bakhtin A. G.* In: Voprosy istorii [Issues of history]. Vol. 5 (2001): 52–72. (In Russian).
- Budovnit I. U.* In: Istoricheskie zapiski [Historic notes]. Vol. 21 (1947): 227–330. (In Russian).
- Verkhoven B. G.* In: Voennoe proshloe russkogo naroda [Military past of the Russian people]. Cheliabinsk: Cheliabgiz, 1939a. (In Russian).
- Verkhoven B. G.* In: Propagandist i agitator RKKA [Propagandist and agitator of The Workers' and Peasants' Red Army]. Vol. 2 (1939): 49–58. (In Russian).
- Verkhoven B. G.* Rossiia Ivana Groznogo [Russia of Ivan the Terrible]. Moscow: Politizdat, 1939c. (In Russian).
- Vipper R. Yu.* Ivan Grozny [Ivan the Terrible]. Riga: Delfin, 1922. (In Russian).
- Vipper R. Yu.* Ivan Grozny [Ivan the Terrible]. Tashkent: State publishing house of Uzbek Soviet Socialist Republic, 1943. (In Russian).
- Vipper R. Yu.* Ivan Grozny [Ivan the Terrible]. Moscow: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1944. (In Russian).
- Vipper R. Yu.* Ivan IV [Ivan IV]. Moscow: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1946. (In Russian).
- Gotye Yu. V.* In: Kniga i proletarskaia revoliutsiia [A book and a proletarian revolution]. Vol. 11 (1939): 92–95. (In Russian).
- Grigoriev A. N.* In: Materialy po istorii Tatarii [Works on the history of Tataria]. Ed. by I.M. Klimov. Vol. 1. Kazan: Tatgosizdat, 1948. pp. 226–285. (In Russian).
- Dubrovskii S. M.* In: Voprosy istorii [Issues of history]. Vol. 8 (1956): 121–129. (In Russian).
- Историк-марксист. 1926–1941 гг. Svodnyi ukazatel [Marxist historian. 1926–1941. Consolidated book index]. Originated by A.Sh. Poel. New York: Kraus International Publications, 1981. (In Russian).
- Koroliuk V. D.* Livonskaia voina [Livonian War]. Moscow: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1954. (In Russian).
- Krasinskii G. K.* In: Voprosy istorii [Issues of history]. Vol. 3 (1947): 80–99. (In Russian).
- Kurmacheva M. D.* In: Voprosy istorii [Issues of history]. Vol. 9 (1956): 195–204. (In Russian).
- Likhachev D. S.* In: Istoricheskii zhurnal [Historic journal]. Vol. 7–8 (1944): 31–38. (In Russian).
- Novikov N.* In: Morskoi sbornik [Marine collection]. Vol. 7 (1938): 90–108. (In Russian).
- Telpukhovskii B.* In: Voenno-istoricheskii zhurnal [Military and historic journal]. Vol. 7 (1940): 77–89. (In Russian).
- Horoshkevich A. L.* In: Istoriia SSSR [History of the USSR]. Vol. 6 (1991): 85–110. (In Russian).

Khudyakov M. G. Ocherki po istorii Kazanskogo khanstva [Essays on the history of Khanate of Kazan]. Moscow: Insan, 1991. (In Russian).

Shatagin N. I. Russkoe gosudarstvo v pervoi polovine XVI veka (Ocherki iz politicheskoi istorii Rusi v I polovine XVI v.) [The Russian state in the first half of the 16th century (Essays on the political history of Russia in 1st half of the 16th century.)]. Sverdlovsk: Sverdlovsk State University, 1940 (1941). (In Russian).

V. N. Zubov

Nizhnevartovsk, Russia

«SEIZURE OF KAZAN» IN THE NATIONAL HISTORIOGRAPHY OF THE MIDDLE 20TH CENTURY AND WORKS BY B.G. VERKHOVEN

Abstract. This paper attempts to reconsider the views on works by B. G. Verkhoven within the integration of Khanate of Kazan into Russia after the Seizure of Kazan in 1552, which is a topical issue in national historiography for the middle 20th century. As a part of wider historiographic discourse, the Seizure of Kazan was viewed not only within the frames of the Moscow State development during the time of Ivan IV, but also within the policy and character of the first Russian Tsar. The works and researches devoted to the character of Ivan IV the Terrible were later called by a collective name of «Ivaninana». The author of the present work has specified the mechanisms of the «propaganda machine» during the time of Joseph Stalin.

We believe that a detailed analysis of B.G. Verkhoven's concept of the Siege of Kazan and the contemporary reaction towards the event will allow us to address the issue of the perception of the Ivan the Terrible and his reign by the historiographers of Stalin period more thoroughly. The analysis of historiographic works by S. V. Bakhrushin, I. U. Budovnit, R. Yu. Vipper, Yu. V. Gotye, S. M. Dubrovsky, V. D. Korolyuk, G. K. Krasinsky, M. D. Kurmacheva, D. S. Likhachev, N. Novikov, B. Telpukhovskiy, M. G. Khudyakov made us doubt the conclusion made by A. L. Horoshkevich about the key role B.G. Verkhoven had played in developing the official interpretation of the way Khanate of Kazan was annexed and integrated into the then Russian state. We also doubt that the steady Russian historic expression translated as «expansion of the Russian state», allegedly introduced by B. G. Verkhoven, intrinsically belongs to this historiographer.

The paper pays attention both to the substance of B. G. Verkhoven's concept concerning the annexation of Khanate of Kazan and to the circumstances in which the historiographer's works were published.

We believe that this work will be of much interest to the historians studying the development of the Soviet historiography in the middle 20th century, as well as help to reconstruct the history of the Muscovite state of the middle 16th century.

Key words: B. G. Verkhoven; seizure of Kazan; colonization; expansion of the Russian state; «Ivaniana»; Ivan IV; Yu. V. Gotye; A. L. Horoshkevich; R. Yu. Vipper; A. A. Zimin.

About the author: Vitaly Nikolaevich Zubov, Senior Lecturer at the Department of Russian History.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University.

УДК 93/94

Т. В. Рабуш

Санкт-Петербург, Россия

АФГАНСКИЕ БЕЖЕНЦЫ В СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКОЙ «ПРОПАГАНДИСТСКОЙ ВОЙНЕ» (1980-е гг.)

Аннотация. Данное исследование освещает место и роль проблемы афганских беженцев в советско-американской пропагандистской войне, продолжавшейся на протяжении 1980-х гг. (с момента Апрельской революции в 1978 г. и вплоть до вывода советских войск из Афганистана в 1989 г.). Автор анализирует характер американской гуманитарной помощи афганским беженцам, подчеркивая то обстоятельство, что для США помощь беженцам Афганистана была не только гуманитарной акцией доброй воли, но и вместе с тем тема положения афганских беженцев активно муссировалась зарубежной пропагандой (как в официальных выступлениях политиков, так и на страницах СМИ) с целью осуждения факта пребывания советских войск в Афганистане. Автор указывает на драматический рост числа беженцев (который продолжался на протяжении 1980-х гг.), что несомненно было на руку американской (и иной зарубежной) пропаганде антисоветской направленности.

Автор рассматривает по отдельности как вопрос о месте проблемы афганских беженцев в зарубежной (преимущественно американской) пропаганде антисоветского и антиафганского характера, так и вопрос о месте проблемы беженцев в антиамериканской пропаганде как официального Кабула, так и СССР. Зарубежные авторы пытались всячески очернить политику СССР в Афганистане, указывая на то, что большое число афганских беженцев и постоянный рост этого числа связаны с советской политикой «выдавливания» гражданского населения из Афганистана посредством проведения активных и разрушительных боевых действий,

что было по сути дезинформацией, призванной уронить престиж СССР в глазах международного сообщества и выставить Советский Союз едва ли не военным преступником. Советские и афганские СМИ, официальные лица и исследователи в СССР и в Афганистане противопоставляли этому пропагандистскую линию, направленную преимущественно на показ крайне сложного положения афганских беженцев в Пакистане (именно в Пакистане находилось наибольшее количество беженцев), которые по сути стали игрушками в руках лидеров афганской вооруженной оппозиции.

Представляется возможным сделать вывод, что проблема афганских беженцев на протяжении 1980-х гг. была существенным фактором в советско-американской пропагандистской войне, развернувшейся вокруг событий в Афганистане сразу же после Апрельской революции 1978 г. По сути, проблема беженцев стала «разменной монетой» в глобальной геополитической игре двух сверхдержав.

Ключевые слова: беженцы; пропаганда; холодная война; афганская война; советско-американские отношения.

Сведения об авторе: Таисия Владимировна Рабуш, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры общественных наук.

Место работы: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна.

Контактная информация: 191186, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д. 56; тел.: 89523526915, e-mail: taisarabush@mail.ru.

Вопрос о положении афганских беженцев привлёк к себе внимание международной общественности уже в конце 1970-х гг. Апрельская революция 1978 г. и последующий приход к власти Народно-Демократической партии Афганистана¹ повлекли за собой ряд не всегда продуманных реформ. Недовольство реформами вылилось в вооруженное сопротивление власти в разных провинциях страны, а вскоре – и в отток населения Афганистана в сопредельные государства.

С самых первых дней установления в Кабуле власти НДПА американские официальные лица и западные СМИ старались придать проблеме афганских беженцев сугубо политический характер. Усилиями стран Запада, прежде всего США, и некоторых мусульманских государств была развернута пропагандистская кампания по вопросу о положении афганских беженцев. США уже с конца 1970-х гг. начали предоставлять помощь афганским беженцам, в том числе и по линии ООН. Так, осенью 1979 г. при поддержке госдепартамента США была развернута программа поддержки афганских беженцев, которая включала в себя гуманитарную и медицинскую помощь (Saunders 1979: 30).

После ввода ограниченного контингента советских войск² в Афганистан вопрос об оказании помощи беженцам стал еще более острым, кроме того, начало полномасштабных боевых действий в Афганистане (с участием уже советских войск) спровоцировало еще больший отток населения из страны, который с каждым

годом только увеличивался. Так, в 1980 г. в Пакистане было более 1,2 млн афганских беженцев (Collins 1986: 143), а к 1981 г. в одном только Пешаваре проживали около 73 000 афганцев (Фальков). К 1985 г. за пределами Афганистана находилось 4,5 млн чел., что составляло около 25 % всего населения страны. В середине 1980-х гг. одна четверть всех беженцев в мире была афганцами. Наибольшее число беженцев находилось в Пакистане (3 млн чел.) и в Иране (1,5 млн чел.) (Хан 1997: 19). Но, тем не менее, стоит указать, что затруднительно было подсчитать точное количество афганского населения даже в мирное время – ввиду кочевого образа жизни определенных групп афганцев (те же пуштуны), традиционно сложных отношений в афганской вертикали власти по линии «периферия – центр» и прочих факторов. Поэтому определить точное количество беженцев затруднительно. Следовательно, когда идет речь об афганских беженцах, то представляется возможным исходить из предпосылки, что все цифры и данные об их количестве являются приблизительными.

Проблема беженцев приковывала к себе внимание мировой общественности, служила для администрации США дополнительным поводом для осуждения действий СССР в Афганистане и позволяла с трибун международных организаций выдвигать требования о безоговорочном выводе советских войск из Афганистана, приводя в качестве аргументов факты, свидетельствующие о печальном положении афганских беженцев.

Так, сразу же после ввода ОКСВ в Афганистан вышла в свет аналитическая статья госдепартамента США «Советское вторжение в Аф-

¹ Далее НДПА.

² Далее ОКСВ.

ганистан», в которой в том числе было указано, что количество беженцев достигло уже 700 тыс. человек (5 % от всего населения) и к лету 1980 г. может вырасти до 10 % (Soviet invasion in Afghanistan 1980: 63). 31 января 1980 г. было опубликовано официальное заявление госдепартамента США, в котором указывалось, что афганские беженцы получают 5,3 млн дол. и в Афганистан будет отправлен медицинский персонал для работы с беженцами. Весной 1980 г. администрация США выделила для афганских беженцев еще 20 млн дол (Vanse 1980: 35).

Законы об оказании помощи афганским беженцам также проводились в Конгрессе США 25 марта 1980 г., 27 марта 1980 г. и 16 апреля 1980 г. (Congressional records. 1980. V. 126. №№ 58, 61, 64). Так, 22 мая 1980 г. палата представителей Конгресса США, обсуждая вопрос финансовой помощи афганским беженцам, ссылаясь на «советскую угрозу в Афганистане» как аргумент для принятия решения об оказании помощи (Congressional records. 1980. V. 126. № 84. P. H 4175–4180). Подобные законопроекты принимались на протяжении всего периода пребывания ОКСВ в Афганистане.

19 июня 1980 г. президент США Дж. Картер сделал заявление, в котором призвал американцев объявить неделю с 21 по 27 июля 1980 г. «неделей Афганистана», во время которой всем гражданам США предписывалось «объединиться для оказания помощи афганским беженцам в их борьбе за выживание». По сути, со стороны Вашингтона это была не столько гуманитарная, сколько пропагандистская акция. Этот ход должен был привлечь внимание мировой и американской общественности к проблеме афганских беженцев и вместе с тем спровоцировать волну осуждения действий СССР в Афганистане.

Следует сказать, что точка зрения на то, а что, собственно, представляют собой афганские беженцы, достаточно серьезно разнилась у советских и у зарубежных исследователей. Так, ряд зарубежных авторов (прежде всего американских) трактовали причину массового исхода населения из Афганистана как форму протеста против власти в Кабуле, как «свидетельство нелегитимности кабульского режима» или же как результат советских бомбардировок и артиллерийских обстрелов мирных населенных пунктов, а также репрессий властей против афганских граждан (Arnold 1981: 78; Collins 1986: 146).

Американский исследователь Л. Дюпри, говоря о линии, проводимой СССР в Афганистане в отношении мирного населения, использовал оборот «миграционный геноцид» (Duree 1980: 471). Он подчеркивал, что в результате военных действий ОКСВ инфраструктура сельского хозяйства в значительной мере была разрушена, и афганцы с трудом могли прокормить себя и свои семьи, следовательно, немалая часть мирного населения была вынуждена покинуть страну. Английский журналист М. Урбан придерживался сходного с Л. Дюпри мнения и отмечал, что «знакомые со знаменитым утверждением Мао Цзэдуна, назвавшего партизан «рыбой, плавающей в воде народа», Советы решили просто осушить водоем» с тем, чтобы афганские мятежники не смогли пользоваться поддержкой местного населения (Urban 1988).

Американский исследователь С. Таннер так пишет о беженцах: «Советы воздерживались от действий против баз и лагерей моджахедов в Пакистане, хотя ни у кого не вызывало сомнений, что именно Пакистан является основным источником подпитки афганского сопротивления. В определенном смысле советскую программу, направленную на вытеснение афганского населения в соседний Пакистан, можно считать своеобразной формой возмездия. Не было никакого смысла бомбить лагерь беженцев, даже несмотря на то, что именно в них вербовали себе пополнение моджахеды, поскольку в интересах Советов было как раз то, чтобы беженцы оставались именно в Пакистане и, таким образом, были заботой Исламабада, а не Кабула» (Таннер 2004: 336).

Британский журналист пишет об этом же: «Советы достигли своей стратегической цели: проходя через ненаселенные районы, повстанцы редко могли рассчитывать на приют и пищу у местных крестьян... оккупационная армия пыталась высушить воду, чтобы убить рыбу... Советские войска... пытаются очистить... деревни от населения. Если они будут успешны во внедрении этой своей стратегии, то повстанцы останутся без поддержки и пищи» (Chaliand 1982: 67).

Швейцарские исследователи афганского конфликта П. Аллан и Д. Клей отмечали: «От военных методов все сильнее страдало гражданское население. Следствием их применения были тактика выжженной земли, бомбардировки деревень, разрушение ирригационной системы, применение боевых отравляющих веществ, уничтожение запасов продуктов пита-

ния в результате артиллерийских обстрелов, диверсионные меры и многое другое. В результате положение участников сопротивления становилось все более трудным... В этом, несомненно, и заключалась цель советских усилий» (Алан, Клей 1999: 279).

Сами афганские моджахеды также не обходили вниманием острую тему беженцев. Разумеется, они тоже указывают на якобы имевшееся у советских войск стремление «выдавить» как можно больше беженцев в Пакистан, опустошить страну и т.п. Так, афганский историк моджахедов Абд ал-Хафиз Мансур³ писал об отношении советских войск к беженцам следующее: «Безжалостные русские и афганские правительственные солдаты там, где они находили этих бедных беженцев, убивали их. Многих они брали в плен и потом сажали в тюрьмы» (Григорьев 1997: 81). А по мнению начальника афганского отдела пакистанской межведомственной разведки ISI бригадного генерала М. Юсуфа, Советский Союз специально избрал тактику вытеснения в Пакистан миллионов афганских беженцев, с тем чтобы дестабилизировать внутреннее положение в стране: «Сильными бомбардировками Советские мстили партизанам за вылазки и удары из засад. Беспорядочные бомбардировки приводили к большим потерям в деревнях и влекли за собой сотни жертв среди гражданского населения. Они едва затрагивали моджахедов, но тем не менее они были первопричиной массового потока беженцев в Пакистан. Я полагаю, что сей факт расценивался Советами как успех, поскольку тех (беженцев – Т.Р.) в Пакистане принимали с все более растущим недовольством» (Юсуф).

Как более детальный пример антисоветской пропаганды можно привести описание одной из «советских атак» на афганский кишлак, приведенное тем же бригадным генералом М. Юсуфом. Позволим привести значительную цитату, т.к. это хороший наглядный пример такой пропаганды: «Атака кишлака Руган в 1982 году была типичной для советских методов. В Ругане проживало порядка 800 человек. Это была

благоденствующая сельскохозяйственная деревня, расположенная в узкой долине реки...

В один из дней жители кишлака как обычно занимались своими хозяйственными делами, когда в 9 утра шесть вертолетов были замечены высоко над долиной. Ведущая пара снизилась прямо над долиной. С высоты около 700 метров были выпущены первые ракеты, затем еще один залп, затем еще один, взрывы большой силы разрывали ветхие домишки и убивали или калечили находящихся в них...

Следующая фаза была обозначена появлением наземных сил со стороны Али Хейля. Две сотни пехотинцев, подкрепленные несколькими танками, БТРами и минометами остановились в нескольких сотнях метрах от кишлака... Это была так называемая поисково-разрушительная операция, в которой разрушительная часть занимала более важную часть, чем поисковая.

...Это был конец кишлака Руган. Все 200, или около того, выживших ушли в Пакистан, везя своих раненых на лошадях или мулах, либо просто неся их на одеялах. Они потратили десять часов на то, чтобы добраться до Парачинарского госпиталя. В тот раз выжившие женщины счастливо отделались, провожаемые лишь ударами и руганью. Не было ни изнасилований, ни холодящей кровь резни, так как в операции участвовали не только советские войска. В присутствии афганских войск русские старались воздерживаться от более отвратительной жестокости... Умножьте Руган в сотни раз, и вы сможете представить себе масштабы того, что подразумевалось под советской тактикой выжженной земли. Никто из них не делал даже попытки завоевать сердца и умы людей, вместо этого они лишь разрушали, убивали мирных жителей, либо изгоняли их со своих мест. Это был их метод искоренения оппозиции, лишения моджахедов поддержки, и давления на Пакистан посредством наплыва беженцев. Должен признаться, что они частично добивались успеха такими действиями» (Юсуф).

Администрация США использовала тему афганских беженцев даже в ходе антисоветской кампании по вопросу «применения» советскими войсками химического оружия в Афганистане. Эта кампания началась в 1980 г. (практически сразу же после ввода ОКСВ в Афганистан) и продолжалась несколько лет – пока США не вынуждены были ее свернуть ввиду отсутствия у американской администрации каких-либо доказательств применения Советским Союзом химического оружия в Афганистане.

³ Абд ал-Хафиз Мансур – сподвижник и «придворный» историк одного из известнейших афганских полевых командиров XX в. Ахмад Шах Масуда, известного далеко за пределами Афганистана под прозвищем «панджшерский лев». Абд ал-Хафиз Мансур является автором переведенной на русский язык работы «Панджшер в эпоху джихада».

Но в процессе этой кампании и особенно в ее начале в США вполне активно муссировалась тема афганских беженцев. К примеру, 24 апреля 1980 г. комитет палаты представителей по иностранным делам, его подкомитет по международной безопасности и научным делам и подкомитет по делам Азии и Тихого океана Конгресса США провели объединенные слушания по вопросу применения химического и биологического оружия советскими войсками в Афганистане. М. Нимитц, заместитель секретаря госдепартамента США по поддержке безопасности, науке и технологии и адмирал Т. Дэвис, ассистент директора Агентства по контролю над вооружениями и разоружению зачитали доклад об употреблении советскими войсками химического оружия в Афганистане против мирного населения и повстанцев, в котором в том числе приводились свидетельства находящихся в Пакистане афганских беженцев о том, что еще в августе – сентябре 1979 г. советские войска «производили химические атаки» в местах скопления афганских повстанцев в Панджшерской долине (Shestack, Nimetz 1980: 37).

Разумеется, такая точка зрения не соответствовала действительности, – СССР не проводил политику, направленную на «выдавливание» афганского населения за пределы страны. Напротив, имеются многочисленные документальные свидетельства об оказании советскими войсками всесторонней помощи афганцам (но эта тема уже выходит за рамки данной статьи). Публичная кампания, заостряющая внимание на якобы имевшем место «вытеснении» афганского населения силами советских войск, была прежде всего пропагандистским ходом зарубежных, в особенности американских, СМИ и некоторых официальных лиц, направленным на дискредитацию СССР в глазах мировой общественности, т.е. составной частью советско-американской пропагандистской войны в афганском конфликте.

В свою очередь, советская и подконтрольная ей афганская пропаганда⁴ тоже «не оставались в долгу», расписывая и на страницах прессы, и даже в научных статьях положение афганских беженцев⁵. Как писал востоковед В. Н. Спольников, «понятие «беженцы» не совсем точно

квалифицирует ту массу афганцев, которая оказалась в Пакистане и в Иране. Афганская оппозиция и многие мусульманские страны называют афганских беженцев мохаджерами, т.е. переселенцами, а сам процесс – хиджратом, т.е. переселением. Подобная трактовка создала для правительств этих стран исламскую правовую основу, оправдывающую оказание разносторонней помощи афганской исламской оппозиции в ее борьбе против строя в Афганистане» (Спольников 1990: 39).

По мнению других советских исследователей того периода, во время обычного сезонного перемещения кочевой части населения Афганистана (пуштунов) в поисках пастбищ некоторая его часть, как обычно, оказалась в Пакистане⁶ и была объявлена пакистанским правительством «беженцами» и теперь насильно удерживается вооруженной оппозицией с санкции пакистанских властей в качестве «беженцев» (Лунин 1984: 148).

В «рупоре» официального Кабула, газете «Kabul new times», также неоднократно писали о тяжелом положении беженцев в сопредельных с Афганистаном государствах. В материалах газеты неоднократно описывается, как несчастных селили в лагеря, огражденные колючей проволокой; что лидеры афганских повстанческих организаций забирали себе продукты, одежду и медикаменты, присланные из государств Запада и предназначенные для гуманитарной помощи беженцам; что беженцев мужского пола, в том числе мальчиков-подростков, насильно сгоняют в тренировочные лагеря и оттуда направляют в повстанческие «полевые армии» на территории Афганистана (Kabul new times. 1981. March. № 5–8).

Словом, вопрос положения беженцев уже с конца 1970-х гг. и вплоть до вывода ОКСВ из Афганистана в 1989 г. являлся предметом острых разногласий и пропагандистской борьбы между США и СССР (при поддержке официального Кабула). В США проблему афганских беженцев охотно использовали как дополнительный и немаловажный козырь в долгосрочной дипломатической игре против СССР.

Советский Союз пытался противопоставить этому пропагандистскую линию, направленную

⁴ Имеется в виду официальный Кабул.

⁵ Особенно тяжелым было положение беженцев в Пакистане, где они в самом деле практически полностью находились в подчинении у лидеров афганской вооруженной оппозиции, чьи штаб-квартиры базировались преимущественно в Пакистане.

⁶ Афгано-пакистанская граница – так называемая «линия Дюранда» - по сути была «прозрачной» и условной с первых дней ее создания. Афганские кочевые народы (те же пуштуны) никогда не признавали эту государственную границу, свободно перекочевывая из одной страну в другую и обратно.

на освещение роли беженцев как основного источника пополнения повстанческих отрядов (что они были вынуждены делать под нажимом Пакистана и афганской вооруженной оппозиции), но эта советская пропаганда не получила такого широкого международного резонанса, как пропаганда США.

Решение проблемы беженцев осложнялось еще и тем, что как пакистанские, так и иранские власти пытались извлечь максимальную выгоду от пребывания на их территориях афганских беженцев. До проживающих в пакистанских лагерях афганцев доходила незначительная часть поступающих средств. Лидеры афганской вооруженной оппозиции не гнушались использовать помощь, оказываемую бе-

женцам (имеется в виду прежде всего помощь финансовая и материальная) в своих интересах. Пакистан использовал поступающую в адрес беженцев помощь для увеличения собственных доходов, а для Ирана наличие афганской колонии беженцев являлось дополнительным источником «живой силы» для продолжения войны против Ирака.

Все заинтересованные в продолжении афганского конфликта государства, и в том числе США, стремились удержать основную массу беженцев под влиянием афганской оппозиции и в то же время продолжали использовать данную проблему для обоснования своего антиафганского курса и антисоветской пропаганды на международной арене.

ЛИТЕРАТУРА

- Аллан П., Клей Д.* 1999. Афганский капкан: правда о советском вторжении. Москва: Международные отношения.
- Григорьев С. Е.* 1997. Панджшер в 1975–1990 гг. глазами афганского историка. Санкт-Петербург: СПбГУ.
- Лунин Б. В.* 1984. Басмачество: социально-политическая сущность. Ташкент: Фан.
- Спольников В. Н.* 1990. Афганистан. Исламская оппозиция: истоки и цели. Москва: Наука.
- Таннер С.* 2004. Афганистан: история войн от Александра Македонского до падения «Талибана». М.: Эксмо.
- Фальков М.* Афганский ящик Пандоры // www.agentura.ru/dossier/izrail/people/falkov/afghanistan (2016. 02 февр.).
- Хан Н. Ю.* 1997. Пакистан и афганский кризис (1979–1989 гг.). Автореф. дис... канд.ист.наук. Ташкент.
- Юсуф М.* Ловушка для медведя // www.artofwar.ru/d/dmitrij_m_k/text_0150.shtml (2016. 02 февр.).
- Afghanistan and Indochina 1980 // Department of state bulletin. Vol. 80. № 2040, 35–39.
- Arnold A.* 1981. Afghanistan: The Soviet Invasion in Perspective. Stanford, California.
- Chaliand G.* 1982. Report from Afghanistan. New-York.
- Collins J. J.* 1986. The Soviet Invasion of Afghanistan. A Study in the Use of Force in Soviet Foreign Policy. Massachusetts. Toronto.
- Congressional records. 1980. V. 126. № 58, 61, 64, 84.
- Dupree L.* 1980. Afghanistan. Princeton.
- Kabul new times. 1984. March. № 5–8.
- Saunders G.* 1979. Afghan refugees // Department of state bulletin. Vol V. 79, № 2033, 30–32.
- Shestack J., Nimez M.* 1980. Reports use of lethal chemical weapons in Afghanistan and Indochina // Department of state bulletin. Vol. V. 80, № 2040, 35–39.
- Urban M.* 1988. War in Afghanistan. London.
- Vanse S.* 1980. Refugee admissions and resettlement // Department of state bulletin, V. 80. № 2039, 35–37.

REFERENCES

- Allan P., Klej D.* Afganskij kapkan: pravda o sovetском вторzhenii [Afghan trap. The truth about the Soviet invasion]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1999. (In Russian).
- Grigoriev S. E.* Pandzhsher v 1975–1990 gg. glazami afganskogo istorika [Panjshir in the 1975–1990 through the eyes of a Afghan historian]. St. Petersburg: Publishing House of Saint Petersburg State Univeristy, 1997. (In Russian).
- Lunin B. V.* Basmachestvo: socialno-politicheskaya sushchnost [Basmachis: socio-political entity]. Tashkent: Fan, 1984. (In Russian).
- Spolnikov V. N.* Afganistan. Islamskaya oppoziciya: istoki i celi [Afghanistan. Islamic opposition: the origins and purposes]. Moscow: Nauka, 1990. (In Russian).
- Tanner S.* Afganistan: istoriya vojn ot Aleksandra Makedonskogo do padeniya «Talibana» [Afghanistan: the history of the wars of Alexander the Great to the «Taliban» fall]. Moscow: Eksmo, 2004. (In Russian).
- Falkov M.* Afganskij yashchik Pandory [Afghan Pandora's Box]. Available at: www.agentura.ru/dossier/izrail/people/falkov/afghanistan (Accessed on February 02, 2016). (In Russian)
- Khan N. Yu.* Pakistan i afganskij krizis (1979–1989 gg.): Avtoref. dis... kand.ist.nauk. [Pakistan and Afghan crisis (1979–1989): An author's abstract of the thesis for the degree of Candidate of Historical Sciences]. Tashkent, 1997. (In Russian).
- Yusuf M.* Lovushka dlya medvedya [Bear's Trap]. Available at: www.artofwar.ru/d/dmitrij_m_k/text_0150.shtml (Accessed on March 17, 2014). (In Russian)
- Afghanistan and Indochina. In: Department of state bulletin. Vol. 80 (1980), No. 2040: 35–39.
- Arnold A.* Afghanistan: The Soviet Invasion in Perspective. Stanford, California, 1981.
- Chaliand G.* Report from Afghanistan. New York, 1982.
- Collins J. J.* The Soviet Invasion of Afghanistan. A Study in the Use of Force in Soviet Foreign Policy. Massachusetts. Toronto, 1986.
- Congressional records. Vol. 126 (1980), No. 58, 61, 64, 84.

- Dupree L.* Afghanistan. Princeton, 1980.
 Kabul new times. March (1984), No. 5–8.
Saunders G. Afghan refugees. In: Department of state bulletin. Vol. 79 (1979), No. 2033: 30–32.
Shestack J., Nimetz M. Reports use of lethal chemical weapons in Afghanistan and Indochina. In: Department of state bulletin. Vol. 80 (1980), No. 2040: 35–39.
Urban M. War in Afghanistan. London, 1988.
Vanse S. Refugee admissions and resettlement. In: Department of state bulletin. Vol. 80 (1980), No. 2039: 35–37.

T. V. Rabush
 Saint Petersburg, Russia

AFGHAN REFUGEES IN THE SOVIET-AMERICAN «PROPAGANDA WAR» (1980-s)

Abstract. This study highlights the role and place of the problem of Afghan refugees in the Soviet-American propaganda war that lasted throughout the 1980s. The author analyzes the nature of US humanitarian assistance to Afghan refugees, stressing the fact that the US assistance in Afghanistan was not only a humanitarian action of good will, but at the same time a topic of exaggerated foreign propaganda (both in official political speeches and media) used to condemn the fact of the Soviet military presence in Afghanistan. The author points to a dramatic increase in the number of refugees (which lasted throughout the 1980-s), which was undoubtedly convenient for the American (and some foreign) anti-Soviet propaganda.

The author examines the roles of Afghan refugee issue in the foreign (mostly American) anti-Soviet and anti-Afghan propaganda, as well as in official anti-American propaganda of Kabul and the Soviet Union. Foreign authors tried to denigrate Soviet activities in Afghanistan in every possible way pointing out that a large number of Afghan refugees and the constant growth of refugee number are associated with the Soviet policy of «squeezing» the civilian population out of Afghanistan through active and destructive military operations, which, in fact, was a piece of disinformation aimed at damaging the prestige of the Soviet Union in the eyes of the international community and present the Soviet Union as a war criminal. The Soviet and Afghan media, government officials and researchers present the opposite propaganda mainly by showing the extremely difficult situation of Afghan refugees in Pakistan who became sort of a tennis-ball for the leaders of the armed Afghan opposition.

We conclude that the problem of Afghan refugees during the 1980-s was a significant factor in the Soviet-American propaganda war waged around the events in Afghanistan taking place immediately after the April Revolution of 1978. In fact, the refugee issue became a «bargaining chip» in the global geopolitical game between the two superpowers.

Key words: refugees; propaganda; the Cold War; the Afghan War; Soviet-American relations.

About the author: Taisiya Vladimirovna Rabush, Candidate of Historical Sciences (PhD), Senior Lecturer at the Department of Social Sciences.

Place of employment: Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design.

УДК 94 (47). 04

Я. Г. Солодкин
 Нижневартовск, Россия

О НАЧАЛЕ ШЕРТОВАНИЯ СИБИРСКИХ «ИНОЗЕМЦЕВ» МОСКОВСКИМ ГОСУДАРЯМ (ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ)

Аннотация. В статье рассматривается одна из актуальнейших проблем сибиреведения – вопрос о том, с какого времени народы Сибири стали приводиться к шерти на имя московского государя. Хотя исследователи не сомневаются в том, что это происходило с первых лет русской колонизации края, восходящее еще к Г. Ф. Миллеру представление о том, что так поступали уже «ермаковы казаки», не может быть признано убедительным. При этом особое внимание уделяется анализу сообщения Есиповской летописи о начале данной практики в пору «Сибирского взятия».

В результате было выяснено, что приведенное в хронике свидетельство включает литературные штампы, имеющиеся в самом произведении Есипова, и передает текст шертовальной записи, составленной не во второй четверти XVII в., как ранее считалось, а до смерти Кучума, т.е. в самом начале этого столетия. Нами было доказано, что ермаковцы ограничивались сбором ясака, а приведение сибирских «иноземцев» к шерти началось со времени последующих экспедиций воевод царя Федора Ивановича, в частности, И. А. Мансурова и В. Б. Сукина. Было установлено, что первыми «под высокую руку» московского государя были приведены князья Лугуй и Игичей, мурза Цынгоп, видный тюменский служилый татарин М. Ачекматов.

Ключевые слова: Сибирь конца XVI в.; шерть; шертовальная запись; ясак; Есиповская летопись; Кучум; Ермак; Лугуй; Игичей.

Сведения об авторе: Янкель Гутманович Солодкин, доктор исторических наук, профессор, заведующий научно-исследовательской лабораторией региональных исторических исследований.

Место работы: Нижневартовский государственный университет.

Контактная информация: 628605 г. Нижневартовск, ул. Ленина, д. 56; тел.: 8(3466)273510, e-mail: roshist@mail.ru.

Исследование осуществлено в рамках выполнения государственных работ в сфере научной деятельности, задание № 2014/801.

Немало вопросов истории «Ермаковой эпопеи» и последующих экспедиций в Сибирь государевых воевод остается дискуссионным еще со времен Г. Ф. Миллера, прежде всего из-за малочисленности и противоречивости источников. Среди таких вопросов повышенное внимание ученых недавно стали привлекать взаимоотношения вольных казаков и служилых людей, с одной стороны, и коренного населения «Сибирской земли», – с другой. Историков, в частности, интересует, когда и кем началось приведение к шерти (присяге) «иноземцев» разгромленного накануне «Кучумова царства», значительная часть которого в середине – второй половине 1580-х гг. вошла в состав Московского государства.

Рассматривая эту проблему, следует учитывать, что принесение шерти (как правило, на имя российского самодержца) на первых порах сопровождалось выдачей иммунитетных грамот князьям, мурзам и другим видным представителям «иноязычных людей» или их пожалованиями в иных формах, предусматривающими наделение льготами в уплате ясака, а то и освобождением от него; впоследствии шертование, процедура которого юридически закрепляла «сибирцев» в русском подданстве (Конев 2005: 172), преимущественно означало обложение ясаком. Источниковый материал должен быть использован максимально полно и подвергнут разностороннему критическому анализу. Так, показания нарративных памятников XVII в. надлежит сопоставить с документальными сведениями, прежде всего более ранними.

«Отец сибирской истории» на основании летописных известий полагал, что Ермак «заставлял все народы шертовать по их вере» (Миллер 1999: 230). Это мнение вслед за многими учеными (Карамзин 1989: 231, 234; Копылов 1989: 102, 140, 143; Самаровский край 2003: 14; Скрынников 1986: 223, 224, и др.) недавно повторили А. С. Зуев и В. А. Слугина, предположив, что сподвижники «ратоборного» атамана, которые до похода в «Кучумово царство» сталкивались с тюрками, знали или слышали «о практике шертования» (Зуев, Слугина 2015: 43). Вместе с тем, не замечая допущенного

противоречия, новосибирские историки пришли к выводу, что Ермак и его казаки, даже первые воеводы, отправленные за «Камень», «не могли приводить сибирские народы собственно к шерти», кроме татар, «если поверить» (оснований для чего почти нет) сообщению одной из редакций Бузуновского летописца. Вопреки оценке ряда исследователей А. С. Зуев и В. А. Слугина отказались признать шертовальной записью ни сохранившийся в копии конца XVIII в. текст, отложившийся в «Портфелях А. Ф. Малиновского» (А. Ю. Конев почему-то датировал ее началом того же столетия (Самаровский край 2003: 14)), ни летописное свидетельство о присяге, которую ермаковцам дали «иноземцы», ранее подвластные Кучуму. Хотя такие документы существовали в 1590-х гг., как рассудили А. С. Зуев и В. А. Слугина, «первые попытки создания типовых шертовальных записей» для сибирских мусульман и язычников относятся в начале XVII в. Однако, по определению самих этих историков, в отношении с ханствами Поволжья и Ногайской Ордой шертные договоры практиковались на протяжении всего предыдущего столетия (Зуев, Слугина 2015: 36–39, 41, 43). Следует уточнить, что упомянутый текст представляет собой извлечение не из ЕЛ Основной редакции (так считалось прежде), а первого издания знаменитого миллеровского труда (Описание Сибирского Царства 1998: 113), летописное же изложение условий шертования относится скорее всего не ко второй четверти XVII в. (Зуев, Слугина 2015: 44), а ко времени до 1 сентября 1636 г., когда, по свидетельству Саввы Есипова, он завершил свою летопись «Сибирское царство и княжение и о взятии, и о Тоболске граде». Одно из этих условий – «к царю Кучуму и в иные орды и улусы не отъехать» (ПСРЛ 1987: 58) – наводит на мысль, что шертная запись из ЕЛ Основной редакции может восходить к документу конца XVI в., поскольку хан, «сбитый» «с куреня» «ермаковыми казаками», умер или был убит в 1599 г., и вскоре преемником Кучума стал его старший сын Али (Трепавлов 2012: 72). (Примечательно, что в соответствующей фразе Томского вида Сибирского летописного

свода указание на Кучума было опущено (ПСРЛ 1987: 308)). Шертную запись, которую он мог получить в тобольской приказной избе, Есипов, вероятно, отредактировал, ибо перечисленные им обязательства сибирских «иноземцев» – «на русских людей зла никакова не мыслити, зла на всяких русских людей никакова не думать» – находят аналогии в двух последующих главах самой популярной из летописей, созданных на востоке России («никакова зла на казаков не мыслить», «мыслиши(я) зло», «не мыслю на вас никакова зла», «зло мысляще на них») (ПСРЛ 1987: 57, 58, 61, 67, ср. 115, 134, 137). Рассказывая о поездке в Москву сеунчиков Ермака «з дружиною», сообщивших, в частности, царю Ивану Васильевичу о приведении к шерти «иноземцев», совсем недавно являвшихся данниками Кучума, Есипов замечает, что «изволением всемилоствиваго [в Троицы] славимого Бога ... царство Сибирское взяша». В заголовках же Основной редакции ЕЛ читаем: «О Сибирьстей стране, како изволением божиим взята бысть», «како божиим изволением взята бысть (Сибирь. – Я. С.) ... от рускаго воинства» (ПСРЛ 1987: 42, 57, ср. 59).

Самым ранним из нарративных источников с упоминанием о шерти, к которой ермаковцы приводили покоренных обитателей громадного края, раскинувшегося к востоку от Урала, явилось «Краткое описание о Сибирстей земле ...» (ПСРЛ 1987: 74; СЛ 2008: 308), по-видимому, созданное в Москве при учреждении тобольской архиепископии (1620 г.). Под влиянием этого сочинения, возможно, привезенного в столицу «русской» Сибири «первопрестольником» Киприаном, «слогатель» ЕЛ Основной редакции (или его предшественник – автор «писания», которое «распространил» владычный дьяк (ПСРЛ 1987: 72)), обратившись к шертной записи, очевидно, имевшейся в приказной «палате», уже весьма подробно изложил условия, на которых присягнули, не поясняя кому, местные «иноземцы». Но шерть обычно приносилась на имя государя, зауральский поход же был совершен вольными казаками, снаряженными не без участия Строгановых. Приведение к ней «сибирцев» должно считаться одним из вымышленных обстоятельств (следуя классификации Е. К. Ромодановской) в есиповском повествовании, о чем косвенно свидетельствует и то, что рассказав про «повоевание» ермаковцами городков и улусов по Иртышу и Оби, затем, сообщая об осаде проживавшими там остяками «срубленного» И. А. Мансуровым

острога, тобольский летописец не упомянул о нарушении «погаными» шерти, да и сеунчики, ездившие в Москву с «писмом» о подчинении остяков (в числе прочих «языков»), оказывается, выехали туда еще до того, как «дружина» отправилась в Обь-Иртышское междуречье (ПСРЛ 1987: 60, 64–65). Нет оснований (вопреки мнению А. Т. Шашкова и В. М. Кружинова) и полагать, что Ермак принял шерть у остяцкого князя Бояра, явившегося в Кашлык через несколько дней после его занятия «товарством» (Солодкин 2015: 141–142, примеч. 18). Видимо, этот князь доставил «русскому полку» ясак (Трепавлов 2012: 29, примеч. 108; Щеглов 1993: 37), уплата которого издавна служила признаком подданства (зачастую даже определяющим) (Бахрушин 1955: 49, 51, 137, 138; Миллер 1999: 480; ср. ПСРЛ 1987: 36, 75, 76). Как читаем в ЕЛ Основной редакции, «кучумляне» вслед за гибелью атамана Ивана Кольца и его казаков стали истреблять ермаковцев «по волостем и по улусам» (ПСРЛ 1987: 62; ср. СЛ 2008: 301–302), надо думать, ясатчиков (Миллер 1999: 250; Описание Сибирского Царства 1998: 140).

Согласно Строгановской летописи Основной редакции, когда после голодной зимы (ее следует относить к 1584–1585 гг.), во время которой умерли князь С. Болховский и большинство его стрельцов, да и многие соратники «велеумного» Ермака, наступила весна, татары, остяки и вогулы, «которые под его государевою рукою бысть», стали привозить запасы в город Сибирь (СЛ 2008: 32, ср. 7, 44). Скорее речь идет про обложенных казаками ясаком (ср. ПСРЛ 1987: 60), но едва ли в пользу московского самодержца, представлявший которого воевода появился здесь совсем недавно.

Если вначале, например, при взятии Карачина городка и Кашлыка, Ермак «с товарищи» ограничивались военной добычей, то после быстро «Сибирского взятия» 1582 г. (летописцы почти единодушно приурочивают его к 26 октября) уже не довольствовались захваченными богатствами, например, царевича Маметкула, назымского князя (ПСРЛ 1987: 52, 59, 60, ср. 71, 380), а по давней традиции приступили к обложению местных жителей ясаком, однако еще не приводили их к шерти, тем более что для этого требовались шертовальные записи, а они оказались в Сибири со временем (Миллер 2000: 257–258, и др.).

С точки зрения А. П. Яркова, ясак по пути туда собирал и князь С. Д. Болховский, высту-

пивший в 1584 г. из Чердыни (скорее всего поздней весной) на помощь Ермаку (Ярков 2011: 28), хотя уже не заставший его в живых. Но молодому воеводе, надо думать, предписывалось спешить за Урал, ведь, как осознавали в Москве, силы казачьей «дружины» таяли; Болховского задержало лишь сооружение Верхтагильского городка. К тому же у стрельцов, присоединившихся к ермаковцам, «запасу не было никакого» или же крайне мало (ПСРЛ 1987: 133; СЛ 2008: 31, 77).

В Распространенной редакции «Повести ...» Саввы Есипова и зависимой от нее «Истории Сибирской» С. У. Ремезова сказано, что, не сумев овладеть Обским городком, «поганые» стали вносить ясак (ПСРЛ 1987: 186, 252, 312, 365; СЛ 2008: 349, 440). В. И. Сергееву это сообщение представлялось достоверным (Сергеев 1967: 175). Однако его нет в Основной редакции «Сказания» Есипова и ее вторичных разновидностях (ПСРЛ 1987: 35, 40, 65, 88, 96, 114, 126, 136, ср. 138). Вспомним также, что поздней весной или в первые недели лета 1586 г. И. А. Мансуров покинул заложенный им острог и возвратился на «Русь». В «срубленном» им городке, просуществовавшем до 1594 г., обосновались годовальщики, которые, сменяя друг друга, очевидно, и стали объяснять население Нижнего Приобья (Очерки истории Югры 2000: 121). Быть может, конечно, воевода вернулся в Москву не с пустыми руками, однако свидетельству летописца конца XVII в., повторенному другими тобольскими книжниками, вряд ли можно безусловно доверять, подобно, кстати, известию Распространенной редакции Строгановской летописи (в Основной редакции его опять-таки нет), будто Мансуров, встретившись с воеводой Д. Чулковым, привел «бесурманских язык ... к шерти» (СЛ 2008: 41, 92). Возводить эти показания к каким-то ранним источникам, думается, опрометчиво, тем более что Чулков появился в Сибири через год после того, как Мансуров навсегда оставил ее, да и не захватил Тобольск, из которого бежали татары, а основал его. Анонимные редакторы самых известных исторических повестей о разгроме казачьим отрядом «Кучумова» юрта на первые годы русской колонизации «Сибирской земли» распространили практику последующих десятилетий.

Внушает сомнения и свидетельство С. У. Ремезова о том, что новые воеводы, отправленные за «Камень» в 1586 г., – В. Б. Сукин и И. Н. Мясной – объясняли жителей по пути

к городу Чинги, на месте которого воздвигли Тюмень (СЛ 2008: 349, 440). (В. И. Сергеев писал о сборе русскими ясака в год основания Тюменского острога (Сергеев 1960: 113), что не вполне соответствует указанию тобольского «изографа» петровской эпохи). Ведь воеводам приходилось не медлить с закладкой «града», которой могли помешать «кучумляне», объяснение же коренного населения края было уже следующей задачей первых тюменских администраторов.

С Мансуровым, вероятно, в Москву выехал Лугуй (Акишин 2015: 51) – правитель Куноватско-Ляпинского княжества, который уже в августе 1586 г. добился от «святоцаря» Федора жалованной грамоты, на основании которой по-прежнему сам, а не кто-то из служилых, «сидевших» в Обском городке, собирал в своих владениях дань в пользу российского государя и раз в два года доставлял ее вымским приказным людям (Миллер 1999: 337–338). Подобно В. И. Сергееву (отчего-то называвшему Лугуя обдорским князьком) допустимо считать, что выдача этого документа сопровождалась шертованием остяцкого владельца (Сергеев 1967: 174, 175). (Вероятно, жалованная грамота Лугую сохраняла силу до «поставления» Березова в 1593 г. Через два года Шатров Лугуев в «измене», т. е. нарушив шерть, «приступал к Березову городу» (Миллер 1999: 387)).

В 1586/87 г. жалованная грамота с определением размера ясака, который должен был привозиться в Москву, получил казымский мурза Цынгоп (Сенгеп) (Русская историческая библиотека 1875: 200, 202). (А. Т. Шашков относил эту грамоту к зиме 1586/87 г. (Очерки истории Югры 2000: 121), а В. И. Сергеев, который «произвел» казымского мурзу в князцы, – к 1586 г.). Видимо, Цынгоп (Сенгеп) тоже шертовал в российской столице Федору Ивановичу, причем по записи, образец которой мог быть вручен основателям Тюмени, а год спустя заложившему Тобольск письменному голове Д. Д. Чулкову. (Кстати, А. С. Зуев и В. А. Слугина почему-то датировали прибытие первого тобольского «градодержателя» в Сибирь 1585 г. (Зуев, Слугина 2015: 40)). Жалованные грамоты в конце XVI – начале XVII вв. были выданы в Москве также обдорскому и демьянскому князям Мамруку Васильеву и Оксеиту Боярову. Кроме того, в 1602 г. сургутский воевода князь Я. П. Барятинский посылал местного князя Кинему с атаманом Б. Зубакиным «с жалованным словом ... для приведения к шер-

ти» князцов кузнецких самоедов (Бахрушин 1955: 134–135, 142; Шашков 2001: 176).

Известно, что со времени, «как Тюмень стала», – при В. Сукине, воеводствовавшем там в 1586–1588 гг., в этом городе нес службу в пользу московских государей, в частности, сражался с «кучумлянами», видный юртовский татарин М. Ачекматов (Азехматов) (Бахрушин 1955: 164; Миллер 1999: 479). Возможно, он шертовал уже при «поставлении» Тюмени. Служилые татары (через которых письменный голова Д. Д. Чулков, не исключено, вступил в переговоры с беком Искера Сейдяком), могли оказаться и в гарнизоне Тобольска вскоре после его основания. С пленением в этом остроге Сейдяка осенью 1587 г. большинство сопровождавших его татар очутилось в неволе либо бежало. Многие из них, быть может, предпочли переходу на сторону Кучума службу русскому царю. Семь лет спустя в экспедиции князя А. В. Елецкого «на Тару реку» приняли участие тобольские (под началом своих голов Байсеита, Байбахты, Ч. Александрова) и тюменские конные татары (Миллер 1999: 282, 351, 352, ср. 349). (С. У. Ремезов указывал на существование контингента тарских татар на русской службе еще в 1591 г., но, как полагал еще Г. Ф. Миллер, это известие неправдоподобно (Миллер 1999: 273)). По всей вероятности, с того времени, когда в первых русских городах Сибири сформировались отряды служилых татар, последние приносили шерть «освятованному» Федору Ивановичу.

Как сообщалось в царской грамоте «на Пелым» воеводе Б. И. Полеву от 20 июня 1596 г., население Большой Конды (являвшейся «уделом» Пелымского княжества (Бахрушин 1955: 54, 146)) платило ясак русским с 1588/89 г. (Миллер 1999: 277, 279, 365), почему А. Т. Шашков утверждал, что в 1588–1589 гг. «тобольским служилым людям удалось привести к покорности вогульские княжества на Конде и Пелыме». (Ранее видный историк полагал, что это произошло около 1588 г., а со следующего года правители упомянутых княжеств обязались вносить дань, которая поступала в будущую сибирскую столицу) (Шашков 1997: 176; Шашков 1998: 250). Оба приведенных вывода следует признать не вполне точными, тем более что Малая Конда была «положена в ясак» только в 1591/92 г. (Миллер 1999: 366). Видимо, жители вогульских княжеств, включенных со времени основания Пельма (1593 г.) в состав нового уезда, принесли шерть, одним из

условий которой являлась уплата дани «без переводу» (т. е. непрерывно, «погодно»).

Около 1592 г. остяки кодского князя Игичея Алачева совершили поход на Пегую Орду. Примерно тогда часть «кодичей», которая накануне платила ясак в Тобольск (т. е. не ранее чем с 1587 г.), взамен стала нести «всякие» военные службы, главным образом «струговые и лыжные». Игичей и его двоюродный брат Онжа Юрьев 18 февраля 1594 г. были пожалованы Федором Ивановичем за участие в походах против «государевых непослушников» Васпукольской и Колпукольской волостями; «большой» кодский князь удостоился также Емдырской и (в поместье) Ленской, что на Выми, волостями (Вершинин, Шашков 2004: 11, 13–16, 27). (Взгляд, будто Игичей и Онжа являлись васпукольскими князьями (Акишин 2015, с. 53), – очевидное недоразумение). Вероятно, «Кодцково уезду» «иноземцы», тем более служилые, принесли шерть «белому царю».

В последующих наказах русским воеводам и письменным головам, посылавшихся в сибирские города и остроги, начиная с составленного, очевидно, в течение первых месяцев 1594 г. и адресованного князю А. В. Елецкому, вскоре «поставившему» Тару, часто встречается предписание о приведении населения, которое таким образом становилось подвластным московским государям, к шерти (Миллер 1999: 347, 358, 361–363, 373, и др.). Примечательно, что об этом не сказано в наказах воеводе князю П. И. Горчакову и письменному голове В. В. Аничкову, заложивших Пелым и Сургут соответственно, т. к. жители бассейна Тавды и Бардакова княжества уже были приведены «под высокую государеву руку», в Среднее Прииртышье же русские совершили поход впервые. (Вопреки мнению З. А. Тычинских, в наказе отправленному в Персию русскому послу князю А. Ф. Жировому-Засекину не сказано о приведении к шерти мурз, плененных во время окончательного разгрома Кучума летом 1598 г. (Тычинских 2010: 47, и др.)).

Как установил Б. П. Полевой, в самом конце XVI в. (скорее всего в 1600 г.) тобольский сын боярский В. Ф. Тырков ездил «в Томь через Тару ко князем и мурзам с государским жалованьем с милостивым словом ... и з грамотами за ... государскою красною печатью» (Полевой 1981: 58, 61). Не исключено, что эти грамоты (в оценке Б. П. Полевого, особые) представляли собой шертные записи либо включали их текст. (Любопытно, что накануне ясак на Томи собрал

сургутский атаман Т. Федоров (Очерки истории Югры 2000: 199–200)).

В. Д. Пузанов выделял три достаточных «для русских властей» элемента, свидетельствующих о присоединении того или другого народа Сибири к России «в реалиях» XVI–XVIII вв.: «это принятие присяги на подданство Белому царю, выплата ясака и выдача аманатов, гарантировавшая своевременный платеж дани» (Пузанов 2004: 278). Относительно времени похода Ермака, да и последующих зауральских экспедиций первых государевых воевод, думается, из перечисленных элементов налицо был только один: объясачивание «иноязычных людей».

Представление о том, что «сибирцев» начали приводить к шерти уже «ермаковы казаки», сложившееся главным образом под влиянием рассказа Саввы Есипова про поездку сеунчиков «дружины» в Москву, таким образом, не может считаться сколько-нибудь основательным.

«Храбрый с млада» атаман и его соратники приступили лишь к объясачиванию покоренных татар, остяков и вогулов, вскоре продолженному в Нижнем Приобье годовальщиками из Мансуровского городка. Шертование же недавних подданных Кучума, борьба которого с русскими шла до самого конца XVI в., предположительно началось со времени надления жалованными грамотами Лугуя и Цынгапа (Сенгепа), «поставления» Тюмени и Тобольска (1586–1587 гг.), подчинения царю Федору Пелымского княжества и обретения частью остяков Коды статуса служилых (конец 1580-х – начало 1590-х гг.). С 1594 г., когда в «Сибирской земле» вслед за Пелымом, Березовым и Сургутом была «срублена» Тара, приведение местных «иноземцев» «под высокую руку» московского венценосца, особенно в ходе «проведывания» новых «землиц», сделалось едва ли не главной целью служилых людей.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ЕЛ** – Есиповская летопись.
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.
РИ – Российская история.
СЛ – Сибирские летописи: Краткая сибирская летопись (Кунгурская).

ЛИТЕРАТУРА

- Акишин М.* 2015. Дьяки Посольского приказа и присоединение Сибири // РИ 3, 45–54.
Бахрушин С. В. 1955. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. Москва: Академия наук СССР.
Вершинин Е. В., Шапков А. Т. 2004. Участие служилых остяков Кодского княжества в военных походах конца XVI – первой трети XVII в. // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. Сургут: Диорит, 10–32.
Зуев А. 2015. Летописные известия о шертовании народов Сибири во время похода Ермака и исторические реалии // РИ 3, 30–44.
Карамзин Н. М. 1989. История Государства Российского. Кн. 3. Т. 9. Москва: Книга.
Конев А. Ю. 2005. Шертоприводные записи и присяги сибирских «иноземцев» конца XVI–XVIII вв. // Вестник археологии, антропологии и этнографии 6, 172–177.
Копылов Д. И. 1989. Ермак. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во.
Миллер Г. Ф. 1999. История Сибири. 2-е изд., доп. Москва: Восточная литература.
Миллер Г. Ф. 2000. История Сибири. 2-е изд., доп. Москва: Восточная литература.
Миллер Г. Ф. 1998. Описание Сибирского Царства и всех происшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сии времена. Кн. 1. Москва: Либерея.
Очерки истории Югры / Баранов Н. Н., Вершинин Е. В., Горшков С. В., Миненко Н. А., Морозов В. М., Прищепа А. И., Редин Д. А., Шашков А. Т./Екатеринбург: НПМП Волот, 2000.
Полевой Б. П. 1981. Новое о Василии Тыркове, основателе Томска // Сибирские города XVII – начала XX века. Новосибирск: Наука, 57–63.
ПСРЛ. 1987. Т. XXXVI. Москва: Наука.
Пузанов В. Д. 2004. Проблема вхождения Сибири в состав России в исторической науке // Северная цивилизация: становление, проблемы, перспективы: Материалы I Конгресса: Сургут: 10–11 июня 2004 года. Сургут: СурГУ, 276–278.
Русская историческая библиотека: 1875. Т. 2. Санкт-Петербург: типогр. бр. Пантелеевых.
Самаровский край: История Ханты-Мансийского района. 2003 / Н. И. Загороднюк, Ю. Н. Квашнин, А. Ю. Конев, И. А. Ломакин, В. Г. Усманов (ред.). Тюмень: Мандр. и К⁰, 2003.
Сергеев В. И. 1960. Первые сибирские города, их военное, экономическое и культурное значение // Вестник истории мировой культуры 3 (21), 113–124.
Сергеев В. И. 1967. Правительственная политика в Сибири накануне и в период основания первых русских городов // Новое о прошлом нашей страны: Памяти академика М. Н. Тихомирова. Москва: Наука, 174–179.
СЛ 2008 / Цепков А. И. (пред.). Рязань: Александрия.
Скрынников Р. Г. 1986. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск: Наука.
Солодкин Я. Г. 2015. «Ермаково взятие» Сибири: Дискуссионные проблемы истории и источниковедения. Нижневартовск: НВГУ.

Трепавлов В. В. 2012. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш / В. В. Трепавлов. Москва: Восточная литература.

Тычинских З. А. 2010. Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVII–XIX вв.). Казань: «Фэн».

Шаишов А. Т. 1997. К истории возникновения в конце XVI в. первых русских городов и острогов на восточных склонах Урала//Уральский сборник: История: Религия: Культура. Екатеринбург: изд-во Уральского университета, 174–179.

Шаишов А. Т. 1998. К истории основания Березова и Пельыма // Культурное наследие российской провинции: история и современность: К 400-летию г. Верхотурья: Тезисы докладов и сообщений Всероссийской научно-практической конференции 26–28 мая 1998 г.: Екатеринбург – Верхотурье. Екатеринбург: изд-во Института истории и археологии УрО РАН, 250–253.

Шаишов А. Т. 2001. Югорские князья в XV–XVIII вв. // Северный регион: Наука: Образование: Культура 1 (3), 173–180.

Щеглов И. В. 1993. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032–1882 гг. Сургут: Северный дом.

Ярков А. П. 2011. Кучум и Ермак: смена темпоритма в Сибири // Западная Сибирь: история и современность: Краеведческие записки. Вып. 10. Нижневартовск; Омск: Омскбланкиздат, 21–54.

REFERENCES

- Akishin M.* In: Rossiyskaya istoria [Russian history]. Vol. 3 (2015): 45–54. (In Russian).
- Bakhrushin S.V.* Nauchniye trudy [Research works]. Vol. 3. Part 2. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1955. (In Russian).
- Vershinin E. V., Shashkov A. T.* In: Zapadnaya Sibir: proshloye, nastoyascheye, buduscheye [Western Siberia: past, present and future]. Surgut: Diorit, 2004. Pp. 10–32 (In Russian).
- Zuev A.* In: Rossiyskaya istoria [Russian history]. Vol. 3 (2015): 30–44. (In Russian).
- Karamzin N. M.* Istoriya gosudarstva rossiyskogo [The history of the Russian state]. Book 3. Vol. 9. Moscow: Kniga, 1989. (In Russian).
- Konev A. Y.* In: Vestnik archeologii, antropologii i etnografii [Bulletin of archaeology, anthropology and ethnography], Vol.6 (2005): 172–177. (In Russian).
- Kopylov D. I.* Ermak. Irkutsk: East Siberian book publishing house, 1989. (In Russian).
- Miller G. F.* Istoriya Sibiri [The history of Siberia]. 2nd ed., extended. Moscow: Vostochnaya literatura, 1999. (In Russian).
- Miller G. F.* Istoriya Sibiri [The history of Siberia]. 2nd ed., extended. Moscow: Vostochnaya literatura, 2000. (In Russian).
- Miller G. F.* Opisanie Sibirskogo Tsarstva i vsekh proishestviy v nyom ot nachala, a osoblyvo ot pokoreniya ego Rossiyskoy derzhave po sii vremena [Description of the Siberian kingdom and all events that occurred there from the beginning, and especially from the conquest by the Russian state, till our time]. Book. 1. Moscow: Libereya, 1998. (In Russian).
- Baranov N. N., Vershinin E. V., Gorshkov S. V., Minenko N. A., Morozov V. M.* et al. Ocherki istorii Yugry [Essays on the History of Yugra]. Yekaterinburg: NPMP Volot, 2000. (In Russian).
- Polevoy B. P.* Sibirskie goroda XVII – nachala XX veka [Siberian towns in the 17th – early 20th centuries]. Novosibirsk: Nauka, 1981. pp. 57–63. (In Russian).
- Polnoye sobraniye russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. XXXVI. Moscow: Nauka, 1987. (In Russian).
- Puzanov V. D.* Severnaya tsivilizatsiya: stanovleniye, problem, perspektivy: Materialy I Kongressa: Surgut 10-11 iyunya 2004 goda [Northern civilization: formation, problems and prospects: Proceedings of the I Congress: Surgut: June 10–11, 2004]. Surgut: Surgut State University, 2004. pp. 276–278. (In Russian).
- Russkaya istoricheskaya biblioteka [Russian historical library]. Vol. 2. St. Petersburg: Tipografiya Bratiev Panteleyevykh, 1875. (In Russian).
- Samarovskiy krai: Istoriya Khanty-Mansiyskogog rayona [Samara region: History of Khanty-Mansiysk Area. Ed. by N. I. Zagorodnik, Yu. N. Kvashnin, A.Y. Konev, I.A. Lomakin, V.G. Usmanov. Tyumen: Mandr I Co, 2003. (In Russian).
- Sergeev V. I.* In: Vestnik istorii mirovoy kultury [Bulletin of the history of world culture]. Vol. 3 (21) (1960): 113–124. (In Russian).
- Sergeev V. I.* In: Novoye o proshlom nashey strany: Pamyati akademika M.N. Tikhomirova [New works about the past of our country: In the memory of Academician M.N. Tikhomirov]. Moscow: Nauka, 1967. pp. 174–179. (In Russian).
- Sibirskiy letopisi [Siberian chronicle]. Compiled by A.I. Tsepkov. Ryazan: Alexandria, 2008. (In Russian).
- Skrynnikov R. G.* Sibirskaya ekspeditsiya Ermaka [Ermak Siberian expedition]. 2nd ed., revised and extended. Novosibirsk: Nauka, 1986. (In Russian).
- Solodkin Ya. G.* «Yermakovo vzyatiye» Sibiri: Diskussionniye problem istorii i istochnikovedeniya [Ermak conquest of Siberia: Discussion problems of history and source studies]. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk State University, 2015. (In Russian).
- Trepavlov V. V.* Sibirskiy yurt posle Ermaka: Kuchum i Kuchumovichi v borbe za revansh [Siberian land after Ermak: Kuchum and Kuchum clan in the struggle for revanche]. Moscow: Vostochnaya literatura, 2012. (In Russian).
- Tychinskii Z. A.* Sluzhiliye tatar y i ikh rol v formirovaniy etnicheskoy obschnosti sibirskikh tatar (XVII–XIX vv. [Tatars in military service and their role in shaping the ethnic group of Siberian Tatars (17th-19th centuries.). Kazan: Fen, 2010. (In Russian).
- Shashkov A. T.* In: Uralskiy sbornik: Istoriya: Religiys: Kultura [ural collection: History: Religion Culture]. Yekaterinburg: Ural University, 1997. Pp. 174–179. (In Russian).
- Shashkov A. T.* In: Kulturnoye naslediyе rossiyskoy provintsii: istoriya i sovremennost: K 400-letiyu g. Verkhoturuya: Tezisy dokladov i soobshcheniy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 26–28 maya 1998 g. Yekaterinburg-Verkhoturuya [The cultural heritage of the Russian province: Past and Present: The 400th Anniversary of Verkhoturuya: Abstracts and reports of

All-Russian scientific-practical conference on May 26–28, 1998. Yekaterinburg-Verkhoturye]. Yekaterinburg: Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 1998. pp. 250–253. (In Russian).

Shashkoff A. T. In: Severniy region: Nauka: Obrazovaniye: Kultura [Northern region: Science: Education: Culture]. Vol. 1 (3) (2001): 173–180. (In Russian).

Scheglov I. V. Khronologicheskiy perechen vazhneyshikh dannykh iz istorii Sibiri: 1032–1882 gg. [A chronological list of the most important data in the history of Siberia: 1032–1882]. Surgut: Seerniy dom, 1993. (In Russian).

Yarkov A. P. In: Sapadnaya Sibir: istoriya i sovremennost: Kraevedcheskiye zapiski [Western Siberia: history and modernity: Local history notes]. Vol. 10. Nizhnevartovsk, Omsk: Omskblankizdat, 2011. pp. 21–54. (In Russian).

Ya. G. Solodkin
Nizhnevartovsk, Russia

SIBERIAN OUTLANDERS SWEARING A SHERT' OATH TO THEIR MUSCOVITE SOVEREIGN (BEGINNING AND CHRONOLOGY OF THE PRACTICE)

Abstract. This paper discusses one of the topical issues in Siberian studies, namely, the beginning of the tradition to administer a shert', an oath of allegiance to Muscovite sovereign, to the peoples of Siberia. Although the historians do not doubt the fact that this practice dates back to the first years of Russian colonization of Siberia, the idea that the oath was administered by Ermak Cossacks, originated by G.F. Miller, cannot be considered conclusive. The author pays special attention to the analysis of Yesipovsky chronicle message of the beginning of such practice at the time of «Siberian seizure».

The study revealed that the evidence mentioned in the chronicle message includes literary clichés available in the Esipov's work. The message contains the text entry of the shert' oath record composed not in the second quarter of the 17th century, as it was previously considered, but rather before the death of Kuchum, i.e. in early 17th century. We have proved that Ermak Cossacks limited their control practices to collecting a tribute, while the practice of shert's oath administered to Siberian outlanders started from the subsequent expeditions of Tsar Fyodor Ivanovich's governors, I. A. Mansurov and V. B. Sukin in particular. We have found that the first oath-givers were Prince Luguy and Prince Igichey, Tsyngop Murza, and a prominent Tyumen Tatar service man M. Achekmatov.

Key words: Siberia in late 16th century; shert' oath; shert's oath record; tribute; Esipov chronicle; Kuchum; Ermak; Luguy; Igichey.

About the author: Yankel Gutmanovich Solodkin, Doctor of Historical Sciences (DSc), Professor, Head of the Laboratory for Regional Historical Research.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University.

УДК 930.253

А. В. Спичак
Нижневартовск, Россия

ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМУЛЯРА БРАЧНОГО ОБЫСКА В ПРИХОДСКИХ ЦЕРКВЯХ ТОБОЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ В XVIII – НАЧАЛЕ XX в.

Аннотация. В статье рассматривается вопрос об эволюции формуляра брачных обысков приходских церквей Тобольской епархии в XVIII – начале XX веков. Целью работы является выяснение степени соответствия составления брачных обысков в приходских церквях Тобольской епархии требованиям законодательства. Актуальность исследования обусловлена тем, что изучение эволюции оформления брачных обысков в Тобольской епархии на протяжении синодального периода, выявление и анализ факторов, определяющих изменение в их содержании и оформлении, содействуют пониманию закономерностей развития церковного делопроизводства. Новизна исследования состоит в том, что вопросы эволюции оформления брачных обысков Тобольской епархии XVIII – начала XX веков ранее специально не рассматривались. Приводится определение понятия «брачный обыск» как вида документа. Автором представлены результаты сопоставительного анализа развития форм брачных обысков с требованиями законодательства. Особое внимание уделяется степени реализации законодательных норм, регламентирующих правила оформления брачных обысков в Тобольской епархии в XVIII – начале XX веков. Показано, что практика делопроизводства в приходских церквях подвергалась регламентирующему воздействию, постоянно совершенствовалась, дополнялась новыми элементами. Брачные обыски за XVIII в. в государственных архивах не обнаружены. В приходских церквях Тобольской епархии обыски начали составлять в 1802 г. с утверждения требования к духовным консисториям выдавать причтам специальные книги для записи обысков. Законодательное закрепление правил и совершенствование «церковного письмоводства» способствовали наилучшей сохранности церковных документов. В результате анализа брачных обысков за 1802–1910 гг. выяснилось, что эти документы в большинстве своем записывались от руки в шнуровые (обыскные) книги, которые скреплялись сургучной печатью Тобольской духовной консистории и имели почти одинаковую форму изложения. Только в

некоторых церквях с середины XIX в. начали использовать печатные формы обысков. Таким образом, не все духовные лица осознавали важность составления обысков по установленной форме.

Ключевые слова: брачный обыск; Тобольская епархия; приходские церкви; синодальный период.

Сведения об авторе: Александра Владимировна Спичак, научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории региональных исторических исследований.

Место работы: Нижневартковский государственный университет.

Контактная информация: 628615, г. Нижневартковск, ул. Мира, д. 3б, каб. 311; тел. 8(3466)275010, e-mail: spichak-89@mail.ru.

Исследование осуществлено в рамках исполнения государственных работ в сфере научной деятельности, задание № 2014/801.

Обыск как вид документа – это формальный письменный акт о произведенном дознании и о результатах дознания, совершаемый причтом церкви перед венчанием и удостоверяющий беспрепятственность брака. Указ Синода от 14 июля 1765 г., имевший целью избежать оформление незаконных браков, приказал будущим супругам за неделю до венчания объявить о своем намерении приходским священникам (ПСЗРИ 1830a: 189–190). Данное распоряжение признало обыски законным доказательством брака. Ведение обысков подтверждалось указом от 5 августа 1775 года. (ПСЗРИ 1830b: 196–198). Обыски в некоторых церквях составлялись на «особых» листах, а не в заведенных для этого книгах, и, следовательно, могли быть утрачены. Поэтому Синод 17 мая 1802 г. приказал выдать из консисторий и духовных правлений прошнурованные, с подписью присутствующего книги, «не ограничивая временем» (на сколько лет), представив на первом листе «для единообразия форму». После заполнения книги хранили в ризницах. Благочинным предписывалось следить за правильным составлением обыскных книг. Консистория взяла расписки со священников и благочинных о том, что они будут исполнять предписанные требования (ПСЗРИ 1830d: 13–16).

Разница в содержании обысков приводила к злоупотреблениям: во многих делах о незаконных браках священники оправдывались обычаями, которые были составлены произвольно (ПСЗРИ 1837: 947). Синод 30 ноября 1837 г. утвердил форму брачного обыска, «сообразенную с опытом в делопроизводстве». Книги выдавались «белые», прошнурованные и с подписью одного из членов консистории или духовного правления на неопределенное время (пока все листы не будут исписаны). Консистории должны были указывать установленную форму на первом листе обыскных книг. Под обыском обязывались подписаться как сами брачующиеся, так и их поручители (по два-три с каждой стороны) и производившие обыск члены при-

чта после слов «обыск производили» (ПСЗРИ 1837: 947–948). Указ от 30 ноября 1837 г. установил круг документов, необходимых для составления обыска. Невольным «господским» людям требовалось предоставлять свидетельства от помещиков, управляющих, приказчиков, старост или прочих доверенных лиц. Представленные к обыску подлинные документы хранили в обыскной книге, например, дозволение начальства на вступление в брак чиновнику. От «иноприходной» невесты было необходимо свидетельство ее духовного отца с показанием, девица она или вдова, возраста, посещала ли исповедь и святое причастие. С остальных документов, например, с аттестатов по службе, из которых заимствовали данные о возрасте жениха, следовало делать копии в книгу под обыском, подлинник возвращать с распиской о возврате, с указанием даты совершения брака и подписью священника (ПСЗРИ 1837: 947–948).

Устав духовных консисторий подтвердил обязанность выдавать книги для записи брачных обысков и «свидетельствовать об исправности» книги при их замене на новые (ПСЗРИ 1841: 222). В случае пропуска исповеди для подтверждения православного вероисповедания «брачующиеся» лица предоставляли свидетельство «о бытии на исповеди и святого причастия» с подписью священника и оттиском церковной печати (Павлов 1887: 125). В пятом пункте обыска требовалось указать семейное положение и очередность брака будущих супругов. Вдовцов и вдов разрешалось венчать только с разрешения их начальства. Запрещалось вступать в новый брак, не расторгнув предыдущий, и в четвертый брак. Для предупреждения «двойных и четверных» браков Александр I приказал 7 декабря 1811 г. (ПСЗРИ 1830c: 920) указывать священникам с 1812 г. в паспортах, выдаваемых купцам, мещанам и крестьянам «для отлучек по торговле и промыслам» семейное положение с обозначением имени супруги, даты венчания и названия церкви, в которой оно было совершено. При

вступлении в третий брак к обыску прилагался указ консистории, разрешающий венчание (Павлов 1887: 154–169).

Брачные обыски за XVIII в. в государственных архивах не обнаружены. В приходских церквях Тобольской епархии обыски стали составлять с 1802 г. – со времени утверждения требования к духовным консисториям выдавать причтам специальные книги для записи обысков. Рассмотренные брачные обыски Преображенской церкви с. Преображенского Абалакской волости Тобольского уезда за 1802–1809 (ГБУТО ГАТ. Ф. 103. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–83), Шишкинской Богородице-Казанской церкви с. Шишкинского Тобольского уезда за 1802–1832 (ГБУТО ГАТ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–82, 98–104, 122–124, 245–302), Обдорской Петро-Павловской церкви с. Обдорского Обдорской волости Березовского уезда за 1812–1856 (ГБУТО ГАТ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–200), Николаевской церкви Курганского уезда за 1818 (ГКУ ГАКО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 14. Л. 1–123), Николаевской церкви Курганского уезда за 1843–1849 (ГКУ ГАКО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 44. Л. 1–160), Градо-Сургутской Свято-Троицкой церкви Тобольского уезда за 1850–1856 (ГБУТО ГАТ. Ф. 10. Л. 1–58) и Тобольской Богородице-Введенской и приписной к ней Спасской церкви за 1855–1861 (ГБУТО ГАТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 13. Л. 1–129), написанные от руки и без выделения красной строки, заносились в шнуrowые (обыскные) книги, которые скреплялись сургучной печатью Тобольской духовной консистории и имели почти одинаковую форму изложения. Название книги указывалось в верхней части первой страницы и отделялась от текста, например: «Книга учиненная и прошнурованная в Тобольской Консистории за силу указа Святейшего Правительствующего Синода мая 16 ч[исла] 1802 года Тобольской Городной ... села Богородской церкви священно-церковно-служителям для вписывания о желающих вступить в брак обысков 1818 года 7 июля 27 дня» (ГБУТО ГАТ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 2. Л. 122). Документ мог именоваться и «Обыскная книга» (ГКУ ГАКО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 44. Л. 1).

Такой реквизит, как дата документа, не выделялся из текста, располагался в начале текста, например, «1807 го года октября 28го дня». Текст вносился от руки без красной строки, у всех записей в обыскной книге он аналогичен: «...купец Петр Алексеев Богданов, дал сей обыск в том, что желает в брак вступить первым браком, Тобольского купца Алексея Ми-

хайлова Богданова дворовой его человек Василий Григорьев сын Григорьев, села Кундусского ... крестьянина ... с дочерью его девицей Екатериной, кои между собой как плотского так и духовного родства не имеют ... К бракосочетанию возбраняющего препятствия не имею и оных жених и невеста лет совершенных. А если по свенчании какое к бракосочетанию препятствие окажется, то мне тысяцкому ... ни до какого ответу, и за несправедливое показание подвергаем себя к поступлению с нами по всей строгости как Его Императорского Величества Законы повелевают». Подпись не выделялась из текста, располагалась в начале текста: «В чем подписал ... обыск купец Петр Алексеев сын Богданов» (ГБУТО ГАТ. Ф. 103. Оп. 1. Д. 3. Л. 110).

В начале XIX в. брачный обыск могло подать и третье лицо, тогда документ имел следующее содержание: «По Указу Его Императорского Величества Самодержца всероссийского Обдорской Васильевской церкви, священнику Василию ... с причтом ... (или купец) Андрей Семенов ... дал сей обыск в том, что сочетающиеся Березовского отставного поручика Петра ... дворовые люди ... между собою как духовного, так и плотского родства никакого к бракосочетанию препятствия не имеют и желают вступить в оный брак без всякого какого-либо принуждения и с позволения их хозяина Петра ... и согласия родителей их, которые по христианской должности во исповеди и святого причастия у своих приходских священников делаются ежегодно, принадлежащие христианские молитвы Символа веры, Отче наш и Десять заповедей Господней твердо знают и коих мы, нижеподписавшиеся по сущей справедливости, а ежели хотя едино что о вышеписанном явится неистинное, то повинны мы по закону истязанию, а по Правилам Святых Отцов церковной публичной епитимии, в чем по силе и подписуемся» (ГБУТО ГАТ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 1. Л. 3об.). Обыски в это время составлялись по одному или два на страницу (ГБУТО ГАТ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–208). Встречаются брачные обыски, заполненные в таблице из четырех граф: номер по порядку, текст, возраст жениха и невесты, причем возраст записывался напротив строчки в тексте с его указанием (ГБУТО ГАТ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 1. Л. 21, 33об., 72об., 104, 110, 112, 112об.). К обыскной книге за 1843–1849 гг. прилагается «форма брачного обыска», составленная от руки, которую вписал в книгу и подписал столо-

начальник (ГКУ ГАКО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 44. Л. 1. об.–3). Такие формы можно найти среди обысков в обыскных книгах (ГБУТО ГАТ. Ф. 189. Оп. 1. Д. 42. Л. 1–1об., 14. Л. 120–121). Неграмотные прихожане вместо подписи могли что-то нарисовать, например, в Градо-Сургутской Свято-Троицкой церкви было принято рисовать корову (ГБУТО ГАТ. Ф. 189. Оп. 1. Д. 42. Л. 2–58). В некоторых церквях в середине XIX в. начали использовать печатные формы обысков. Название книги писали от руки на первом листе, например, «Книга, выданная из Тобольской Духовной Консистории причту ... церкви для записи в оную предбрачных обысков», запись с левой стороны отделялась чертой, за которой указывался номер книги. Под названием книги располагались подписи члена консистории, секретаря и столоначальника (ГБУТО ГАТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 13. Л. 1).

Наименование вида документа указывали традиционно в верхней части листа «ОБЫСК БРАЧНЫЙ», над ним располагался написанный от руки номер обыска. Текст писали без красной строки и выделения реквизитов, он начинался с даты, составленной в форме трафарета, то есть печатали первые две цифры года, слова «года» и «дня» и формулировки «По Указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА». Ниже от руки вносили название церкви. Обыск состоял из десяти пунктов: 1 и 2) имена и место жительства жениха и невесты; 3) подтверждение совершеннолетия; 4) отсутствие родства между брачующимися; 5) семейное положение; 6) взаимное согласие, что подтверждали их родители «удостоверительной бумагой при свидетелях и поручителях с обеих сторон»; 7) отсутствие препятствий на вступление в брак после оглашения в церкви; 8) отсутствие преград к венчанию в представленных документах; 9) название церкви, в которой планировалось бракосочетание и год; 10) подтверждение указанных в обыске сведений подписями жениха, невесты и их поручителей. Документ подписывали члены причта, производившие обыск, например, священник и дьячок (ГБУТО ГАТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 13. Л. 1–1об.).

Рассмотренные брачные обыски Николаевской церкви Курганского уезда за 1877–1880 (ГКУ ГАКО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 85. Л. 1–110об.), Тобольской Петропавловской церкви за 1882–1887 (ГБУТО ГАТ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 31. 1–101об.), Мужевской Михаило-Архангельской церкви, с. Мужы Куноватской волости Березовского уезда за 1901–1903 (ГБУТО ГАТ. Ф. 700.

Оп. 1. Д. 30. Л. 1–23), Тобольской Сретенской (Пятницкой) церкви за 1908–1910 (ГБУТО ГАТ. Ф. 75. Оп. 1. Д. 36. Л. 1–24), Градо-Березовская Богородице-Рождественская церковь, г. Березова 1916–1920 (ГБУТО ГАТ. Ф. 715. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–109об.), Тобольской Михаило-Архангельская церковь 1917–1919 (ГБУТО ГАТ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–41) и Скрипуновской Спасской церкви с. Скрипуновского Березовского уезда 1921–1928 (ГБУТО ГАТ. Ф. 628. Оп. 1. Д. 1. Л. 4–51) гг. оформлялись уже на гербовой бумаге по установленной форме.

В конце обыскной книги располагалась надпись, например, «Итого в сей книге номерованных листов числится восемьдесят четыре», и далее должность, имя и фамилия повытчика (ГБУТО ГАТ. Ф. 103. Оп. 1. Д. 3. Л. 83об.) или пономаря и столоначальника (ГБУТО ГАТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 13. Л. 1об.), члена консистории (ГБУТО ГАТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 13. Л. 126об.), печать Тобольской духовной консистории. Столоначальник и секретарь консистории подписывали книгу по листам в целях защиты документа от фальсификации. В надписи указывались должность, название консистории, имя и фамилию, столоначальник писал по нижним правым частям листов, секретарь – центральным правым (ГБУТО ГАТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 13. Л. 1–126). С середины XIX в. реквизит «подпись» стал выделяться из текста документа. Если раньше он заключал текст, то теперь располагался под текстом, как в типографских формах, так и в написанных от руки обысках (ГБУТО ГАТ. Ф. 189. Оп. 1. Д. 42. Л. 2–158, Ф. 715. Оп. 1. Д. 2. Л. 208об.). Некоторые священники, зная о появлении формы брачного обыска, но не имея по каким-либо причинам гербовой бумаги с трафаретом, начали с 1838 г. писать обыски по пунктам, как того требовали новые правила. В это время дата документа еще не выделялась из текста и указывалась в его начале (ГБУТО ГАТ. Ф. 189. Оп. 1. Д. 42. Л. 2–158, 13. Л. 134–208).

Брачные обыски являются ценными источниками, позволяющими получить сведения для исторической демографии о динамике движения населения, обобщенные и частные данные о возрасте вступления в брак, проценте безбрачия, количестве и периодичности рождений в семьях детей, наличии приемных родственников, продолжительности жизни, причинах и сезонности смерти, в том числе под влиянием социальных катаклизмов в виде войн, револю-

ций, экономических кризисов и эпидемий. Брачные обыски как уникальные статистические материалы дают возможность первоначальной (в генеалогических исследованиях) персонификации и рассмотрения истории отдельных родов и семей, жизненного пути людей с отражением процессов рождения, крещения, венчания, бракосочетания, смерти. Брачный обыск служил доказательством законности брака. С помощью брачных обысков контролировалась легитимность совершения бракосочетания. От того, насколько полно и в соответствии с правилами причт составлял обыск, зависела в некоторой степени и дальнейшая судьба брачующихся. Как и в настоящее время, ошибки и халатность в оформлении документов могли приводить к неблагоприятным последстви-

ям. Однако не все духовные лица понимали важность составления этих документов по установленным правилам.

Можно сделать вывод, что брачные обыски в приходских церквях Тобольской епархии стали составляться по утвержденной в 1837 г. форме примерно с 1870-х годов. Отсутствие гербовой бумаги в церквях, возможно, по причине ее высокой цены, не освобождало священно- и церковнослужителей от обязанности ведения документации по установленным правилам. В настоящее время брачные обыски используются в генеалогических исследованиях. Указание духовными лицами полной, достоверной информации в обысках позволяет использовать эти источники с максимальной полнотой.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГБУТО ГАТ** – Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске».
ГКУ ГАКО – Государственное казенное учреждение «Государственный архив Курганской области».
ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской Империи.

ЛИТЕРАТУРА

- ГБУТО ГАТ. Ф. 75. Оп. 1. Д. 36.
 ГБУТО ГАТ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 31.
 ГБУТО ГАТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 13.
 ГБУТО ГАТ. Ф. 103. Оп. 1. Д. 3.
 ГБУТО ГАТ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 2.
 ГБУТО ГАТ. Ф. 189. Оп. 1. Д. 42.
 ГБУТО ГАТ. Ф. 628. Оп. 1. Д. 1.
 ГБУТО ГАТ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 1.
 ГБУТО ГАТ. Ф. 700. Оп. 1. Д. 30.
 ГБУТО ГАТ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 1.
 ГБУТО ГАТ. Ф. 715. Оп. 1. Д. 2.
 ГКУ ГАКО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 14.
 ГКУ ГАКО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 44.
 ГКУ ГАКО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 85.

Павлов А. С. 1887. 50-я глава Кормчей книги, как исторический и практический источник русского брачного права. Москва: Университетская типография.

ПСЗРИ. 1830а. Собр. 1. Т. XVII. Санкт-Петербург: III Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.

ПСЗРИ. 1830b. Собр. 1. Т. XX. Санкт-Петербург: III Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.

ПСЗРИ. 1830с. Собр. 1. Т. XXXI. Санкт-Петербург: III Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.

ПСЗРИ. 1830d. Собр. 1. Т. XL. Санкт-Петербург: III Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.

ПСЗРИ. 1837. Собр. 2. Т. XII. Отд. 2. Санкт-Петербург: III Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.

ПСЗРИ. 1841. Собр. 2. Т. XVI. Отд. 1. Санкт-Петербург: III Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.

REFERENCES

- The State Archive in the city of Tobolsk. Fund 75. Inventory 1. Case 36. (In Russian).
 The State Archive in the city of Tobolsk. Fund 82. Inventory 1. Case 31. (In Russian).
 The State Archive in the city of Tobolsk. Fund 92. Inventory 1. Case 13. (In Russian).
 The State Archive in the city of Tobolsk. Fund 103. Inventory 1. Case 3. (In Russian).
 The State Archive in the city of Tobolsk. Fund 109. Inventory 1. Case 2. (In Russian).
 The State Archive in the city of Tobolsk. Fund 189. Inventory 1. Case 42. (In Russian).
 The State Archive in the city of Tobolsk. Fund 628. Inventory 1. Case 1. (In Russian).
 The State Archive in the city of Tobolsk. Fund 629. Inventory 1. Case 1. (In Russian).

- The State Archive in the city of Tobolsk. Fund 700. Inventory 1. Case 30. (In Russian).
 The State Archive in the city of Tobolsk. Fund 704. Inventory 1. Case 1. (In Russian).
 The State Archive in the city of Tobolsk. Fund 715. Inventory 1. Case 2. (In Russian).
 The State Archive of the Kurgan region. Fund 13. Inventory 1. Case 14. (In Russian).
 The State Archive of the Kurgan region. Fund 13. Inventory 1. Case 44. (In Russian).
 The State Archive of the Kurgan region. Fund 13. Inventory 1. Case 85. (In Russian).
 Pavlov A. S. 50-ya glava Kormchei knigi, kak istoricheskii i prakticheskii istochnik russkogo brachnogo prava [50th chapter of the Kormchy book as historical and practical source of the Russian marriage law], Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1887, 452 p. (In Russian).
 Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire (further – CCLRE)]. Coll. 1, vol. XXXI, 24902, 1830a. p. 920 (In Russian).
 CCLRE. Coll. 1, vol. XVII, 12433, 1830b. pp. 189–190 (In Russian).
 CCLRE. Coll. 1, vol. XX, 14356, 1830c. pp. 196–198 (In Russian).
 CCLRE. Coll. 1, vol. XL, 20266a, 1830d. pp. 13–16 (In Russian).
 CCLRE. Coll. 2, vol. XII, part 2, 10759, 1837. pp. 947–948 (In Russian).
 CCLRE. Coll. 2, T. XVI, part 1, 14409, 1841. pp. 221–263. (In Russian).

A. V. Spichak
Nizhnevartovsk, Russia

DEVELOPMENT OF MARRIAGE SEARCH RECORDS IN PARISH CHURCHES OF TOBOLSK DIOCESE IN THE 18TH - EARLY 20TH CENTURIES

Abstract. The article discusses the development of marriage search records in parish churches of Tobolsk Diocese in the 18th – early 20th centuries. The aim is to clarify the extent to which marriage search records in the parish church of Tobolsk Diocese comply with legal requirements. The work is relevant due to the fact the study of marriage search records registered in Tobolsk Diocese during the synodal period, as well as the analysis of factors determining changes in record content and design shall contribute to understanding the laws and development of church records management. The study is of a particular research novelty, since so far the researchers have not addressed the development of marriage search records in Tobolsk Diocese of the 18th – early 20th centuries. In this work we define the notion of «marriage search record» as a specific type of document and analyse the forms of marriage search records, their development and correspondence to the legal requirements. Particular attention is paid to the degree legal norms regulating the rules of marriage search record in Tobolsk Diocese in the 18th – early 20th centuries are implemented. The study proves that the parish church practice was subjected to regulation, was constantly improved and that new elements were added. The study revealed no marriage search records of the 18th century in the state archives. Parish churches of Tobolsk Diocese began registering marriage search records in 1802 when the diocese approved the requirement to theological consistories to give the clergy a special book to record such search records. This fact indicates that the statutory rights and improvement of «church letter management» contributed to the best preservation of church documents. After analyzing marriage search records registered in 1802–1910 we concluded that these documents were mostly registered by hand in cord (search) books fastened with wax seal of Tobolsk Theological Consistory and had almost the same form of presentation. Starting from the middle of the 19th century there were several churches which began to use printed forms of marriage search records. Thus, not all clerics recognized the importance of drawing up the search records in accordance with the prescribed form.

Key words: marriage search record; Tobolsk Diocese; parish churches; synodal period.

About the author: Aleksandra Vladimirovna Spichak, Research Associate of the Laboratory for Regional Historical Research.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University.

УДК 93/94

A. B. Стеновой
Нижневартовск, Россия

ПОСТРОЙКА САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ У СЕЛА ЗАЛОМНОЕ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. В данной статье приводится материал о постройке, исследованной А. Г. Николаенко и краеведческой группой «Алан» в 1973 году у села Заломное Белгородской области. Материал о ней не был опубликован автором исследования, хотя она представляет определённый интерес как объект культуры населения Заломенского селища. На основе массового керамического материала и характерных находок селища и постройка были отнесены к салтово-маяцкой культуре VIII–X вв. н.э. Заломенское селище расположено в пойме реки Оскол в котловине между песчаными дюнами, непосредственно соприкасаясь с левым берегом. Поэтому оставившее его население салтово-маяцкой культуры, в силу геологических условий, не могло

применять катакомбный обряд погребения в песчаном грунте. Селище не раскапывалось. Расположенная на его окраине у реки полуземляничная постройка, почти квадратной формы, углами ориентирована по сторонам света. Пол глинобитный. Белая глина лежала на слое чернозёма, насыпанном на материковый мелкий жёлтый песок. Площадь пола покрывали древесный уголь и кусочки обожжённой глины со следами обмазки. По мнению автора исследования, в постройке жилья употреблялись жерди, прутья и глина. Учитывая песчаный грунт, предполагалось, что стены были из плетня, обмазанного глиной. Почти в центре был устроен углубленный в пол очаг. В южной части полуземлянки располагалось прямоугольное, с округлой восточной стороной, обожжённое пятно. Такая форма пятна оранжевого цвета могла быть оставлена от устройства для огня. На плане внутреннего устройства помещения выделяется сектор, определяемый небольшими ямками, которые объединяют очаг и обожжённое пятно. В ямки, возможно, были вставлены деревянные столбики, выполнявшие роль опоры для приочажной конструкции. В помещении есть ямки-углубления – у северного угла, у северо-восточной стенки, восточное и южное уголковое, заполненные костями домашних животных, фрагментами керамики, древесным углём. Так как западный угол северо-западной стороны котлована был уничтожен береговым обрывом, мы можем предположить, что и в западном углу была ямка, заполненная костями домашних животных, керамикой и древесным углём. Вся найденная керамика изготовлена на гончарном круге. Преобладали фрагменты от кухонной и тарной посуды. Горшки орнаментированы в основном линейно-горизонтальным рисунком. Из всей керамики выделяются фрагмент столовой посуды с соском-налепом и фрагмент с наклепным изображением извивающейся змеи.

Постройку, расположенную на окраине селища у реки, мы рассматриваем как связанную с выполнением обрядовых действий. Ямки-углубления в полу помещения, заполненные костями домашних животных, фрагментами керамики и древесным углём, возможно, имели ритуальное значение. Расположенное в южной части полуземлянки обожжённое пятно могло быть оставлено от устройства для огня, связанного с культом огня. Магическое значение имели фрагмент горшка с наклепным изображением извивающейся змеи и фрагмент столового сосуда с соском-налепом. Котлован постройки был заброшен, возможно, ещё в период функционирования селища, так как большая часть найденной керамики была в культурном слое котлована.

Ключевые слова: салтово-маяцкая культура; селище; постройка; керамика; ритуал; обряд; культ огня.

Сведения об авторе: Александр Васильевич Степовой, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории историографии и полевых методов археологии.

Место работы: Нижневартковский государственный университет.

Контактная информация: 628605, г. Нижневартовск, ул. Ленина, д. 56; тел.: 89040969243, e-mail: avstepovoy@yandex.ru.

В статье вводится в научный оборот материал о постройке, исследованной А. Г. Николаенко и краеведческой группой «Алан» в 1973 году на Заломенском селище салтово-маяцкой культуры. Материал о ней не был опубликован автором исследования, хотя она представляет определённый интерес как объект культуры населения, оставившего Заломенское селище.

Заломенское селище, открытое в 1973 году при осмотре левого берега реки Оскол (Николаенко 1973), расположено северо-западнее с. Заломное, ныне входящего в состав п. Волоковка Белгородской обл., в пойме реки Оскол в котловане между песчаными дюнами, непосредственно соприкасаясь с левым берегом (рис. 1: I). С северо-восточной стороны оно окружено сосновым лесом. Ниже по течению реки на правом берегу размещается Ютановский комплекс памятников салтово-маяцкой культуры, состоящий из Ютановского городища, поселений: Ютановка I, Ютановка II, Нижнелубянского, аланских катакомбных могильников – Ютановский и Нижнелубянский, Ютановских пунктов древней металлургии I, II. В августе 1973 года на месте активного выхода культур-

ного слоя в охранных целях был заложен раскоп площадью около 45 кв. м, выходящий к береговой линии Оскола. В ходе исследования в предматериковом слое (0,1 м), состоявшем из дымчатой супеси, было выявлено тёмное пятно подквадратной формы. Пятно находилось под слоем (0,5 м) задернованных песчаных наносов и культурного слоя 0,45 м в виде чёрной супеси.

Под пятном оказался котлован почти квадратной формы с размерами 3,4 × 3,6 м, углами ориентированный по сторонам света (рис. 1: II). Западный угол северо-западной стороны был уничтожен береговым обрывом. Котлован углублен в материк (мелкий жёлтый песок) на 0,3 м. Пол глинобитный. Белая глина толщиной в 3–5 см лежала не на материке, а на чернозёмной подушке толщиной 4–6 см, насыпанной на материк. Почти в центре находился очаг «грибовидной» формы (при взгляде с юга), углубленный на 0,2 м. Вокруг него в трёх местах выступала обожжённая красная глина. Возможно, по мнению А. Г. Николаенко, что очаг первоначально был круглым, а «грибовидная» форма образовалась в ходе длительной эксплуатации

помещения при деформации пола и последующей зачистке стенок очага (Николаенко 1973).

В южной части полуземлянки располагалось прямоугольное, с округлой восточной стороной, обожжённое пятно. Пол в границах пятна прожжён до чернозёмной подушки. К конструкции пятна отнесены два углубления внутри него (диаметром 0,15 м и 0,1 м, при глубине 8 см и 0,15 м) и три непосредственно примыкающие с западной стороны (диаметром 7 см, 8 см и 0,25 м, при глубине 0,1 м). Чёткий, не расплывшийся оранжевый цвет пятна, по мнению исследователя, явно говорил о наличии ограничительных стенок, придавших данную форму пятну. Отметим, что в отчёте нет упоминания о наличии золы или пепла на месте обожжённого пятна.

На плане внутреннего устройства постройки, выделяется сектор, определяемый круглыми ямками диаметром 6 см и 8 см при глубине 5–12 см и одной округлой у очага (глубина 0,1 м), объединяющих очаг «грибовидной» формы и обожжённое пятно. В ямки могли быть вставлены деревянные столбики, выполнявшие роль опоры для приочажной конструкции. Конечно, данная конструкция предполагала осторожное обращение с огнём, создания такого пламени в очаге, которое не привело бы к возгоранию конструкции.

Площадь пола котлована покрывали древесный уголь и кусочки обожжённой глины со следами обмазки. Три обгорелых головки длиной в 5–15 см, сечением 5–7 см возле ямки (диаметр 6 см, глубина 5 см), расположенной восточнее очага, дали право на утверждение, что в постройке жилища употреблялись жерди, прутья и глина. Учитывая песчаный грунт, предполагалось, что стены были из плетня, обмазанного глиной, но ямки от плетня не обнаружены, так как к краям котлована глиняное покрытие пола почти исчезало, а в чернозёмной подушке углубление от плетня могли просто не заметить.

К хозяйственным ямам в помещении были отнесены углубления – у северного угла, у северо-восточной стенки (глубина 0,35 м), восточное и южное уголковое (глубина 0,2 м), заполненные костями домашних животных, фрагментами керамики, древесным углём. Так как западный угол северо-западной стороны котлована был уничтожен береговым обрывом, мы можем предположить, что и в западном углу было углубление, заполненное костями домашних животных, керамикой и древесным

углём. Тем более что в береговом обрыве в массовом количестве собран керамический материал, кости домашних животных, часть пряслица, железное шило и металлургический шлак. Из всех ямок в полу котлована были выделены ямки у северо-западной стенки (глубина 5 см) и юго-восточной (глубина 7 см), имевшие, возможно, столбовое назначение, в заполнении которых был гумус с содержанием древесного угля. К столбовой ямке отнесена и ямка диаметром 0,25 м глубиной 0,15 м за пределами котлована, восточнее юго-восточной стенки.

Основные находки сосредоточены в культурном слое котлована: большая часть керамики, кости домашних животных, задымлённые очажные камни, куски металлургического шлака. При очистке котлована были найдены: железное кольцо (рис. 2: 1), лезвие ножа (рис. 2: 2) на полу у круглой ямки юго-западнее углубления восточного угла, небольшие железные ножницы (рис. 2: 3), два лезвия от железных пружинно-пластинчатых ножниц (рис. 2: 4, 5), неопределённый железный предмет в форме загнутого стержня (рис. 2: 6), пряслице в южном уголковом углублении (рис. 2: 8), половинная часть формы (у обожжённого пятна), имевшая очертания глубокого блюдца (фрагмент состоял из огнеупорного материала со следами металла с серебристым оттенком).

Вся керамика изготовлена на гончарном круге. Преобладали фрагменты от кухонной (50,5%) и тарной (25%) посуды. В качестве примеси в глиняном тесте присутствовали в тарной посуде металлургический шлак и шамот, в кухонных горшках – шамот, речной песок. Горшки орнаментированы в основном линейно-горизонтальным рисунком. Из всей керамики А. Г. Николаенко выделил фрагмент столовой посуды с соском-налепом (рис. 2: 7) и фрагмент с наlepным изображением извивающейся змеи (рис. 2: 9) «как впервые встреченный в нашей местности метод и рисунок украшения салтовской посуды, но и из-за внутреннего содержания украшения в форме извивающейся змеи» (Николаенко 1973).

Фрагмент столовой посуды с соском-налепом – редкая находка как на территории, примыкающей к площади Ютановского археологического комплекса, так и на площади комплекса. Фрагмент керамики от тарного сосуда с соском-налепом был найден в 200–300 м северо-западнее Ютановского городища при проведении охранных работ на поселении Ютановка II (Николаенко 1973). В Волоконовском древ-

неболгарском могильнике (Плетнёва, Николаенко 1976: 279–298) в левом углу грунтовой ямы погребения 4, выше черепа скелета, находился кувшин тёмного цвета с приземистым туловом, высокой узкой горловиной с откинутым венчиком и сливом (рис. 2, 10) (Николаенко 1973). Ручка отбита. В самой широкой части тулова и на переходе тулова в горловину нанесён орнамент из широких врезных линий, между которыми лощением выполнены вертикальные зигзагообразные линии. В орнаментацию кувшина входят три соска-налепа, наклепленных равномерно по окружности тулова на широкую врезную линию, проходящую в самой широкой его части. Присутствие на посуде сосков-налепов показывало, по мнению А. Г. Николаенко, что мастер, изготовивший этот кувшин, имел традицию украшения, привнесённую с Северного Кавказа, где встречается в более ранние века обычай украшения гончарной посуды такими же сосками-налепами (Николаенко 1973). В частности, на территории Центрального Кавказа на керамике из раннесредневекового катакомбного могильника Мокрая Балка второй половины V – первой половины VIII веков (Афанасьев 1980: 57–78). Сероглиняный гончарный кувшинчик, украшенный тремя рядами горизонтальных вдавлений и тремя маленькими сосцевидными выпуклинами на боках, наклепленных на среднюю горизонтальную линию вдавления, расположенную немного выше самой широкой части тулова найден в грунтовой могиле 10 могильника V–VIII вв. у с. Харачой в горной Чечне (Багаев, Виноградов 1972: 80–81, рис. 2, 5).

На кувшине из раскопа горнов 5, 6 балки Канцерка по середине высоты тулова, украшенного вертикальными лощёными линиями, нанесён рельефный валик, прерванный в трёх местах налепными шишечками (Сміленко 1975: 149, рис. 56, 3). Несколько сосудов с изображением сосцов на тулове (кружки с зооморфными ручками) обнаружены на Дмитриевском катакомбном могильнике. Изображение сосцов на тулове подчёркивало значение сосудов как вместилищ пищи (Плетнёва 1973: 210). Приземистые кубышки с ручками, иногда с налепами в виде «сосочков» по тулову, производили и ремесленники гончарных мастерских Маяцкого комплекса (Плетнёва, Красильников 1990: 115).

Фрагмент керамики с налепным изображением извивающейся змеи был найден в береговом обрыве, непосредственно примыкавшем к раскопу, и принадлежал кухонному горшку с

откинутым венчиком, украшенным косой насечкой (рис. 2: 9). На сплошном линейном орнаменте, выполненном гребёнкой по тулову, наклепена змейка с явно выраженным расширением в области головы. Тулово змеи покрыто пятнами-углублениями, нанесёнными также и вокруг змеи. Аналогию в манере изображения извивающейся змеи мы находим на территории Средней Азии. Е. М. Пещерева, на основании наблюдений археологического материала из раскопок, производимых на территории Средней Азии, отмечала наличие изображения змей на сосудах из обожжённой глины, сделанных без гончарного станка, относящихся к долине р. Чирчик и местам по среднему течению Сыр-Дарьи, датируемых первыми веками нашей эры (Пещерева 1959: 103). Если взять этнографическую параллель, то Е. М. Пещерева пишет: «О змее, вместе с естественным страхом перед ней, среди таджиков и узбеков существовало представление как о существе, которое может брать человека под своё покровительство» (Пещерева 1959: 103). «Сопоставляя наличие змеиного орнамента на посуде, а также на закромах для хранения зерна и муки со всей суммой представлений о змее, сохранившихся до нашего времени у части населения Средней Азии, можно с уверенностью предполагать, что орнамент этот имел также магическое значение и служил как оберегом от зла, так и средством вызывать изобилие земных благ» (Пещерева 1959: 108). «Изображение змеи в Средней Азии покрывалось точками или точечными углублениями, независимо было ли это изображение на керамике или на стенной росписи. В нашем случае наблюдается также нанесение точек по змее и вокруг неё. Эта этнографическая аналогия приводит нас к выводу о том, что орнамент извивающейся змеи на Заломенском селище выполнял ту же магическую роль оберега в одной из семей салтовского времени» (Николаенко 1973).

В полу котлована постройки Заломенского селища находились ямы-углубления, заполненные костями домашних животных, фрагментами керамики, древесным углём. В заполнении одной из ямок пола жилища, исследованного А. И. Милютиним на северо-восточной окраине центральной части Маяцкого поселения, были обнаружены 6 нижних челюстей свиней, кусок отпиленного оленьего рога и обломки керамики. «Эти сведения позволяют говорить, что ямка имела скорее всего ритуальное значение (закладная жертва или просто домашний

жертвенник?)» (Винников, Плетнева 1998: 103). В некоторых помещениях городища Топрак-Кала IV–VI вв. на территории Средней Азии обнаружены небольшие ямки (одна-три ямки), вырытые в полу и заполненные костями животных (Городище Топрак-Кала 1981: 32). В коллекции керамики горизонта II (период IV–V вв.) из раскопок городища есть горшки с невысоким, но чётко выраженным горлом и округлым туловом, с выпуклыми боками, постепенно сужающимися к плоскому дну. Тулово многих из них снабжалось небольшими петлевыми ручками или имитировавшими их выступами-налепами, а между ними – сосковидными налепами (Городище Топрак-Кала 1981: 83). Отметим, что авторами Трудов улавливается одно из главных направлений культурных связей афригидской культуры – это сармато-аланский мир Приаралья (Городище Топрак-Кала 1981: 146).

Рассмотренная нами постройка, определённая А. Г. Николаенко как жилая, находилась у берега реки, определявшим её окраинное расположение на селище. Металлургический шлак и фрагмент тигля из заполнения котлована свидетельствуют о размещении недалеко от неё металлургического производства, обычно выносимого за пределы жилой части селища. Близость к берегу реки, к воде, должно было иметь не только практическое значение при сооруже-

нии постройки, но и учитывать ежегодные весенние паводки, которые могли затоплять помещение при наличии соответствующих климатических условий. Прямоугольное, с округлой восточной стороной, обожжённое пятно в южной части помещения, вероятно, являлось священным местом, связанным с культом огня, у которого и была положена половинная часть формы тигля, имеющая очертания глубокого блюда со следами металла с серебристым оттенком. Магическое значение предавалось фрагменту горшка с наlepным изображением извивающейся змеи и фрагменту столового сосуда с соском-налепом. Если ямы-углубления, заполненные костями домашних животных, фрагментами керамики, древесным углём имели ритуальное значение, то постройку можно рассматривать как связанную с выполнением обрядовых действий. Заметим, что при описании религии савиров Моисем Каганкатвацци в рассказе о миссии епископа Исраила к язычникам савирам отмечалось, «что савиры «приносили жертву огню и воде, поклонялись некоторым богам путей, также луне и всем творениям, которые в глазах их казались удивительным...» Таким образом, онгоны окружали савиров. Они требовали постоянных жертвоприношений и других обрядовых действий» (Плетнева 1967: 175).

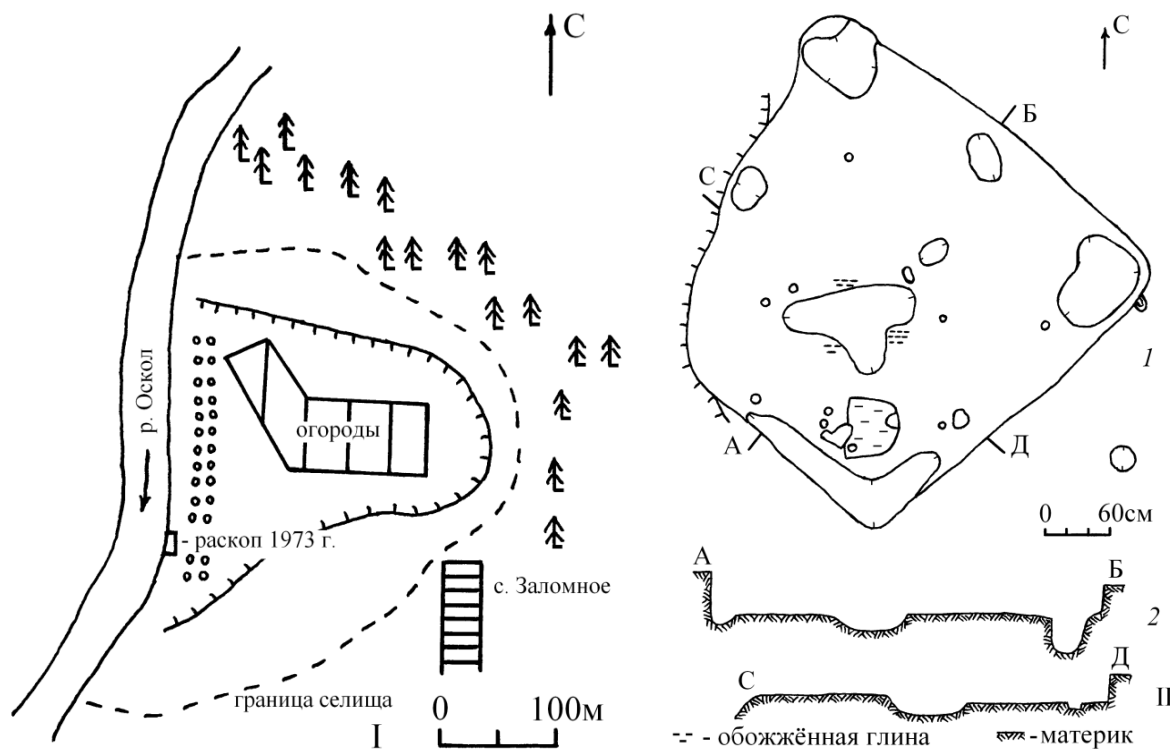

Рис. 1. Заломенское селище. I – Схема расположения Заломенского селища;
II – Постройка Заломенского селища: 1 – план, 2 – разрезы по А-Б, по С-Д

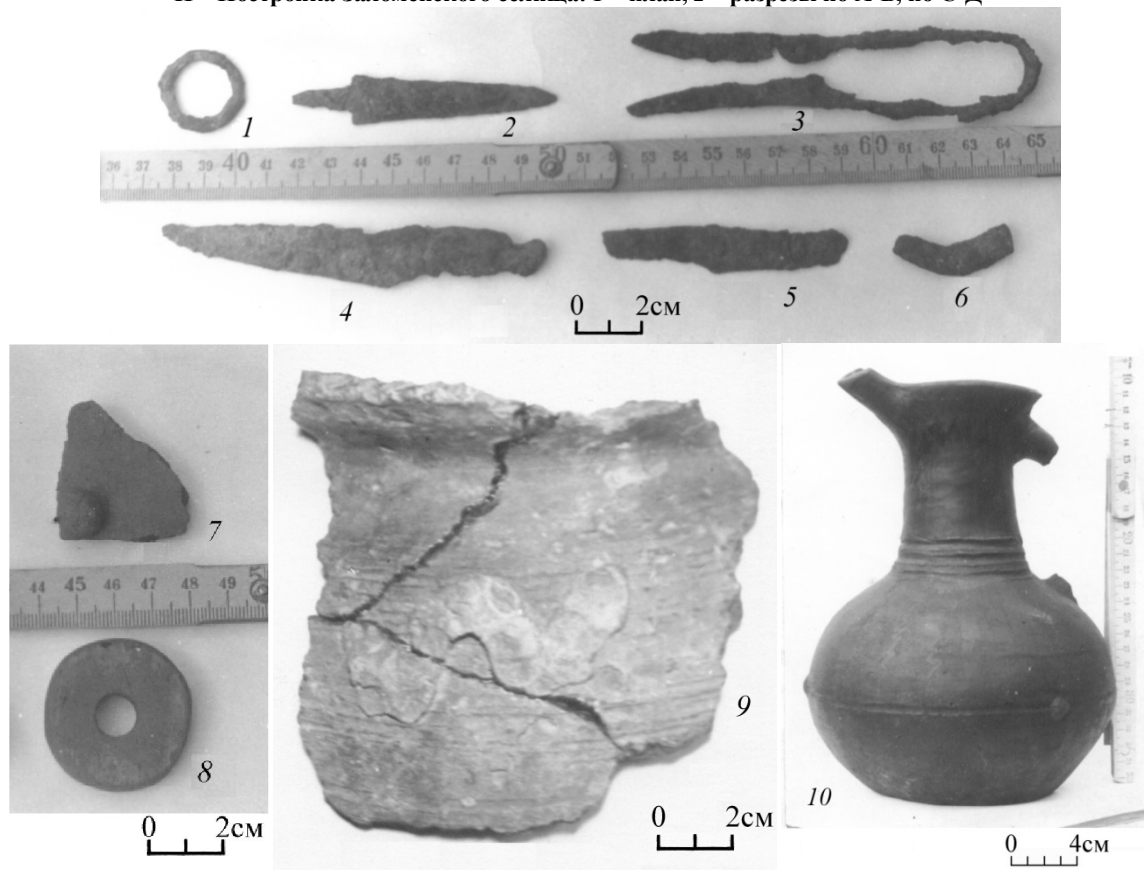

Рис. 2. Находки (фото А. Г. Николаенко). 1–8 – Находки из котлована постройки Заломенского селища (1 – железное кольцо, 2 – лезвие ножа, 3 – небольшие железные ножницы, 4–5 – два лезвия от железных пружинно-пластинчатых ножниц, 6 – неопределённый железный предмет в форме загнутого стержня, 7 – фрагмент столовой посуды с соском-налепом, 8 – пряслице); 9 – фрагмент керамики с налепным изображением извивающейся змеи; 10 – кувшин из погребения № 4 Волоконовского древнеболгарского могильника

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- СА – Советская археология.
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР.

ЛИТЕРАТУРА

- Афанасьев Г. Е. 1980. Керамика Мокрой Балки // Средневековые древности евразийских степей. Москва: Наука, 57–78.
Багаев М. Х., Виноградов В. Б. 1972. Раскопки раннесредневекового могильника у сел. Харачой // КСИА 32, 80–86.
Винников А. З., Плетнёва С. А. 1998. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. Воронеж: Воронежский государственный университет.
Городище Топрак-Кала. 1981. Труды Хорезмской археолого-этнографической энциклопедии. Т. I. Москва: Наука.
Николаенко А. Г. 1973. Отчёт об охранных работах в Волоконовском районе Белгородской области в 1973 г. // Архив ИА РАН. Р. 1. № 4982.
Пещерева Е. М. 1959. Гончарное производство Средней Азии. Труды Института этнографии. Т. XLII. Москва: Академия наук СССР.
Плетнёва С. А. 1973. Сосуды с зооморфными чертами в салтово-маяцких древностях // Кавказ и Восточная Европа в древности. Москва: Наука, 205–212.
Плетнёва С. А. 1967. От кочевий к городам. Москва: Наука.
Плетнёва С. А., Красильников К. И. 1990. Гончарные мастерские Маяцкого комплекса // Маяцкий археологический комплекс. Материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. Москва: Наука, 92–139.
Плетнёва С. А., Николаенко А. Г. 1976. Волоконовский древнеболгарский могильник // СА 3, 279–298.
Сміленко А. Т. 1975. Слов'яни та їх сусіди в Степовому Подніпров'ї (II-XIII ст.). Київ: Наукова Думка.

REFERENCES

- Afanasyev G. E. In: Srednevekoviye drevnosti evraziyskikh stepey [Medieval antiquities of Eurasian steppes]. Moscow: Nauka, 1980. pp. 57–78. (In Russian).

Bagaev M. Kh., Vinogradov V. B. In: *Kratkiye soobsheniya Instituta arkhologii AN SSSR* [Short report of the Institute of Archeology, USSR Academy of Sciences]. Vol. 32 (1972): 80–86. (In Russian).

Vinnikov A. Z., Pletneva S. A. *Na severnykh rubezhakh Khazarskogo kaganata. Mayatskoye poseleniye* [On the northern outskirts of the Khazar Khanate. Mayaki ancient settlement]. Voronezh: Voronezh State University, 1998. (In Russian).

Gorodische Toprak-Kala. Trudy Khorezmskoy arkhologo-etnographicheskoy entsiklopedii [Ancient settlement of Toprak-Kala. Proceedings of the Khorezm archaeological and ethnographic encyclopedia]. Vol. I. Moscow: Nauka, 1981. (In Russian).

Nikolaenko A. G. In: *Archive of the Institute of Archeology, Russian Academy of Sciences. Section 1. No. 4982, 1973.* (In Russian).

Peschereva E. M. *Goncharnoye proizvodstvo Sredney Azii. Trudy Instituta etnografii* [Pottery production in Central Asia. Proceedings of the Institute of Ethnography]. Vol. XLII. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1959. (In Russian).

Pletneva S. A. In: *Kavkaz i Vostochnaya Evropa v drevnosti* [The Caucasus and Eastern Europe in ancient times]. Moscow: Nauka, 1973. pp. 205–212. (In Russian).

Pletneva S. A. *Ot kocheniy k gorodam* [From nomad camps to cities]. Moscow: Nauka, 1967. (In Russian).

Pletneva S. A., Krasilnikov K.I. In: *Mayatsky arkhaeologicheskiy kompleks. Materialy Sovetsko-Bolgaro-Vengerskoy ekspeditsii* [Mayaki archeological complex. Proceedings of the Soviet-Bulgarian-Hungarian expedition]. Moscow: Nauka, 1990. pp. 92–139. (In Russian).

Pletneva S. A., Nikolaenko A.G. In: *Sovetskaya entsiklopediya* [Soviet encyclopedia]. Vol. 3 (1976): 279–298. (In Russian).

Smilenko A. T. *Slov'vani ta ikh susidi v Stepovomu Podniprovi (II–XIII st.)*. Kiev: Naukova Dumka, 1975. (In Ukrainian).

A. V. Stepovoy
Nizhnevartovsk, Russia

A STRUCTURE OF THE SALTOVO-MAYAKI CULTURE NEAR THE VILLAGE OF ZALOMNOYE IN BELGOROD REGION

Abstract. This work studies the material concerning a structure near the village of Zalomnoye in Belgorod Region examined by A.G. Nikolaenko and a local history group Alan in 1973. A.G. Nikolaenko did not publish his examination results, although the material is of certain historical interest, the structure being a cultural site of Zalomnoye settlement. Based on the massive ceramic material and specific items found on the site, the settlement and the structure were related to the Saltovo-Mayaki culture of the 8th-10th centuries A.D. Zalomnoye settlement is located in the floodplain of the Oskol River in a pit between sand dunes directly in contact with the left bank of the river. Therefore, the population of the settlement belonging to the Saltovo-Mayaki culture, due to such geological conditions, could not apply the catacomb burial in sandy soil. The settlement was not subjected to archeological excavations. A half earthen structure located on the edge of the settlement close to the river has an almost square shape, with the corners oriented with respect to the cardinal directions. The floor is made of mud, with white clay on a layer of black soil over the mainland fine yellow sand. The floor was covered with charcoal and pieces of burnt clay with traces of coating. We believe that there were poles, bars and clay used in the construction of the structure. Given the sandy soil, we assume that the walls were made of wattle covered with clay. The center of the structure contained a hearth sunken into the floor. The southern part of the structure contained a rectangular burnt spot with one rounded. The orange-coloured spot of such shape could be left by some sort of fire device. The internal structure of the premises had a sector defined by small pits united by the hearth and the burnt spot. The pits could have had some wooden poles serving as a support for the hearth structure. The housing has some holes in the northern corner, by the north-eastern wall and in south-eastern corner. The holes are filled with the bones of domestic animals, pottery fragments and charcoal. Since the western corner of the north-western side of the pit was destroyed by coastal cliff, we can assume that the western corner had a hole filled with bones of domestic animals, pottery and charcoal. All pottery discovered on the site, with fragments of cooking ware and tare prevailing, was made on the pottery wheel. The pots had linear horizontal patterns for the most part. Of all the ceramics discovered, a fragment of tableware with a spout pasted on and a fragment with the image of a twirling snake are most remarkable.

We believe that the structure located on the outskirts of the settlement near the river is connected with some ritual activities. Holes in the floor of the room filled with bones of domestic animals, fragments of pottery and charcoal may have had ritual significance. The burnt spot located in the southern part of the room could have been left from some fire device associated with the cult of fire. A fragment of a kitchen pot with the image of a twirling snake and a fragment of the tableware with a spout pasted on could have had some magic value. The pit with the structure was abandoned perhaps already during the period the settlement was still inhabited, since most pottery was found in the cultural layer of the structure.

Key words: the Saltovo-Mayaki culture; settlement; structure; pottery; ritual; ceremony; the cult of fire.

About the author: Alexander Vasilievich Stepovoy, Candidate of Historical Science (PhD), Senior Researcher of the Laboratory for Historiography and Field Archeology Research.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University.

УСТАВЫ И ПРАВИЛА ГОРОДСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ КАК ИСТОЧНИК ПО РАЗВИТИЮ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в. (НА ПРИМЕРЕ г. ТЮМЕНИ)

Аннотация. Одной из актуальнейших задач, стоящих перед исследователями истории России, является ввод в научный оборот и комментирование письменных источников конца XIX – начала XX в. Дело в том, что их чрезвычайное изобилие и очевидная информативность позволяет как нельзя лучше осветить канву событий истории нашего государства, причем не только те события, которые происходили в центрах империи, но на ее окраинах. То есть представляется возможность изучить историю российских регионов. В то же время кажущаяся доступность, обусловленная изобилием этих источников и понятностью использованного для их составления языка, лишает их статуса сложного, и, следовательно, для многих привлекательного источника исторической информации. Сразу же заметим, что мы разделяем эту точку зрения. В статье рассмотрены такие исторические источники, как уставы и правила общественных учреждений г. Тюмени, действовавших в конце XIX – начале XX в. По данным источникам можно проследить, как изменялась жизнедеятельность населения, социальная инфраструктура города приобретала цивилизованные формы. Результаты исследования могут быть полезны для работ по геурбанистике, краеведению и источниковедению. Выносим результаты нашего исследования на научное обсуждение.

Ключевые слова: уставы; правила; городские учреждения; социальная инфраструктура; органы городского управления; Тюмень.

Сведения об авторе: Александр Борисович Храмцов, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного, муниципального управления и права.

Место работы: Тюменский индустриальный университет.

Контактная информация: 625000, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 38; тел.: 8(3452)461010, e-mail: khramtsov_ab@bk.ru.

По Городовому положению 16 июня 1870 г., «попечение и распоряжение по городскому хозяйству и благоустройству» предоставлялось общественному управлению (ПСЗРИ 1874: ст. 48498). В этом заключалась основная компетенция городских дум и управ, призванных удовлетворять потребности и интересы населения. Обязательным условием создания различного рода городских заведений являлась регламентация их деятельности посредством уставов и правил.

Устав – свод правил, устанавливающий организационно-правовые основы деятельности учреждения, его структуру, цели и задачи, бюджет, порядок избрания руководящих органов, их права и обязанности, права и обязанности служащих, а также порядок закрытия учреждения. Информационную основу исследования составили уставы и правила, отложившиеся в фондах городской думы и управы Государственного архива Тюменской области, а также уставы, опубликованные в дореволюционный период отдельными книжками (Устав Владимирского сиропитательного ремесленного заведения. 1893; Устав Тюменской Товарной Биржи 1910; Инструкция по управлению Тюменским ломбардом... 1913). Новые органы самоуправления, сформированные в г. Тюмени осенью 1872 г., с первых же дней взялись за

упорядочение местного хозяйства, создание объектов инфраструктуры, разработку и принятие уставов учреждений.

Формуляр уставов и правил законодательно не устанавливался, сложился под влиянием регламентов центральных органов, губернских ведомств и уставов обществ, исходя из требований законов к их информации. Уставы и правила имели ряд отличий. В случае действия общероссийских уставов, принятых царским правительством в той или иной сфере, на местном уровне принимались правила, детализирующие их нормы применительно к местным обстоятельствам. Скажем, правила по управлению Тюменской городской больницей опирались на требования устава лечебных заведений гражданского ведомства (ПСЗРИ 1865: № 24781а). Тюменское реальное училище, учрежденное 15 сентября 1879 г., действовало в соответствии с уставом реальных училищ от 15 мая 1872 г. (ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 512. Л. 47). Уставы в сравнении с правилами более тяготели к типизации и стандартизации по общему содержанию, стилистике, числу разделов. Немаловажное отличие устава от правил состоит в том, что первый акт носит комплексный характер, а правила могли регулировать отдельные направления работы учреждений.

Законодательство регламентировало только часть вопросов деятельности учреждений, поэтому в уставах и правилах получила отражение местная специфика. Кроме норм, предусмотренных законом, составители выделяли определенные темы и сюжеты, которые связывали между собой людей, местную власть и общество, учреждение и обслуживаемые им категории лиц, по-разному формулировали задачи и способы их осуществления.

Количество разделов и параграфов в уставах и правилах могло меняться по желанию составителей. Но вводились общеобязательные разделы: 1) кем и для кого создавалось учреждение; его местонахождение; 2) источники средств на его содержание; 3) порядок управления, ведомственная подчиненность; 4) состав руководства, штаты служащих, их права и обязанности; 5) основная деятельность; 6) отчетность; 7) порядок закрытия учреждения. Для подтверждения приведем тематические разделы устава сиропитательного заведения г. Тюмени: I) цель заведения; II) средства заведения; III) управление заведением; IV) о призываемых детях; V) о церкви при заведении; VI) общие правила; VII) о закрытии заведения. В первом разделе указывалась цель заведения – «призрение сирот обоего пола, обучение их грамоте и ремеслам для доставления возможности существовать им впоследствии собственным честным трудом». Заведение помещалось в собственном каменном двухэтажном доме и имело свою домовую церковь, построенную учредителями и пожертвованную ими Тюменскому городскому обществу (ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1046 в. Л. 1-8 об).

Особо интересны в уставах параграфы об учредителях и лицах, для которых предназначалось то или иное учреждение. К числу традиционных учредителей относились городские власти, просветительские общества и частные лица. Согласно уставу, инициаторами создания заведения для сирот и его главными инвесторами стали почетный гражданин С. М. Трусов и его дочь Серебрякова. А в честь посещения города сыном Его Императорского Величества заведению было присвоено название «Владимирское». В общественной богадельне «призрением пользуются люди обоего пола, убогие, увечные, престарелые, не имеющие пропитания, причисленные в Тюменское мещанское общество и православного исповедания». Причем устанавливался лимит приема призревае-

мых: не свыше 40 человек по решению управы (ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 510. Л. 199).

Дата утверждения устава или правил, как правило, считалась днем официального открытия учреждения. Но не всегда дата утверждения устава совпадала с датой открытия заведения. Городская дума в сентябре 1872 г. одобрила проект устава Владимирского сиропитательного заведения, которое открылось 21 ноября (ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1148 г. Л. 142-148, 187 а). Другой пример – 26 мая 1899 г. в честь столетнего юбилея А. С. Пушкина по инициативе интеллигенции города и при финансовой помощи главы города А. И. Текутьева думой был принят устав Пушкинской бесплатной библиотеки. Ее торжественное открытие состоялось 16 апреля 1900 г. (Сибирский листок 1900: 3). Правила нередко перерабатывались, т.е. в их текст вносились изменения и дополнения: правила по управлению городской богадельней были приняты в 1882 г., но дума их пересмотрела и вновь приняла 1 сентября 1888 г. (ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 14. Л. 197-199; Ф. И-2. Оп. 1. Д. 510. Л. 199-204).

Ряд уставов и правил подлежал утверждению правительственной властью. На губернаторов закон возлагал обязанность давать разрешение или отказывать в открытии учреждений, утверждать их руководство. В частности, дума 20 января 1883 г. рассмотрела заявление И. П. Войнова об учреждении «родовспомогательного дома», но только 11 сентября 1889 г. одобрила устав Тюменского родильного дома и направила его для утверждения губернатору. В ноябре роддом получил название «Александровский». 19 января 1891 г. по случаю открытия учреждения состоялась божественная литургия с участием губернатора, инспектора Тобольской врачебной управы, тюменского головы, членов попечительского совета, врачей и др. (ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 501. Л. 16; Д. 512. Л. 253 об., 333 об.; Сибирский листок 1891: 4).

Раздел уставов о средствах состоял из перечисления предполагаемых источников доходов, субсидий и пожертвований на содержание учреждений и был одним из основных для учредителей и надзирающих. В уставах и правилах достаточно определенно фиксируется внимание к материальным и финансовым вопросам. Учреждения, как правило, содержались на средства городской управы и благотворителей. Скажем, Тюменская общественная богадельня состояла в ведении города, содержалась на его средства, а также на проценты с 5 тыс. руб. по-

жертвованных купцом И. П. Войновым. Он же подарил городу каменный дом для Александровского родильного дома и внес в банк 30 тыс. руб. на его содержание. Амбулаторное отделение, согласно п. 32 устава, содержалось на средства города и на плату с пациенток – 20 коп. за прием, а медикаменты выдавались бесплатно (ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 512. Л. 259-260 об.). Сиротское заведение по уставу имело многоканальную систему финансирования: 1) неприкосновенный капитал в 36 050 руб. вкладом в Тюменском городском банке под 6% годовых на вечное время; 2) неприкосновенный капитал в 1 200 руб. в том же банке на срочное время под 6% годовых; 3) 2 000 руб. ежегодно отчисляемых городской думой из прибылей городского банка; 4) из членских взносов благотворителей; 5) пожертвований; 6) из сумм, получаемых от продажи работ призреваемых, из доходов от спектаклей и других мероприятий. Сборы в церкви и выручка от продажи свечей шли на ее содержание (ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1046 в. Л. 2-2 об.). Согласно уставным документам, пожертвования считались вполне реальным источником поступления средств.

Обязательный раздел уставов и правил содержал требования к управлению учреждением. Все городские заведения состояли в ведении МВД и действовали под наблюдением местной думы, а главный надзор осуществлял глава города или член управы. По уставу сиротского заведения, оперативное руководство его делами возлагалось на особый попечительский комитет, состоящий из лиц обоего пола, избираемых городской думой на 4 года, в числе не менее 4-х членов. Двое из членов исполняли обязанности попечительницы женского отделения и попечителя по хозяйственной и воспитательной части (он же казначей). Попечительский комитет назначал надзирателя и делопроизводителя, которые не имели права быть членами комитета. Староста церкви избирался городской думой по предложению комитета сроком на 3 года.

По правилам от 1 сентября 1888 г. Тюменская городская больница состояла в ведении города (с 1873 г.) и содержалась на средства местного бюджета. Ее штат включал врача, 2-х фельдшеров, смотрителя, письмоводителя, служителей, сиделок и другой прислуги. Городской врач избирался городской думой, а фельдшеры, смотритель и письмоводитель назначались управой. Она же назначала одного из своих членов для наблюдения за исправным содержанием больницы. Член управы должен

был посещать больницу, спрашивать больных об уходе за ними, пробовать приготовленную им пищу и питье, проверять кухню, кладовые и прочие больничные строения. Параграфы 8–28 правил регламентировали обязанности смотрителя (он же эконом), который являлся непосредственным исполнителем распоряжений управы, ответственным за все упущения и беспорядки в больнице. Он занимался заготовкой различных припасов, медикаментов и продовольствия (ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 510. Л. 190-198 об.).

Богадельня по правилам управлялась под наблюдением одного из членов управы, смотрителем, назначаемым управой. По врачебной части к богадельне был прикреплен врач местной больницы. Родильный дом принадлежал к числу учреждений городского управления, состоял в ведении попечительского совета. Заведовал роддомом врач, избираемый городской думой. Совет включал попечительницу, заведующего и 4-х членов, избираемых думой (ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 512. Л. 259).

Правилами устанавливался внутренний режим работы учреждений. Скажем, Пушкинская библиотека была открыта для публики с 3-х часов дня до 7 вечера. В богадельне обед был установлен в 12 часов дня, ужин в 7 вечера. Призреваемые старики и старухи должны были жить в чистоте, тишине, миролюбии, а главное быть трезвыми. Им запрещалось покупать спиртные напитки, устраивать увеселения и игры, а также самовольно отлучаться. Они занимались шитьем платьев, белья, обуви, вязанием чулок, сетей, прядением шерсти, изготовлением детских игрушек из бумаги и дерева (ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 512. Л. 201 об.).

Подробно в уставных документах описывался порядок отчетности. Все городские учреждения вели отчетность в выданных с печатью и скрепой книгах управы, подлежащих ревизии. Попечительский совет роддома ежегодно готовил смету и представлял ее на утверждение думе. Отчетность роддома вел один из членов совета. Согласно п. 61 устава, годовые отчеты о суммах и деятельности сиротского заведения после одобрения думой представлялись через губернатора в МВД и покровителю князю Владимиру Александровичу, а также публиковались во всеобщее сведение в газетах. Смотритель городской больницы ежемесячно представлял в управу отчеты по приходу и расходу сумм на содержание больницы (на продовольствие, медикаменты и др.), а также именную

ведомость о лицах, находящихся на лечении с указанием рода их болезни. По специальной форме делался расчет стоимости дневного содержания одного больного и погребения умершего в течение года, который представлялся в управу обязательно 1 августа каждого года (ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 510. Л. 195).

Уставы и правила предусматривали возможность ликвидации учреждения. Порядок его закрытия определялся попечительским комитетом (советом) и утверждался городской думой. По уставу Пушкинской городской библиотеки, в случае ее закрытия все имущество в виде книг, журналов, денежных сумм и т. п. передавалось городской управе. Весь капитал сиротского заведения в случае прекращения его деятельности по определению думы, утвержденному МВД, направлялся на реализацию целей учреждения (ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 510. Л. 8 об.).

В начале XX в. под влиянием процессов модернизации регламентация жизнедеятельности посредством уставных документов заметно расширилась. Например, с развитием киноин-

дустрии появилась потребность в правилах организации «мест зрелищ и увеселений». Городская управа предписывала владельцам таких заведений соблюдать правила по устройству и содержанию театров и кинематографов (ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 2. Л. 121-125, 126-128 об.).

Уставы и правила как обязательная часть процесса создания и функционирования городских учреждений содержат значительный объем сведений по истории развития социальной инфраструктуры города, которая благодаря органам самоуправления и тюменским меценатам на рубеже веков «обросла» специальными учреждениями: сиротское заведение, богадельня, больница, роддом, библиотека и др. По этим источникам можно проследить, как шел процесс «наполнения» повседневной жизни населения цивилизованными формами. Деятельность учреждений на основании уставов и правил, определявших режим их работы и обязанности служащих, была направлена на решение благотворительных, санитарно-лечебных и образовательных задач, удовлетворение нужд и интересов местных жителей.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГАТО – Государственный архив Тюменской области.
ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской Империи.

ЛИТЕРАТУРА

- ГАТО. Д. 512. Л. 253 об., 333 об.
 ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 14. Л. 197–199.
 ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 2. Л. 121–125, 126–128 об.
 ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1046 в. Л. 1–8 об.
 ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1148 г. Л. 142–148, 187 а.
 ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 501. Л. 16.
 ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 510. Л. 199.
 ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 510. Л. 199–204.
 ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 512. Л. 47.
 Инструкция по управлению Тюменским ломбардом и производству операций в нем. 1913. Тюмень: Типография Товарищества Брюханова и Ко.
 ПСЗРИ. 1865. Собр. II. Т. XXXVII. Санкт-Петербург: III Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.
 ПСЗРИ. 1874. Собр. II. Т. XLV. Отд. 1-е. Санкт-Петербург: III Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.
 Сибирский листок. 1891. 31 января.
 Сибирский листок. 1900. 27 апреля.
 Устав Владимирского сиропитательного ремесленного заведения. 1893. Тюмень: Типография Высоцкой.
 Устав Тюменской Товарной Биржи. 1910. Тюмень: Типография Крылова.

REFERENCES

- The State Archive of Tyumen region. Case 512. List 253. ob., 333 ob. (In Russian).
 The State Archive of Tyumen region. Fund I-1. Inventory 1. Case 14. List 197–199. (In Russian).
 The State Archive of Tyumen region. Fund I-1. Inventory 1. Case 2. List 121–125, 126–128 ob. (In Russian).
 The State Archive of Tyumen region. Fund I-2. Inventory 1. Case 1046 in List 1–8 ob. (In Russian).
 The State Archive of Tyumen region. Fund I-2. Inventory 1. Case 1148. List 142–148, 187 a. (In Russian).
 The State Archive of Tyumen region. Fund I-2. Inventory 1. Case 501. List 16. (In Russian).
 The State Archive of Tyumen region. Fund I-2. Inventory 1. Case 510. List 199. (In Russian).
 The State Archive of Tyumen region. Fund I-2. Inventory 1. Case 510. List 199–204. (In Russian).
 The State Archive of Tyumen region. Fund I-2. Inventory 1. Case 512. List 47. (In Russian).

Instruktsiya po upravleniyu Tyumenskimi lombardami i proizvodstvu operatsiy v nyom [Management guide for a Tyumen pawnshop and operations in it]. Tyumen: Tipografiya Tovarischestva Bryukhanova i Ko, 1913. (In Russian).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire (further – CCLRE)], Coll. II, vol. XXXVII. Saint Petersburg: III Otdeleniye Sobstvennoy Ego Imperstorskogo Velichestva Kantselyarii [Third Section of His Imperial Majesty's Chancellery], 1865. p. 920 (In Russian).

CCLRE. Coll. II, vol. XXXVII. Saint Petersburg: III Otdeleniye Sobstvennoy Ego Imperstorskogo Velichestva Kantselyarii, 1865. (In Russian).

CCLRE. Coll. II, vol. XLV. Part 1. Saint Petersburg: III Otdeleniye Sobstvennoy Ego Imperstorskogo Velichestva Kantselyarii, 1874. (In Russian).

Sibirskiy listok. January 31, 1891. (In Russian).

Sibirskiy listok. April 27, 1900. (In Russian).

Ustav Vladimirskego siropitatelnogo remeslennogo zavedeniya [Charter of Vladimir orphanage trade asylum]. Tyumen: Tipografiya Vysotskoy, 1893. (In Russian).

Ustav Tyumenskoy Tovarney Birzhi [Charter of Tyumen Commodity Exchange]. Tyumen: Tipografiya Krylova, 1910. (In Russian).

*A. B. Khramtsov
Tyumen, Russia*

STATUTES AND REGULATIONS OF MUNICIPAL INSTITUTIONS AS A SOURCE OF SOCIAL INFRASTRUCTURE DEVELOPMENT IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES (IN TYUMEN)

Abstract. Introducing and commenting the written sources of the 19th – early 20th centuries into scientific environment is one of the most urgent challenges for the Russian history researchers. The fact is that these sources are extremely abundant and informative, which allows highlighting the outline of historic events as well as possible, including the events both in the central cities of Russian Empire, and also in the outskirts of the state. At the same time, the apparent availability and abundance of these sources and their understandable language deprive these documents of the status of a complex, and thus, an attractive source of historical information. Here we should note that we share this point of view. The present work considers statutes and regulations issued by public institutions in Tyumen and operating in the late 19th - early 20th centuries. These sources allow us to study the changes and development of social life and social infrastructure of the city. The results of our study can be of use for urban geographers, local historians and source researchers. The work is open for further scientific discussion.

Key words: statutes; regulations; municipal institutions; social infrastructure; municipal authorities, Tyumen.

About the author: Alexander Borisovich Khramtsov, Candidate of Historical Sciences (PhD), Associate Professor at the Department of State, Municipal Administration and Law.

Place of employment: Tyumen Industrial University.

УДК 93/94

*В. В. Цысь
Нижневартовск, Россия*

УЧАСТИЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В ОБЕСПЕЧЕНИИ РАБОТЫ И ВОССТАНОВЛЕНИИ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО СООБЩЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ КАРЕЛИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления работы железнодорожных войск, военнослужащих Карельского фронта по обеспечению функционирования и восстановлению железнодорожного сообщения на территории Карелии в годы Великой Отечественной войны: ремонт железнодорожного полотна и дорожной инфраструктуры; снабжение паровозов топливом; выделение материальных ресурсов (продовольствия, вещевого имущества и др.); использование рационализаторских предложений, совершенствование подготовки железнодорожников и связистов; борьба с природной стихией.

Указывается на огромный объем разрушений, с которым пришлось столкнуться в освобожденных от оккупантов районах. Отмечается, что работы выполнялись преимущественно частями Управления военновосстановительных работ № 11 Народного комиссариата путей сообщения, которое согласовывало свои действия с Военным советом Карельского фронта. Участие в хозяйственной деятельности боевых соединений носило эпизодический характер.

Делается вывод, что благодаря военнослужащим удалось в короткие сроки ввести в эксплуатацию разрушенные участки Кировской железной дороги. Большая часть работ производилась в течение конца июня – ноября 1944 г. в период Свирско-Петрозаводской наступательной операции и вскоре после ее окончания. Имея ограниченные ресурсы и жесткие сроки выполнения, УВВР-11 занималось «первичным» восстановлением, когда приоритетом становилось возобновление движения и связи на разрушенных участках пути для

обеспечения подвоза людских и материальных ресурсов в зону боевых действий. Все остальное, включая возведение уничтоженных оккупантами зданий вокзалов, складов, водонапорных башен, откладывалось на более позднее время и возлагалось уже на гражданские службы.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; железнодорожный транспорт; восстановление; Карелия; Управление военно-восстановительных работ; Кировская железная дорога.

Сведения об авторе: Валерий Валентинович Цысь, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России.

Место работы: Нижневартровский государственный университет.

Контактная информация: 628605, г. Нижневатовск, ул. Ленина, д. 56; тел.: 8(3466)273510, e-mail: roshist@mail.ru.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-01-00116.

Железнодорожное сообщение в годы Великой Отечественной войны играло роль своего рода «кровеносных сосудов», надежно связывавших фронт с тылом, широкой сетью раскинувшихся на огромных пространствах Советского Союза. Накануне войны 85 % общего грузооборота транспорта выполнялось по железнодорожным магистралям (Великая 1985: 267). Их успешное функционирование служило залогом сохранения и укрепления военно-экономического потенциала страны.

На Европейском Севере огромное значение имело поддержание в рабочем состоянии Кировской железной дороги (КЖД), по которой не только осуществлялся подвоз ресурсов для войск Карельского фронта, но и, что самое главное, – поставлялись вооружение, боеприпасы, стратегическое сырье и др. грузы из стран антигитлеровской коалиции.

Все это предопределяло значимость обеспечения бесперебойной работы данной транспортной артерии в сложных прифронтовых условиях. Изучение опыта участия железнодорожных войск, военнослужащих Карельского фронта в функционировании и восстановлении железнодорожного сообщения на территории Карелии поможет глубже понять истоки победы советского народа в Великой Отечественной войне, особенности применения воинских частей для решения небоевых задач.

За время боевых действий (1941–1944 гг.) на Кировскую железную дорогу и прилегающую территорию было совершено 2497 налетов вражеской авиации, в результате которых сброшено более 14 тыс. фугасных и 37 тыс. зажигательных бомб, повреждено и разрушено 60435 погонных метров пути, 3780,74 километра проводов, 684 служебных, технических и жилых зданий. В ходе бомбардировок погибло 1070 человек (ЦА МО. Ф. 214. Оп. 1470. Д. 277. Л. 68).

Особо интенсивными являлись налеты в 1941–1942 гг., в которых участвовало до 21 бомбардировщика и истребители прикрытия.

Объектами нападений являлись Мурманск, Кемь, Кандалакша, Лоужи, крупные мосты, собственно полотно железной дороги. Их интенсификация связывалась с прибытием в Мурманск караванов судов.

Кроме того, с беспрецедентным объемом разрушений инфраструктурных объектов пришлось столкнуться в ходе освобождения в 1944 г. временно оккупированных территорий. КЖД проходила по сильно заболоченной местности. Поэтому противник отступал по земляному полотну, минируя и разрушая дорогу, взрывая мосты, устраивая завалы (Железнодорожные 1995: 221). При эвакуации финскими войсками вывозилась аппаратура связи, оборудование технических мастерских и водоснабжения. То, что нельзя было увезти, подрывалось или сжигалось: насосные станции, деревянные сооружения, земляное полотно (фугасами по 250 кг.), рельсы на стыках и посередине (зарядами по 100–200 кг.) и др. Противник использовал путеразрушитель типа «Червяк» в виде специального крюка, с помощью которого ломались шпалы. Всего немцами и финнами было повреждено 236,2 км. пути, 232 комплекта стрелочных переводов, 356 искусственных сооружений, 36 станционных зданий (ЦА МО. Ф. 214. Оп. 1470. Д. 277. Л. 61). Особо пострадали участки Томицы – Суоярви и Ручьи – Куолоярви.

Характер и особенности разрушений определялись «Справкой-докладом», составленной Управлением Военных сообщений Карельского фронта 28 сентября 1944 года:

«После отвода финских войск к государственной границе 1940 г. согласно договору о перемирии между союзными правительствами (СССР и Англия) от 19.9.44 г. состояние ж. д. участка Калласйоки – Маткаселья представляется в следующем: ... 3. Лаймола (601 км) – Каартайоки (595 км). Земляное полотно повреждено. Объем – 300 м³. Верхнее строение подорвано на протяжении 3,2 км, разрушено чер-

вяком – 2,7 км» и т. д. (ЦА МО. Ф. 214. Оп. 1470. Д. 166. Л. 175–178).

О трудностях, с которыми приходилось в это время сталкиваться советским войскам, позднее вспоминал командующий Карельским фронтом К. А. Мерецков: «Чем ближе к финляндской границе, тем упорнее становилось сопротивление финнов. Мосты разрушались. Дороги заваливались баррикадами из спиленных многолетних деревьев. Минировался чуть ли не каждый квадратный метр оставляемой территории. Например, на дорогах от Лодейного Поля до Олонца наши саперы обнаружили и обезвредили 40 тысяч мин» (Мерецков 1983: 387).

В первые дни после начала Великой Отечественной войны поддержание железнодорожных сооружений и путей осуществлялось силами самой КЖД и привлекаемым по мобилизации гражданским населением. Работа велась при участии и взаимодействии военновосстановительной службы Народного комиссариата путей сообщений (НКПС), созданной на базе строительного треста КЖД, и Управления военных сообщений фронта (ВОСО).

Однако разделение функций между двумя ведомствами (военным и гражданским) оказалось недостаточно эффективным. Поэтому 3 января 1942 г. постановлением ГКО № 1095 восстановительные силы и средства объединяются НКПС, для чего организуется Главное управление военно-восстановительных работ (ГУВВР). На территории края действовало УВВР-11, включавшее железнодорожные части и спецформирования НКПС (Железнодорожные 1995: 21).

Постоянно наращивались силы и средства, использовавшиеся в восстановительных работах. К концу периода в распоряжении железной дороги имелось 10 восстановительных и 12 пожарных поездов, 8 путевых летучек, 4 мостовые летучки, 8 летучек контактной линии, 2 изоляторных хозяйства, 7 летучек связи, 7 летучек водоснабжения, 24 аварийно-спасательные команды (ЦА МО. Ф. 214. Оп. 1470. Д. 277. Л. 74). НКПС приказом от 11 июня 1944 г. придал УВВР-11 43-ю железнодорожную бригаду, батальон связи и батальон механизации, общей численностью 4920 чел.

За ВОСО оставался ряд второстепенных вопросов: контроль боеспособности организаций дороги, участие в совещаниях, на которых выработывались мероприятия по улучшению дела восстановления, выделение рабочей силы воен-

нослужащих тыловых частей для выполнения различного рода экстраординарных работ.

Анализ отчетов ВОСО Карельского фронта позволяет охарактеризовать несколько основных направлений деятельности железнодорожных и тыловых частей по восстановлению и обеспечению функционирования железных дорог и связи.

Первое – ремонт железнодорожного полотна и дорожной инфраструктуры на освобожденных в 1944 г. территориях. Соответствующие планы были составлены еще в период относительно стабильного состояния фронта, утверждены приказом НКПС от 11 июня 1944 г. и согласованы с Военным Советом Карельского фронта.

21 июня 1944 г. разворачивается Свирско-Петрозаводская наступательная операция, в результате которой Карело-Финская ССР была очищена от немецко-финских оккупантов. Общая протяженность освобожденной КЖД со всеми примыкающими ветками составила 1007 км.

Работы по восстановлению были развернуты уже на 2-й день после начала наступления наших войск, а закончены в объеме, допускавшем открытие движения по основной магистрали КЖД, 15 июля 1944 г., как и было установлено распоряжением НКПС. Основным исполнителем работ являлось УВВР-11.

Особую сложность представляло восстановление на участке Лодейное Поле – Петрозаводск моста через р. Свирь, имевшего общую длину 134 метра и каменные опоры. Мост был полностью разрушен, русло оказалось загромождено обломками. В завалах и подходах финны заложили большое число мин. Характер повреждений не позволял строить мост на прежнем месте. Поэтому принимается решение возводить его в 16 метрах вверх по течению. Работы велись с двух сторон в две смены по 12 часов. Железнодорожные пути к мосту удалось восстановить лишь ко 2 июля, из-за чего пришлось строить жердевые дороги протяженностью 3 км для доставки строительных материалов. В дно реки была вбита 321 свая. Опорами для пролетов послужили ряжи¹, засыпавшиеся внутри камнями. Установка пяти металлических пролетов завершается 15 июля, после чего открывается движение. Однако на этом работы

¹ Ряж – деревянный сруб, погружаемый в грунт и заполняемый обыкновенно сухой, вязкой, жирной глиной или булыжником.

не закончились. УВВР-11 в августе – сентябре 1944 г. производило расчистку завалов, досыпку грунта в насыпь, замену оснований и пролетов, с тем чтобы они не служили препятствием для прохода судов (ЦА МО. Ф. 214. Оп. 1470. Д. 277. Л. 108). Работы велись с применением различных механических приспособлений: ручных лебедок, дизельных коперов², консольного крана. Дно реки обследовалось водолазами. Восстановление моста через р. Свирь велось таким образом, чтобы обеспечить скорейший ввод в эксплуатацию железнодорожной магистрали. В дальнейшем по мере возможности устранялись недоделки.

Без средств механизации производилось восстановление средних и малых мостов (длиной до 70 м). В данной случае работы выполнялись, как правило, в течение 5–8 дней. Параллельно шел ремонт связи. Подорванные столбы прикреплялись к сохранившимся основаниям с помощью спаренных бревен. Общая длина восстановленных проводов составила 1316 км.

Ремонт собственно полотна велся по следующим направлениям: укладка верхнего строения пути там, где оно эвакуировано противником; замена поврежденных рельсов; замена гнилых шпал, исправление перекосов и др.; восстановление участков, разрушенных путеразрушителями.

В результате участок КЖД Лодейное поле – Петрозаводск на протяжении 162,1 км был восстановлен примерно за три недели со средней скоростью 7,4 км в сутки. В августе 1944 г. участок передается в эксплуатацию железной дороге.

Меньшим разрушениям подвергся следующий участок КЖД: Масельская – Петрозаводск. Здесь темп восстановления оказался выше – 8,5 км в сутки, а работы первой очереди удалось завершить к 14 июля.

На других участках также велись работы силами УВВР-11 и привлеченного по мобилизации местного населения. Полное же восстановление всех участков в пригодном для эксплуатации состоянии велось до конца ноября 1944 года. Последним был открыт отрезок Мегрега – Янисъярви, проходивший вдоль восточного берега Ладожского озера (ЦА МО. Ф. 214. Оп. 1470. Д. 277. Л. 132).

Все работы носили комплексный характер. Наряду с железнодорожным полотном и мос-

тами налаживалась связь, необходимое для паровозов водоснабжение. Главным приоритетом УВВР-11 являлось скорейшее введение дороги в эксплуатацию. Поджимавшие сроки заставляли жертвовать качеством. Многие сооружения являлись временными, скорость передвижения поездов отставала от расчетной. Но в тех критических условиях у командования не было иного выхода. В дальнейшем, силами самой КЖД, др. гражданских организаций железная дорога приводилась в оптимальное состояние, соответствующее требованиям мирного времени.

Эпизодически вспомогательные работы выполнялись и боевыми частями. Так, один из стрелковых полков выделялся на двое суток в распоряжение железной дороги. Им было заготовлено и подвезено 325 кубометров камня для ряжей и лес на восстановление шести мостов на ветке Кестеньга – Лоухи (ЦА МО. Ф. 214. Оп. 1470. Д. 166. Л. 225).

Второе направление – обеспечение паровозов топливом. Кировская железная дорога до войны работала на угле. Осенью 1941 г. возник его острый дефицит, из-за чего с начала декабря 1941 г. по приказу НКПС осуществляется переход на дрова. Тут же возникли проблемы – необученность паровозных бригад, отсутствие складов, соответствующих подъездных путей и механизации.

Месячная потребность дороги достигала 135 тыс. кубометров. Но дров не хватало. Были случаи, что прибывающие поезда оказывалось нечем обеспечить. Поэтому ВОСО Карельского фронта обязало лесозаготовительные организации, управление КЖД, Беломоро-Онежское пароходство давать ежедневные сводки о заготовке и поступлении топлива. На их основе составлялись доклады Военному Совету фронта. Хотя к весне 1942 г. общими усилиями проблемы переходного периода были в целом изжиты, тем не менее, напряженное положение сохранялось до конца существования фронта. Особенно серьезной проблемой оказался дефицит трудовых ресурсов, поэтому возникала необходимость в привлечении рабочей силы военнослужащих. Например, тыловыми частями фронта только в феврале – мае 1943 г. было заготовлено для КЖД 66400 кубометров дров. В 1944 г. на склады топлива для погрузочно-разгрузочных работ на ст. Кандалакша, Кемь, Лоухи, Кивач направлялись группы бойцов от 40 до 100 чел. С 4 октября 1944 г. выделяется рабочая рота в 300 чел. для отгрузки дров с резервных складов (ЦА МО. Ф. 214. Оп. 1470.

² Копер – строительная машина, предназначенная для подъема, установки свай на точку погружения, корректировку, погружения свай в грунт.

Д. 166. Л. 208). Помимо этого, по указанию ВОСО фронта военные коменданты железнодорожных участков привлекали к работам по снабжению паровозов дровами бойцов из проходящих эшелонов (ЦА МО. Ф. 214. Оп. 1470. Д. 277. Л. 85).

Третье – выделение материальных ресурсов для КЖД: ГСМ, продовольствия, вещевого имущества и др., организационная и техническая поддержка. Горюче-смазочные материалы реализовывались по нарядам НКПС со складов Карельского фронта. Было выдано 400 маскхалатов для работы в районах артобстрелов. Службами армейского тыла отпускалось продовольствие. Оказывалось содействие в расквартировании личного состава УВВР-11, в получении трех паровозов для восстановительных работ, в подключении к армейским телефонным коммутаторам (ЦА МО. Ф. 214. Оп. 1470. Д. 166. Л. 223). В октябре 1944 г. передается 225 тонн трофейного цемента и 100 тыс. кубометров трофейных дров. В августе предоставлялась автоколонна для перевозки со ст. Лодейное Поле на ст. Олонец 450 чел. и груза. В сентябре инженерным управлением фронта выделяется 100 печей-буржук (ЦА МО. Ф. 214. Оп. 1470. Д. 166. Л. 225) и т. п.

Данный вид помощи не был регулярным, а производился от случая к случаю и обуславливался наличием излишков на фронтовых и армейских складах.

Четвертое – использование рационализаторских предложений, совершенствование подготовки железнодорожников и связистов. За счет ресурсов Карельского фронта технические разведки, занимавшиеся обследованием последствий бомбардировок, снабжались дрезинами, что позволяло достигать поврежденных участков в кратчайшие сроки. По предложениям ВОСО фронта КЖД начала строительство обходных мостов на некоторых важнейших отрезках пути, у 24 мостов возводятся противоминные заграждения на воде для защиты от плавающих мин, плотов и т. п. Было выдвинуто и затем введено НКПС ценное предложение: под основной фермой моста сооружать по одной дополнительной опоре. В результате, если основная опора или ферма разрушалась при

бомбардировке, она не падала в воду и, следовательно, восстановление моста требовало меньших затрат.

Пятое – борьба с природной стихией. Перед каждой зимой командование фронта издавало приказ о привлечении военнослужащих к борьбе со снежными заносами. ВОСО договаривалось с частями и управлением КЖД о количестве бойцов и порядке их использования. Так, в зиму 1942–1943 г. фронт выделил для этой цели 7 тыс. солдат и офицеров. Силами воинских частей чистились подъездные пути и железнодорожные ветки к складам.

Создаются вспомогательные поезда для ликвидации весенних размывов в составе 10 и более вагонов, груженных необходимыми материалами: бутовый камень, шпалы, бревна, балласт и др. Только на северном участке КЖД действовало 26 таких поездов. Благодаря принятым мерам в 1942 г. общая задержка движения из-за размывов составила лишь 5 часов 10 минут (ЦА МО. Ф. 214. Оп. 1470. Д. 277. Л. 91). В 1943 г. задержек движения по этой причине вообще удалось избежать.

В 1943 г. силами УВВР-11 велись разборка лесных заломов, подрыв льда вверх по течению р. Кемь, Онега. Понтонеры строили ледорезы на опорах моста через р. Онега.

Подводя итоги, следует отметить огромный вклад военнослужащих, прежде всего, железнодорожников, в восстановление инфраструктуры Кировской железной дороги. Боевые подразделения отвлекались от выполнения своих задач лишь в крайних случаях. Основной объем работ выполнялся в период Свирско-Петрозаводской наступательной операции и вскоре после ее окончания. Имея ограниченные ресурсы и жесткие сроки, УВВР-11 занималось «первичным» восстановлением, когда приоритетом становилось возобновление движения и связи на разрушенных участках. Все остальное, включая возведение уничтоженных оккупантами зданий вокзалов, складов, водонапорных башен откладывалось на более позднее время и возлагалось уже на гражданские службы. Такой подход следует признать оптимальным в данных конкретных исторических условиях.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВОСО** – Управление военных сообщений.
- КЖД** – Кировская железная дорога.
- НКПС** – Народный комиссариат путей сообщения.
- УВВР** – Управление военно-восстановительных работ.
- ЦА МО** – Центральный архив Министерства обороны.

ЛИТЕРАТУРА

- Великая Отечественная война 1941–1945: Энциклопедия. 1985. Москва: Советская энциклопедия.
- Железнодорожные войска в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / Г.И. Кочатько (ред.). 1995. Москва: Альтари.
- Карельский фронт в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: военно-исторический очерк. 1984. Москва: Наука.
- Карелия в Великой Отечественной войне: освобождение от оккупации и возрождение мирной жизни, 1944–1945. 2010. Петрозаводск: «Фонд творческой инициативы».
- Мерецков К. А. 1983. На службе народу. Москва: Политиздат.
- Морозов К. А. 1983. Карелия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Петрозаводск: Карелия.
- ЦА МО. Ф. 214. Оп. 1470. Д. 166.
- ЦА МО. Ф. 214. Оп. 1470. Д. 277.

REFERENCES

- Velikayaa Otechestvennaya voina 1941–1945: Entsiklopediya [The Great Patriotic War 1941–1945: An Encyclopedia]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1985. (In Russian).
- Zheleznodorozhnye voiska v Velikoy Otechestvennoy voine 1941–1945 gg. [Railway troops in the Great Patriotic War of 1941–1945]. Ed. by G.I. Kochatko. Moscow: Altari, 1995. (In Russian).
- Karelskiy front v Velikoy Otechestvennoy voine 1941–1945 gg.: voenno-istoricheskii ocherk [Karelian Front in the Great Patriotic War of 1941–1945: A historical study]. Moscow: Nauka, 1984. (In Russian).
- Kareliya v Velikoy Otechestvennoy voine: osvobozhdenie ot okkupatsii i vrozozhdenie mirnoy zhizni, 1944–1945 [Karelia in the Great Patriotic War: The liberation from occupation and the revival of peaceful life, 1944–1945]. Petrozavodsk: Fond tvorcheskoy initsiativy, 2010. (In Russian).
- Mereckov K. A. Na sluzhbe narodu [Serving the people]. Moscow: Politizdat, 1983. (In Russian).
- Morozov K. A. Kareliya v gody Velikoy Otechestvennoy voiny 1941–1945 [Karelia during the Great Patriotic War 1941–1945]. Petrozavodsk: Kareliya, 1983. (In Russian).
- Central archive of the Ministry of Defense. Fund 214. Inventory 1470. Case 166. (In Russian).
- Central archive of the Ministry of Defense. Fund 214. Inventory 1470. Case 277. (In Russian).

V. V. Tsys

Nizhnevartovsk, Russia

MILITARY INVOLVEMENT IN RESTORING RAILWAY COMMUNICATION IN KARELIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. The following paper considers major aspects of work of railway troops and military troops of the Karelian Front in ensuring the operation and restoring railway communication in Karelia during the Great Patriotic War, including the repair of the railway lines and road infrastructure in the liberated territories; full provision; allocation of resources (food, clothing etc.); innovations; training railway personnel and operators; disaster management.

The author indicates a huge amount of damage during the liberation of the occupied territories and notes that most works were performed by the troops of the Department of Military and Reconstruction Operations No. 11 of the People's Commissariat of Railways in coordination with the Military Council of the Karelian Front. Military units took occasional part in the reconstruction.

The author concludes that involving military troops allowed bringing the damaged areas of Kirov Railway back in operation within a short period of time. Most works were performed in late June - November 1944 during the Svir-Petrozavodsk Offensive Operation and soon after the operation was completed. With limited resources and tight deadlines, the Department of Military and Reconstruction Operations No. 11 was engaged in «primary» reconstruction, i.e. restoration of railway traffic and communication on the ruined railway sections in order to ensure transportation of personnel and material resources to the combat operational zone. Other works, including the reconstruction of buildings and facilities such as warehouses, water towers and railway stations destroyed by invaders were postponed to a later date and were assigned to the civil services.

Key words: the Great Patriotic War; railway transport; recovery; Karelia; Department of Military and Reconstruction Operations; Kirov Railway.

About the author: Valery Valentinovich Tsys, Doctor of Historical Sciences (DSc), Professor at the Department of Russian History.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University.

ИНСПЕКЦИОННЫЕ ПОЕЗДКИ ТОБОЛЬСКИХ ЕПАРХИАЛЬНЫХ АРХИЕРЕЕВ КАК ЭЛЕМЕНТ ЦЕРКОВНОГО УПРАВЛЕНИЯ XIX – НАЧАЛА XX в. (НА ПРИМЕРЕ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ)

Аннотация. В статье рассматриваются результаты инспекционных поездок Тобольских епархиальных архиереев на Север Западной Сибири в XIX – начале XX века. Указывается, что важную роль в церковном управлении играли личные осмотры епархии преосвященным. По итогам каждого принимались важные решения, касавшиеся преимущественно миссионерского дела, просвещения коренного населения в целом. Среди них выделены такие, как: открытие, расширение штата, организационная и финансовая поддержка, упразднение противоязыческих миссий. С задачами христианизации коренного населения были связаны и меры, направленные на создание и успешное функционирование начальных учебных заведений для детей остяков, вогулов и самоедов. Распространение православия, катехизация коренного населения рассматривались как неотъемлемая часть его просвещения, включения в социокультурную среду Российского государства. Именно на этом направлении и были получены наиболее значимые результаты.

Другой проблемой, постоянно находившейся в поле зрения церковных властей, было материальное обеспечение духовенства малонаселенных и отдаленных районов севера, кадровые вопросы. Обязательной частью поездки являлось наблюдение за внешним видом и внутренним убранством церквей, надзор за состоянием веры и нравственности, проповеднической и богослужбной деятельностью духовенства. Давались предписания по повышению образовательного уровня и самих священно- церковнослужителей.

Менее удачными признаются реформы, связанные с совершенствованием системы церковного управления на Тобольском Севере. К результатам поездок отнесено и решение текущих вопросов приходской жизни при личном участии епархиального архиерея: строительство новых храмов, рукоположение в священнослужители, награждения за долголетнюю беспорочную службу, наказания за проступки и др.

Ключевые слова: Тобольская епархия; епархиальный архиерей; инспекционные поездки; миссионерство; просвещение; духовенство.

Сведения об авторе: Ольга Петровна Цысь, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории региональных исторических исследований.

Контактная информация: 628605, г. Нижневартовск, ул. Ленина, д. 56; тел.: 8(3466)273510, e-mail: roshist@mail.ru.

Исследование осуществлено в рамках выполнения государственных работ в сфере научной деятельности, задание № 2014/801

Старейшая в Сибири Тобольско-Сибирская епархия занимала обширную территорию, состоявшую в первой трети XIX в. из Тобольской, Томской губерний и Омской области, объединявшиеся в Западно-Сибирское генерал-губернаторство. Образование в 1834 г. Томской, а в 1895 г. Омской епархий существенно уменьшило территорию, подведомственную Тобольскому преосвященному, и приблизила границы епархии с пределами Тобольской губернии.

Административной, хозяйственной, судебной властью над духовенством в пределах епархии обладал епархиальный архиерей. Его права и обязанности в синодальный период определялись законодательством Российской империи: высочайшими повелениями, циркулярными указами (ПСЗРИ 1830: 397), инструкциями Св. Синода, Уставом духовных консисторий (Устав духовных 1883: 3–8). Владыка отвечал за состояние веры и нравственности населения, надзирал за проповеднической и богослужбной деятельностью духовенства, руководил вверенными ему церковными учреждениями.

На архиерея, как «настоятеля и главного учителя веры», возлагался надзор за всеми духовно-учебными заведениями.

Важную роль в управлении играли личные осмотры епархии преосвященным и его доверенными лицами. Поставленная у кормила епархиального управления, церковная власть, согласно Духовному регламенту 1721 г, обязана была осуществлять надзор «за исправностью и благоповедением причтов». Согласно архиерейской присяге, каждый год некоторую часть епархии необходимо было проверять и о том доносить Св. Синоду (Сборник 1895: 103).

Инспекционные поездки правящего архиерея по приходам «низового края» были явлением редким. Дальность расстояния от тобольского архиерейского дома до Березовского и Сургутского края, а также отсутствие прогонных денег на разъезды епископов затрудняли выполнение этой обязанности. Только трем сибирским архиереям: Антонию (Знаменскому), Евгению (Казанцеву), Георгию (Ящуржинскому) в первой половине XIX в. удалось совер-

шить путешествие на Обской Север. В дальнейшем, в первую очередь благодаря развитию пароходного сообщения, периодичность подобных инспекций существенно возросла.

По сохранившимся делопроизводственным документам, сосредоточенным в фондах Тобольской духовной консистории, Сургутского и Березовского благочиний, отдельных церквей, губернской канцелярии Государственного учреждения Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске», а также по материалам периодической печати к настоящему времени нам известно о 18 архиерейских поездках на Тобольский Север 11-ти епархиальных архиереев, управлявших епархией в течение XIX – начала XX столетий. Архивные материалы вместе с опубликованными в Тобольских епархиальных и губернских ведомостях, в духовных журналах «Странник», «Христианское чтение» историческими очерками Н. А. Абрамова, А. И. Сулоцкого, М. П. Путинцева (Абрамов 1998; Путинцев 1892; Сулоцкий 2000) позволяют восстановить ход, причины и результаты данных поездок.

Особой задачей тобольского архиерейского дома являлось христианское просвещение аборигенов. Как известно, еще в 1-й четверти XVIII столетия с этой целью на север, вниз по Иртышу и Оби к осякам и вогулам неоднократно выезжал митрополит Филофей (Лещинский, в схиме Федор). В следующем столетии государственная власть выдвигает просветительскую деятельность среди «инородцев» как одну из приоритетных для Русской Православной Церкви.

Миссионерское служение оказывалось тесно связанным с общими проблемами реформы управления «ясашными народами», выяснением перспектив успешного распространения русской культуры и русской государственности. Подобно инспекторской деятельности в Сибири генерал-губернатора М. М. Сперанского (1819–1821 гг.), сенаторов Б. А. Куракина и В. К. Безродного (1827–1828 гг.) тобольскому преосвященному Евгению (Казанцеву), «как пастырю опытному и беспристрастному», поручено было обзреть вверенную ему епархию. Поездке предшествовал синодальный указ «Об учреждении в Тобольской и Казанской епархиях миссионеров для обращения в православие иноверцев» от 24 декабря 1828 года. Конкретное место, форма, особенности организации миссионерского служения определялись епархиальным архиереем после его непосредствен-

ного знакомства с местами расселения «инородцев».

По результатам поездки архиерея, предпринятой летом 1829 г., появилось его «ходатайство» перед Св. Синодом об учреждении миссий, где указывалось на «удручающее» положение новокрещенных остяков и самоедов, которые спустя более ста лет после своего крещения не знают имени Господа Иисуса Христа (Сулоцкий 2000: 256). Данное предложение было одобрено. Его итог – создание в 1832 г. Обдорской («Низовой») духовной миссии (Сулоцкий 2000: 260–261; Путинцев 1892: 110).

Реорганизация миссионерского служения являлась одной из приоритетных целей поездок на Обской Север преосвященных Варлаама II (Успенского) в 1865–1866 гг., Агафангела (Преображенского) в 1896 г., Антония (Каржавина) в 1897–1898 гг., 1902 г., 1904 г., 1909 г., Евсевия (Гроздова) в 1910 г. и 1911 году.

Так, открытие самостоятельной Сургутской противоязыческой миссии, увеличение казенных расходов на оплату труда православных проповедников стало одним из важных результатов пребывания на севере епархии архиепископа Варлаама II. В 1867 г. по его представлению Синод «признал полезным» усиление «христианской проповеди» и необходимость разъездов священников не менее трех раз в году по всем кочевьям инородцев «в сколько бы оные далеко не стояли от церквей... в каждом месте кочевья инородцев прослужить... дневные службы как то, вечернюю, утреню, и часы, или обедницу и после всего всех возрастных исповедать; а также больных по исповеди сообщать и святого причастия – запасными дарами, а равно и всех младенцев» (ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 788. Л. 115).

Согласно распоряжениям епархиального руководства, формируется штат миссии из состава причта сургутской Троицкой церкви с назначением к ней дополнительно помощника настоятеля – второго священника и третьего причетника для предполагаемых миссионерских экспедиций (Выписка: 117). В этом же году увеличивается численность «Низовой» миссии, учреждается ее Тазовский стан. В Обдорск доставляется новая походная церковь, освященная во имя Богоявления Господня (Туров 2007: 9). С 1866 г. преосвященный Варлаам II из своих средств ежегодно выделял по 30 руб. на пособия бедным и неимущим «инородцам» Обдорска и по 10 руб. на нужды новокрещенных (Путевые 2007: 195).

После ревизии приходов севера епископом Агафангелом, состоявшейся три десятилетия спустя, на основе личных наблюдений, а также рапортов миссионеров было признано, что Сургутская миссия выполнила свое предназначение и может быть закрыта. В таком случае окормление верующих должно осуществляться на постоянной основе приходскими священниками, а не время от времени приезжающими проповедниками (Поездка 1896: 444–445).

Преосвященный Антоний особое внимание уделял поддержке Обдорской миссии. К началу 1890-х гг. она находилась в весьма сложном положении. Раздоры среди миссионеров и приходского духовенства, отсутствие сотрудников, знающих «инородческие» языки, недостаточное материальное обеспечение мешали выполнению поставленных перед ней задач. Следствием поездки 1897–1898 гг. явилось создание специальной комиссии во главе с игуменом Иринархом (Шемановским), занимавшейся переводами на остяцкий и самоедский языки текстов Священного Писания (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1698. Л. 19). После посещения владыкой Обдорска в год 50-летнего юбилея миссии¹ по его предложению организуется Братство во имя св. Гурия, архиепископа Казанского и Свяяжского Чудотворца, целью которого провозглашается «ограждение православных инородцев от влияния языческого населения и обращение их к православной вере» (Устав 1904: 421). Еще один результат – решение о формировании в Обдорске миссионерской женской общины. Инокини должны «стать во главе призрения и духовного воспитания инородческих детей севера» (Шемановский 1907: 123–128), заменяя новокрещенным девочкам матерей. В августе 1907 г. открывается Обдорская женская община во имя Царицы Небесной Всех Скорбящих Радости во главе с рясофорной монахиней Пелагеей. В ее ведении находился приют для инородческих девочек и малолетних детей, инородческая богадельня, больничная палата и аптека.

В ходе поездок выяснялось, что многие служители Церкви не обладают достаточной подготовкой для пастырской работы среди населения, слабо ориентировавшегося в вопросах христианского вероучения. Давались предписания по повышению образовательного уровня и самого духовенства. «...Немедленно при-

няться за обучение готовых учебников уже разосланных по епархии... и что бы в этом делали успехи: то всем благочинным сего округа велеть доносить мне об успехах в конце года с отметкой в клировых ведомостях», – указывалось в «обозрительном рапорте» преосвященного Варлаама II (ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 788. Л. 115).

Архиерейские инспекции способствовали постепенному развитию и укреплению народного образования. М. П. Путинцев, сообщая о заботах владыки Антония (Знаменского) «об умножении образованного духовенства» в своей епархии, отмечает значительный рост к 1806 г. «семинарских учеников», рассматривая это, в том числе, и как следствие устройства начальных («русских») школ при некоторых духовных правлениях, а также при монастырях Енисейском (Спасском), Томском (Алексеевском) и Кондинском (Троицком) (Путинцев 1892: 86–87)

Сельские школы для «инородческих детей» на Тобольском Севере начали создаваться с 1842 года (Цысь 2011: 45–46). Итогом поездок Георгия (Яшуржинского) в 1846 г., 1848–1849 гг. и 1851–1852 гг., Варлаама II (Успенского) в 1865–1866 гг. стали как ходатайства перед Синодом, так и перед гражданскими властями об ассигновании дополнительных сумм на «инородческие» школы.

«...4) Для учеников из инородцев велеть завести на зимнее время непременно им тулупы или хотя бы малицы, равно и на ногах им иметь теплую же обувь и белье прочное холщевое, а не лавочное, какое-либо набойчатое... 6) Пищею их довольствоваться также сытою и здоровою. Штатное жалование, на них идущее верно будет достаточно на улучшение их содержания и быта... 8) Отослать в это училище мои книги: 2 эк. Нового Завета; 2 эк. – Псалтыри, 2 эк. святых дня недельных и 2 эк. Киевского месяцеслова и 1 эк. Книгу Наума О великом Божественном мире Всего 9 книг», – предписал Варлаам II после ознакомления с положением Кондинской миссионерской школы (ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 788. Л. 114).

С момента создания сети начальных церковных школ посещение учебных заведений становится обязательной частью архиерейских инспекций. Во время поездки епархиальное руководство должно было убедиться, что преподавание Закона Божьего, основных общепотребительных молитв, церковного пения ведется регулярно и результативно. С середины

¹ В качестве точки отсчета была выбрана дата возобновления работы Обдорской миссии в 1854 году.

80-х гг. XIX в. сведения, полученные по результатам проверки, предоставлялись Епархиальному училищному совету.

Определенное внимание правящие архиереи обращали на совершенствование системы церковного управления, шедшее в русле проводившихся Синодом реформ. Так, одним из результатов поездки преосвященного Варлаама II в 1865–1866 гг. следует признать преобразования, совпавшие с изменениями в гражданском управлении и заключавшиеся в увеличении штатов и полномочий местных священнослужителей, принятии мер, направленных на повышение эффективности документооборота. Произошло упразднение духовных правлений – коллегиальных учреждений, созданных еще в середине XVIII века.

В 1865 г. Синод разрешил открывать викариатства всем епархиям, располагающим для этого необходимыми материальными средствами (Федоров 2003: 23). Поэтому вместо духовных правлений 21 декабря 1870 г. указом Св. Синода в Тобольской епархии для оказания помощи в управлении приходами Обского Севера открывается Березовское викариатство во главе с епископом Ефремом (Рязановым) (ГУТО ГА. Ф. И-144. Оп. 1. Д. 87. Л. 1 об–2). Оно просуществовало лишь четыре года. Владыка имел резиденцию в Знаменском монастыре г. Тобольска. В Березове он побывал лишь однажды – в 1873 году. После назначения в 1874 г. преосвященного Ефрема на Тобольскую кафедру викариатство формально не было упразднено, но место оставалось вакантным в течение более чем 40 лет. Полномочия ликвидированных в 1869 г. духовных правлений возлагаются теперь на благочинных. Как следствие, попытки реформирования церковного управления на Тобольском Севере нельзя признать в полной мере удачными.

К результатам поездок следует отнести и решение текущих проблем при личном участии епархиального архиерея. Обязательной частью поездки являлось наблюдение за внешним видом и внутренним убранством церквей. Можно привести несколько соответствующих примеров.

После инспекционной поездки 1848–1849 гг. преосвященного Георгия (Ящуржинского) начинается строительство новых храмов в с. Нижне-Лумпокольском и с. Ляпинском (Православие 2007: 18). «Предписать благочинному, озаботиться устройством новых иконостасов» (ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 788. Л. 101), –

указал епископ Варлаам II после знакомства с убранством Сургутской Троицкой церкви. При личном участии епископа Антония в начале XX в. осуществлялся выбор места для строительства Вартовской церкви (ГУТО ГА. Ф. И-353. Оп. 1. Д. 531. Л. 6–6 об). Вопросы, которые могли обсуждаться месяцами или даже годами, при личном участии архиерея решались в кратчайшие сроки тут же на месте.

В ходе поездок происходило знакомство преосвященных с паствой, что должно было укреплять религиозное чувство в народе. «Совершенный епископом Евсевием крестный ход (на Обскую губу – О.Ц.) произвел, по видимому, сильное впечатление не только на русских, но и на инородцев, тем более что до Преосвященного Евсевия никто из Тобольских архиереев до Хэ не доезжал», – отмечалось на страницах «Тобольских епархиальных ведомостей» (Поездка 1910: 499).

Кроме того, проверялось выполнение епархиальных распоряжений, выявлялись недостатки в деятельности духовенства и религиозно-нравственном состоянии прихожан. Применялись и меры по поощрению, повышению по службе успешно исполнявшего свои обязанности духовенства, накладывались взыскания на нерадивых (Путинцев 1876: 681). После посещения епархии преосвященные делали распоряжения об опубликовании всех отмеченных недостатков в ТЕВ «для сведения духовенства» (Поездка 1910).

«Дьякон сей (Самаровской – О.Ц.) церкви Сосунов оказался очень исправным по службе и должности, а также и по жизни трезвенной, – писал преосвященный Варлаам II, – Поэтому и указано высшее служение с производством во священника» (ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 788. Л. 97 об). «Дьячок здесь (Романовской церкви – О.Ц.) Малахов преглупый мальчик; почему он уже и перемещён в другое место по жалобе на него прихожан» (ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 788. Л. 98). Епископ Варнава (Накропин) в ходе поездки 1915 г. рукоположил в сан священника дьякона с. Шеркальской церкви В. Вавилина, псаломщика Кушеватской церкви Н. Шахова, в дьякона – псаломщика Мало-Атлымской церкви Я. Новицкого (Священник М. Макаров 1915: 577–578) и мн. др.

Таким образом, поездки епархиальных архиереев были органически вписаны в систему церковного управления. По итогам каждой принимались важные решения, касавшиеся преимущественно организации миссионерского

дела. Именно на этом направлении и были получены наиболее значимые результаты. Необходимость христианизации и катехизации коренного населения рассматривалась как неотъемлемая часть его просвещения, включения в социокультурную среду Российского государства.

емлемая часть его просвещения, включения в социокультурную среду Российского государства.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГУТО ГА** – Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске».
ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи.
РГИА – Российский государственный исторический архив.
ТЕВ – Тобольские епархиальные ведомости.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамов Н. А.* 1998. Георгий Ящуржинский, архиепископ Тобольский и Сибирский (1845–1852) // Город Тюмень. Из истории Тобольской епархии. Тюмень: Софт-Дизайн.
- Выписка из журнала ТДК с рассмотрением рапорта Сургутского причта о распределении дополнительных средств. 2006 // Сургутский уезд в документальных памятниках XVIII–XIX вв.: источники / сост., авт. Предисл. и коммент. В. Я. Темплинг. Тюмень: Манд и Ка, 116–118.
- ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-144. Оп. 1. Д. 87.
- ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 788.
- ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-353. Оп. 1. Д. 531.
- Иеромонах Ирнарх.* 1906. История Обдорской Духовной миссии (1854–1904). М.: Печатня А.И. Снегиревой.
- Православие на Обь-Иртышском Севере: материалы к историко-культурному атласу. 2007. Екатеринбург: Баско.
- Поездка Его Преосвященства Преосвященнейшего Евсевия, епископа Тобольского и Сибирского для обозрения церквей Тобольского и Березовского уездов. 1910 // ТЕВ. Отдел неофиц. 21, 495–502.
- Поездка Преосвященного Агафангела в г. Сургут и далее по рр. Ваху и Югану. 1896 // ТЕВ. Отдел неофиц. 19, 443–446.
- ПСЗРИ. 1830. Собр. 2. Т. III. Санкт-Петербург: III Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.
- Путинцев М.* 1892. Описание биографии всех Тобольских и сибирских архиепископов и митрополитов 1621–1891 гг. Омск: типография А.К. Демидова.
- РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1698.
- Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по ведомству православного исповедания. 1885 / Сост. Т. Барсов. Т. 1. СПб.: Синодальная типография.
- Священник М. Макаров.* Посещение Его Преосвященством, Преосвященным Варнавою, Епископом Тобольским и Сибирским Северного края. 1915 // ТЕВ. Отдел неофициальный 38, 577–580.
- Сулоцкий А. И.* 2000. Архиепископ Евгений (Казанцев) как архипастырь тобольский // Сочинения в трех томах: Т. 2. О сибирском духовенстве / Под ред. В.А. Чупина. Тюмень: издательство Ю. Мандрики, 215–284.
- Туров С. В.* Вместо предисловия. 2007 // Путевые журналы миссионеров Обдорской миссии (60–70-е гг. XIX в.): источники / сост., предисл. и коммент. В. Темплинг, вст. ст. и коммент. С. Турова. Тюмень: Мандр и Ка, 5–11.
- Устав духовных консисторий. 1883. СПб.: Синодальная типография.
- Устав Обдорского миссионерского братства во имя Святитя Гурия, архиепископа Казанского и Свияжского Чудотворца. 1904 // ТЕВ. Отдел офиц. 22, 351–356.
- Федоров В. А.* 2003. Русская православная церковь и государство. Синодальный период (1700–1917). Москва: Русская панорама.
- Цысь В. В., Цысь О. П.* 2011. Образование и просвещение на Севере Западной Сибири в XIX – начале XX вв. Нижневартовск: Нижневартовский гуманитарный университет.
- Шемановский И.* 1907. К вопросу о необходимости скорейшего открытия в Обдорске женской монастырской общины для усиления деятельности Обдорской миссии // Православный благовестник. Т. 3. 19, 123–128.

REFERENCES

- Abramov N. A.* In: Gorod Tiumen. Iz istorii Tobolskoy eparkhii [Tyumen City. From the history of Tobolsk Diocese]. Tyumen: Soft-Dizain, 1998. (In Russian).
- In: Surgutskii uезд v dokumental'nykh pamiatnikakh XVIII–XIX vv.: istochniki [Surgut district in documents sources of the 18th-19th centuries: Sources]. Comp. by V.Ya. Templing. Tyumen: Mand i Ka, 2006. pp. 116–118. (In Russian).
- State Archives in Tobolsk. Found I-144. Inv. 1. Case 87. (In Russian).
- State Archives in Tobolsk. Found I-156. Inv. 11. Case 788. (In Russian).
- State Archives in Tobolsk. Found I-353. Inv. 1. Case 531. (In Russian).
- Hieromonk Irinarkh.* Istoriia Obdorskoi Dukhovnoi missii (1854–1904) [History Obdorsk Ecclesiastical Mission (1854–1904)]. Moscow: Pechatnya A.I. Snegirevoy, 1906. (In Russian).
- Pravoslavie na Ob-Irtyshskom Severe: materialy k istoriko-kulturnomu atlasu [Orthodoxy in the Ob-Irtysh North: Materials to historical and cultural atlas]. Yekaterinburg: Basko, 2007. (In Russian).
- In: Tobolskiye eparkhialnye vedomosti [Tobolsk diocesan journal]. Vol. 21 (1910): 495–502. (In Russian).
- In: Tobolskie eparkhialnye vedomosti [Tobolsk diocesan journal]. Vol. 19 (1896): 443–446. (In Russian).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii Complete Collection of Laws of Russian Empire. Collection 2. Vol. III. Saint Petersburg: III Otdeleniye Sobstvennoy Ego Imperstorskogo Velichestva Kantselyarii [Third Section of His Imperial Majesty's Chancellery], 1830. (In Russian).

Putintsev M. Opisaniye biografii vseh Tobolskikh i sibirskikh arkhiepiskopov i mitropolitov 1621–1891 gg. [Biography of Tobolsk and Siberian archbishops and metropolitans 1621–1891]. Omsk: Tipografiya A.K. Demidova, 1892. (In Russian).

Russian State Historical Archive. Found 796. Inv. 442. Case 1698. (In Russian).

Sbornik deistvuiushchikh i rukovodstvennykh tserkovnykh i tserkovno-grazhdanskikh postanovlenii po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniia [Collection of existing and guiding church and church-civil resolutions in the Department of Orthodox confession]. Comp. by T. Barsov. Vol. 1. Saint Peterburg: Sinodalnaya tipografiya, 1885. (In Russian).

Clergyman Makarov M. In: Tobolskiye eparkhialnye vedomosti [Tobolsk diocesan journal], Vol. 38 (1915): 577–580. (In Russian).

Sulotskiy A. I. In: Sochineniia v trekh tomakh [Collection of works in 3 volumes]. Vol. 2. O sibirskom dukhovenstve [On Siberian clergy]. Ed. by V.A. Chupin. Tyumen: Izdatelstvo Yu. Mandriki, 2000. pp. 215–284. (In Russian).

Turov S. V. Puteviye zhurnaly missionerov Obdorskoy missii (60-70-ye gg. XIX v.): istochniki [Travel journals of Obdorsk missionaries (60-70-ies of the 10th century): Sources]. Comp. by B. Templing. Tyumen: Mandr i Ka, 2007. Pp. 5–11. (In Russian).

Ustav dukhovnykh konsistorii [Charter of spiritual consistories]. Saint Petersburg: Sinodalnaya tipografiya, 1883. (In Russian).

In: Tobolskiye eparkhialnye vedomosti [Tobolsk diocesan journal]. Vol. 22 (1904): 351–356. (In Russian).

Fedorov V. A. Russkaia pravoslavnaia tserkov i gosudarstvo. Sinodalnyi period (1700–1917) [Russian Orthodox Church and the state. Synodal period (1700–1917)]. Moscow: Russkaia panorama, 2003. (In Russian).

Tsys V. V., Tsys O. P. Obrazovanie i prosveshchenie na Severe Zapadnoi Sibiri v XIX – nachale XX vv. [Education and awareness in the North of Western Siberia in the 19th – early 20th centuries]. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk State University of Humanities, 2011. (In Russian).

Shemanovskii I. In: Pravoslavnyi blagovestnik [Orthodox evangelist]. Vol. 3. No. 19 (1907): 123–128. (In Russian).

O. P. Tsys

Nizhnevartovsk, Russia

INSPECTION VISITS OF TOBOLSK DIOCESAN BISHOPS AS A CHURCH MANAGEMENT ELEMENT OF THE 19th – EARLY 20th CENTURIES (IN NORTH OF WESTERN SIBERIA)

Abstract. The paper discusses the results of inspection visits made by Tobolsk diocesan bishops in the North of Western Siberia in the 19th – early 20th centuries. The author states that the personal visits of the bishops to Tobolsk Diocese played an important role in church management. At the end of each visit the bishop made important decisions concerning various church activities, such as missionary activities, education of the indigenous population, development and expansion of church staff, organizational and financial support, abolition of anti-pagan missions. The objective of christianizing the indigenous population involved the measures aimed at establishing and maintaining primary schools for children Ostyaks, Voguls and Samoyeds. The spread of Orthodoxy, catechesis of indigenous peoples were seen as an integral part of their education and inclusion in the socio-cultural environment of the Russian state. These were the areas with the most significant results.

Other problems the church authorities constantly kept in mind were personnel issues and material support of the clergy in sparsely populated and remote areas of the North. A visit would typically involve a monitoring of church exterior and interior, overseeing the state of the clergy's faith, morals, preaching and liturgical activities. The bishop gave instructions on how to improve the educational level of the clergymen.

The reforms aimed at improving the system of church government in Tobolsk North were less successful. The visit results included the solutions to current issues of the parish life, which involved personal management from the diocesan bishop, such as the construction of new churches, ordination to the clergy, awards for longstanding irreplaceable service, punishment for misconduct etc.

Key words: Tobolsk Diocese; diocesan bishop; inspection visits; missionary work; education; clergy.

About the author: Olga Petrovna Tsys, Candidate of Historical Sciences (PhD), Associate Professor at the Department of Russian History, Research Scientist of the Laboratory for Regional Historical Research.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(430).084

Л. Н. Беспалова
Нижевартовск, РоссияГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ
В СФЕРЕ ОХРАНЫ ДЕТСКОГО ТРУДА В ФАБРИЧНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается проблема привлечения к работе на промышленных предприятиях детей в Германской империи в XIX в. Особое внимание уделяется концу 80-х гг. XIX в., так как именно в этот период разворачиваются основные дебаты относительно общественной, экономической и морально-этической целесообразности эксплуатации труда этой категории наемных работников. Автор анализирует и сравнивает позиции по данному вопросу различных политических сил, имеющих доступ к принятию значимых государственных решений: Имперской партии, консерваторов, католической партии Центра, поддерживавшей внедрение превентивной охраны труда и, безусловно, национал-либералов, представлявших интересы промышленников. Дискуссионность проблемы законодательной регламентации детского фабричного труда выявляется на основе анализа стенографических отчетов Германского Рейхстага.

Особый интерес вызывает позиция главы прусского правительства, рейхсканцлера Отто фон Бисмарка. Несмотря на его активную деятельность в сфере социальной политики, его реформаторскую работу в сфере создания системы социального страхования рабочих именно в 80-е гг. XIX в., О. Бисмарк был категорически настроен против внедрения законодательства в сфере превентивной охраны труда.

Отдельное внимание автор уделяет результатам проведенной в марте 1890 г. в Берлине по инициативе императора Вильгельма II международной конференции по охране труда.

Ключевые слова: Вильгельм II; Отто фон Бисмарк; охрана труда; детский труд; фабричное законодательство; регламентация; эксплуатация; рейхстаг; бундесрат.

Сведения об авторе: Людмила Николаевна Беспалова, преподаватель кафедры документоведения и всеобщей истории.

Место работы: Нижевартовский государственный университет.

Контактная информация: 628605, г. Нижевартовск, ул. Ленина, д. 56, тел: 8(3466)273510, e-mail: biespalova_80@mail.ru.

Фабричное законодательство в государствах Германии берет начало с регламентации детского труда. Два прусских государственных института с начала XIX века стали решительно выступать за его ограничение. Первым поборником стала школа, которая высказалась за то, чтобы дети до определенного возраста проходили обучение, а значит на этот период не допускались к работе на фабриках. Вторым сторонником ограничения детского труда было военное ведомство, связывавшее недобор в армию с ранним вовлечением детей в производство. Им противостояли промышленники и сами рабочие, опасавшиеся лишиться необходимого подспорья в виде заработка детей (Чикалова 2002: 10).

Мнение сторонников регламентации оказалось более весомым, и 1839 г. в Пруссии был введен ограничительный закон, разрешавший прием на фабрики и рудники детей не ранее 9-летнего возраста и установивший для подростков максимальный 10-часовой рабочий день. Тем не менее, он почти не применялся. В 1853 г. был принят закон, расширивший правила 1839 г. Он допускал детей к работе уже с 12 лет и сокращал рабочее время 12–14-летних

рабочих до 6 часов в сутки. Данный закон оказался более действенным ввиду учреждения фабричной инспекции, сдерживавшей в определенной мере произвол промышленников. Но следует отметить, что инспекция в данный период была малочисленной и потому осуществляла свой надзор лишь «там, где окажется необходимость». Законы, пусть более умеренные, но все же защищавшие интересы детей, появились и в других германских государствах (в Баварии, Вюртемберге, Саксонии). Труд малолетних рабочих там разрешили с 10, а не с 12 лет, рабочий день подростков был ограничен до 9–10 часов, а не до 6, как в Пруссии. Прусский фабричный закон был распространен на всю территорию Германии только в 1869–1871 гг. (Чикалова 2002: 10).

Несмотря на достигнутые результаты, представители различных политических сил осознавали необходимость дальнейших реформ в сфере охраны труда. Имперская партия, представлявшая интересы крупной промышленной буржуазии, землевладельцев и верхушки бюрократии, через своих депутатов Гюнтера и Рихтера предложила 3 марта 1877 г. проект резолюции, в котором было выдвинуто требование

принятия закона о женском и детском труде (Sellier 1998: 68). В том же 1877 г. фракция Центра выдвинула в рейхстаге знаменитое «предложение Галена», которое в последующем расценивала как основу всей своей социально-политической деятельности. Граф фон Гален 19 марта 1877 г. предложил представить рейхстагу поправки к закону о порядке на производстве от 21 июля 1869 г. Одним из основополагающих пунктов в его заявлении был запрет привлечения детей до 14 лет к работе на фабриках (Ольховская 2014: 49). Впрочем, католическая партия, находившаяся в противостоянии с возглавлявшим прусское правительство О. Бисмарком, даже не надеялась, что ее предложение будет принято и станет основанием для внесения изменений в промышленный устав. «Предложение ни в коем случае не было бы принято», – было опубликовано 23 марта 1877 г. в «Центрумсбрифе» («Посланиях Центра») либеральной штутгартской газеты «Дойче Фольксблатт» («Германский народный листок»), – «но даже если бы произошло невозможное, это бы не сильно помогло. Недуг, которым больно сегодняшнее общество, засел так глубоко, что побороть его параграфами закона не представляется возможным» (Gabriel, Grosse Kracht 2005: 40). Тем не менее, представленное на рассмотрение рейхстага предложение 1877 г. позволило понять и четко сформулировать основные принципы дальнейшей социально-политической деятельности Центра, ориентированной, в первую очередь, на защиту фабричных рабочих.

На четвертой сессии рейхстага, 30 ноября 1886 г., фракцией Центра в лице Эрнеста Либера вновь было выдвинуто предложение, содержащее требование о запрете фабричного труда для детей в возрасте до 14 лет. Но рассмотрение данного предложения на текущей сессии не состоялось. Уже 14 января 1887 г. рейхсканцлер О. Бисмарк, выступавший противником дальнейшего развития системы государственной охраны труда, распустил рейхстаг, надеясь, что в результате новых выборов сформируется более лояльный ему состав (Voentert 2007: 256–257).

Действительно, выборы в рейхстаг в конце февраля 1887 г. привели, прежде всего, к усилению национал-либеральной фракции, которая в картели дружественных Бисмарку партий – национал-либералов, имперской партии и немецких консерваторов – заняла лидирующее место. Вместе картельные партии получили 220

мест и, тем самым, абсолютное большинство. При этом фракция социал-демократов из-за неравномерного деления избирательных округов и системы перебаллотировок потеряла мандаты.

Но, несмотря на казавшееся Бисмарку выигрышным изменение парламентских сил, ожидаемой им смены курса в сфере охраны труда не произошло. Напротив, не единожды откладывавшиеся в предшествующие годы дебаты были успешно завершены. Исходя из уже известных предложений Центра, комиссия рейхстага по охране труда сформулировала в мае 1887 г. расширенный законопроект по внесению изменений в промышленный устав (Stenographische Berichte 1887: 127–149). Впервые парламентарии всех крупных партий, состоявшие в комиссии, сошлись на полном запрете фабричной работы детей школьного возраста. Второе чтение проекта даже закончилось единогласным вотумом комиссии.

Этот результат на первый взгляд выглядит поразительным. В комиссии 1887 года – в отличие от предшествующих годов – не были представлены социал-демократы, вместо этого в нее входило большое число представителей со стороны работодателей. С другой стороны, можно предположить, что именно реорганизация комиссии способствовала успешному завершению подготовительных работ. Ведь требование «социал-демократических агитаторов», как и прежде, побуждали многих работодателей, консерваторов и депутатов Центра к самозащите, так что их отсутствие в комиссии лишь облегчало принятие непредвзятых, обоснованных решений (Voentert 2007: 258).

Председатель комиссии, национал-либерал Вильгельм Ойхельхойзер в 1886 г. в своей книге «Рабочий вопрос» («Die Arbeiterfrage») выступил за то, чтобы «фабричный труд детей младше 14 лет, т.е. до окончания школьного обучения, полностью запретить» (Oechelhäuser 1886). Таким образом, он предлагал разрешить непреодолимое противоречие между работой и обязательным школьным обучением. Но поскольку он предлагал комиссии запретить не только фабричный труд, но и любую другую форму оплачиваемого детского труда, большинство членов комиссии (13 против 4-х) отклонили этот вариант как чрезмерный. «Физический труд, если только при этом соблюдается мера..., не нанесет вреда школьнику, а действует бодряще и освежающе на тело и дух ребенка и ускорит его продвижение в будущей

профессии», – такой тезис содержал итоговый отчет комиссии. Отчет содержит также петиции двух мелких фабрикантов, владельца швейной фабрики Франца Роста и «бумажного фабриканта» Вильгельма Шурата из Брандиса. Их позиция заключалась в том, что, как и прежде, «... особенно многодетные семьи рабочих либо совсем не могут обходиться без детского труда, либо испытывают серьезную нужду, которая в первую очередь отражается на самих детях. Предложенное (Ойхельхойзером) предписание отнюдь не обеспечивает выход из тяжелого положения там, где это нужнее всего – в семье; это было неоднократно доказано, что в сфере кустарного производства нередко сами родители являются теми, кто из-за нужды или непонимания нещадно эксплуатирует своих детей как рабочую силу». В ответ на петиции депутатом из Берлина Карлом Баумбахом была высказана инициатива о распространении контроля фабричных инспекторов за детским трудом в ремесленном и кустарном производстве (Stenographische Berichte 1887: 137). Но большинство членов комиссии было убеждено, что такого рода планы поставили бы перед надзорными органами требования, «которые те при существующих обстоятельствах не могут удовлетворить». В результате рассмотрение вопроса об ограничении детского труда в кустарном производстве был отсрочено. Несколько беспомощным жестом выглядел запрос комиссии к «союзным правительствам» «как можно скорее представить в рейхстаг законопроект, который регулировал бы занятость детей на производстве помимо фабрик при должном внимании к их физическому, нравственному и интеллектуальному развитию».

Во втором и третьем чтении законопроекта об ограничении детского труда большая часть депутатов рейхстага следовала проложенным комиссией путем. Вновь было высказано предупреждение о том, что запрет детского фабричного труда «как изолирующая мера» детям скорее навредит, чем пойдет на пользу; что изгнанные из фабрик дети, поскольку их заработок многодетным семьям рабочих будет недостаточен, станут искать работу и заработок в кустарном производстве – и найдут. (Stenographische Berichte 1887: 797). Впрочем, обе альтернативы, как полный запрет фабричного труда, так и запрет детского труда в кустарном производстве, не нашли достаточного одобрения.

Вопрос о законодательном запрещении детского труда стал в конце концов, по меткому выражению депутата от партии Центра Франца Хитце, прямым «последствием всеобщего школьного образования» (Stenographische Berichte 1887: 130). Только на заключительном этапе, и с либеральной стороны, в первую очередь, были приведены экономические аргументы, обосновывающие планирующийся запрет детского фабричного труда. В заметном контрасте с ранними радикально-либеральными позициями (и в открытом противоречии с новыми петициями Центрального объединения немецких промышленников) левый либерал и фабрикант Райнхарт Шмидт заявил, к примеру, что немецкая экономика не только выдержит запрет детского труда, но и в перспективе получит из этого выгоду. Он рассуждал следующим образом: «Дешевый детский труд, низкие зарплаты воздействуют на энергию производителя, подавляют и парализуют его стремление совершенствовать организацию труда, они препятствуют также прогрессу в технике. Детский труд означает для промышленности застой и, тем самым, регресс, а ликвидация детского труда приведет с собой прогресс в технике, в промышленности и повышение зарплат взрослых рабочих». Запрет детского фабричного труда, по его мнению, усилит, наконец, давление на работодателей, заставит их «двигаться вперед и выйти из застоя», что приведет промышленность к оздоровлению.

Летом 1887 года большинством членов рейхстага было принято решение о переработке промышленного устава и новом запрете детского труда. Это решение вначале не дало практических результатов: прусское правительство и бундесрат, не отклоняя проект официально, просто его игнорировали. Но уже на следующей сессии рейхстага, зимой 1887/88 гг., не позволивший себя сломить Центр снова повторил предложение по изменению промышленного устава.

Только год спустя, 27 ноября 1888 г., глава правительства О. Бисмарк одобрил законопроект. Но одновременно он проинструктировал статс-секретаря имперского ведомства внутренних дел Генриха фон Бёттихера, своего представителя в Бундесрате, отклонить проект в палате земель. Соответственно «союзные правительства» 19 ноября 1888 г. не дали своего согласия на одобренный рейхстагом законопроект. От имени правительства фон Бёттихер сообщил в январе 1889 г. парламентарии-

ям, что, по мнению правительства, три основания говорят против дальнейших законодательных мер по охране труда фабричных рабочих: «Исходя из существующих обстоятельств, бундесрат не пришел к убеждению, что существует настоятельная необходимость в законодательном вмешательстве в том объеме, в каком это намерен предложить Рейхстаг в своих решениях; также бундесрат убежден, что благие цели рейхстага на том пути, которым предлагает следовать законопроект, даже приблизительно не могут быть достигнуты; и, в-третьих, союзные правительства не могут одобрить ограничение возможности рабочих использовать свои трудовые силы в максимальной мере, так как они обязаны в первую очередь заботиться об общественном благе» (Stenographische Berichte 1889: 556).

Зимой 1889 г., после крупной забастовки горнорабочих в Рурской области на повестку дня рейхстага снова были поставлены сразу несколько предложений по совершенствованию охраны труда. Безусловное влияние оказал и состоявшийся 14 июля того же года в Париже первый международный социалистический рабочий конгресс, вновь привлечший внимание общественности к необходимости социальных реформ. Тем не менее, реакция правительства оставалась неизменной: «не произошло ничего, что бы побудило бундесрат снова заняться этим вопросом и изменить отрицательную позицию».

Хотя фракции рейхстага вновь и вновь настаивали на корректировке закона и различные позиции в сфере охраны детского труда в 80-е гг. ощутимо сблизились, декада прошла без заметных изменений в этой области. Бисмарк был по многим причинам заинтересован в построении и развертывании законодательной системы социального страхования – это не в последнюю очередь было связано с надеждой превратить вновь образованные корпоративные союзы в разновидность оппозиционного парламента. Профилактической охране труда он, напротив, оказывал сопротивление на протяжении всего своего срока нахождения в должности рейхсканцлера. Он разделял точку зрения многих предпринимателей, что национальная самостоятельность в этой сфере может повредить конкурентоспособности немецких продуктов. Он отвергал также связанное с каждым охраняемым законом «бюрократическое вмешательство в семейную жизнь и свободную волю отдельных лиц» и предостерегал от финансо-

вых потерь, с которыми столкнутся рабочие при сокращении их рабочего времени. Согласно воспоминаниям Бёттихера, Бисмарк в деловой беседе с ним 7 января 1890 г. заявил, что он «не смог бы одобрить никаких изменений, находящихся в противоречии со всем его прошлым и его экономическими взглядами; он не хотел бы нести ответственность за ограничение возможности заработка для голодающих рабочих и их терпящих нужду вдов; он считает занятость молодых, выросших из школьного возраста рабочих, полезной для них и их семей и никогда не даст свое согласие на то, чтобы опьянение гуманностью в этой сфере привело к обстоятельствам, которые повредят отечественному хозяйству и приведут к недовольству рабочего класса» (Boentert 2007: 262).

Слова рейхсканцлера свидетельствуют, что он не был противником запрета фабричного труда детей школьного возраста. Также немецкий историк Вольфганг Айясс при анализе бисмарковских карандашных заметок на полях документов имперских и прусских министерств не нашел «ни одной критической заметки» рейхсканцлера относительно охраны труда работающих школьников младше 14 лет. Последние относящиеся к этому комментарии, которые О. Бисмарк оставил весной 1890 г. на полях предложения по охране труда, составленного саксонским правительством, даже говорят об его однозначном согласии на усиление охраны детского труда. В то время как саксонское правительство хотело сохранить статус-кво, канцлер отметил продвижение рейхстага в этой сфере как «именно полезное», поскольку детский труд на фабриках приводит к «увечьям детей». Вновь отразившись в предложении Саксонии опасениям, что запрет детского фабричного труда приведет к сознательному расширению детского труда в кустарном производстве, он противопоставил короткое требование: «От этого закон также должен защищать» (Boentert 2007: 263).

Эти малоизвестные высказывания О. Бисмарка имеют большое значение для объяснения застоя в сфере охраны детского труда: бесконечное откладывание этого вопроса было, вероятно, результатом объединения различных мер по охране труда в одном законопроекте. Поскольку О. Бисмарк отклонял все прочие составные части дополнений к промышленному уставу, он вынужден был блокировать и изменение положений по охране детского труда. Отдельный закон по охране детского труда,

вероятнее всего, довольно быстро получил бы требуемое одобрение рейхсканцлера и «союзных правительств». Но поскольку дела обстояли иначе, институциональные изменения начались только после снятия О. Бисмарка с должности весной 1890 г.

Очередная крупная забастовка горнорабочих в Рурской области весной 1889 г. выявила серьезные противоречия между канцлером Бисмарком и новым императором Вильгельмом II. В то время как Бисмарк хотел спровоцировать эскалацию ситуации или, по крайней мере, использовать ее для оправдания дальнейших санкций против социалистического рабочего движения, правивший первый год молодой император был заинтересован в мирном урегулировании конфликта. Когда же в декабре этого года снова поднялась волна забастовок, разногласия между Бисмарком и Вильгельмом II обострились.

Вступив в открытое противостояние со своим состарившимся на службе рейхсканцлером, молодой император надеялся благодаря социально-политическим инициативам добиться для монархии поддержки масс и широкого признания себя как правителя. Своевременные реформы должны были помочь избежать революционной опасности. Вероятно, на социально-политические взгляды Вильгельма повлияли также его учитель, суровый кальвинист Георг Хинцпетер и бывший придворный священник и основатель Христианско-социальной рабочей партии Адольф Штекер.

Одной из первых мер на пути императора к новому «популярному абсолютизму» – таким термином обозначил политику юного Вильгельма Бисмарк в своих «Воспоминаниях» – было издание 4 февраля 1890 г. двух указов, адресованных для исполнения рейхсканцлеру и двум прусским министрам общественных работ, промышленности и торговли соответственно. В этих «февральских указах» была обозначена необходимость «идти навстречу тем потребностям и желаниям рабочих, которые выявились во время забастовок последних лет или каким-либо другим образом». Среди прочего должны были подвергнуться проверке действующие предписания промышленного устава «об условиях труда фабричных рабочих». Эта проверка «должна была исходить из того, что одной из задач государства является так регулировать время, продолжительность и вид работы, чтобы сохранение здоровья и моральных норм, материальные запросы рабочих

и их потребность в правовом равенстве соблюсти» (Voentert 2007: 264).

Уже 24 января 1890 г. Вильгельм конкретизировал свои социально-политические требования на срочном заседании королевского совета, в том числе поднял вопрос о законодательном запрете работы женщин по ночам и в выходные дни. Предлагалось запретить работу рожениц в последние три недели беременности и в первые три недели после родов. В сфере государственной охраны труда детей и молодежи разработки Вильгельма II не содержали никаких новых требований. С одной стороны, он не хотел ухудшить материальное положение рабочих, что при запрете детского фабричного труда по крайней мере в первое время было вероятно. С другой стороны, он опасался, что «дети, в особенности мальчики и девочки подросткового возраста, будут «болтаться» вне дома, что приведет к падению нравов» (Tennsted 1981: 195). Также Вильгельму, вероятно, были известны опасения промышленников, что введение более строгих национальных правил охраны труда значительно обременит конкурентоспособность отечественной промышленности. Но вместо того, чтобы безоговорочно согласиться с этими аргументами, Вильгельм II дал прусскому правительству в лице рейхсканцлера поручение, провести переговоры с правительствами ведущих индустриальных государств и добиться международных договоренностей в сфере охраны труда.

Подготовительные работы к международной конференции по охране труда, несмотря на интриги Бисмарка, прошли оперативно: уже 15 марта 1890 г. состоялось открытие 14-дневного собрания в Берлине. Вопреки ожиданиям (и пожеланиям) канцлера, 12 европейских правительств послали своих представителей: Бельгии, Дании, Франции, Великобритании, Италии, Люксембурга, Нидерландов, Австро-Венгрии, Португалии, Шведско-норвежской унии, Швейцарии и Испании. Посланник Ватикана также принял участие в переговорах. При этом, в практическом отношении конференция принесла скудные результаты, «ни к чему не обязывающий каталог пожеланий». Но принятия общеобязательных норм от этой первой конференции в любом случае не следовало ожидать. Во-первых, большинство собравшихся чиновников не были наделены соответствующими полномочиями. Во-вторых, состояние фабричного законодательства и готовность к государственному вмешательству в сферу

производства в европейских странах была настолько разной, что принятие единых требований представляло собой сложнейшую задачу. Кроме того, оставался открытым вопрос, как реализация международных социально-правовых норм могла соблюдаться без нарушения суверенитета национальных государств.

Основная дискуссия на конференции развернулась вокруг определения возрастной границы допуска к фабричному труду. В то время как Швейцария и Австрия предлагали установить минимальный возраст в 14 лет, Франция и Великобритания выступали за возрастную границу в 12 лет. Делегации Италии и Испании и вовсе категорически воспротивились устанавливать для всех государств обязательный допустимый возраст. Наконец, в качестве компромисса для большинства государств была предварительно установлена возрастная граница в 12 лет, для южноевропейских – 10. Дополнительно, в соответствии с пожеланиями германских участников конференции, предлагалось, «чтобы допущенные на промышленные предприятия дети прежде проходили начальное обучение». Особенно сложным оказалось определение единой максимальной продолжительности рабочего дня для детей. Немецкое предложение – 6-часовой рабочий день при получасовом перерыве – было отклонено в первую очередь Италией, Венгрией и Бельгией. Италия и Венгрия проголосовали за 8-часовой рабочий день. Бельгийская делегация пошла еще дальше: сокращение рабочего времени для 12–16-летних менее чем до 12 часов ежедневно было названо ими совершенно неприемлемым. Но в конце концов большинство высказалось за предложение представителей Германии. Единогласие было достигнуто только при обсуждении запрета работы детей младше 14 лет по ночам, в выходные и праздничные дни (Boentert 2007: 267).

Состоявшаяся в 1890 г. международная конференция едва ли стала для Германской империи источником новых идей в сфере охраны детского труда. В лучшем случае она подтвердила требования рейхстага и многочисленных специалистов, настаивавших на полном удалении детей школьного возраста из фабрик. Тем не менее, значение международного съезда не следует и преуменьшать: с него начался «новый курс» в немецкой социальной политике. Во-первых, конференция по охране труда выявила то, что забота о международной конкурентоспособности более не способна блокировать дальнейшее развитие законодательства об охране труда. В тех государствах, где охрана детского труда прежде не соответствовала общественным нормам, теперь были «воздвигнуты моральные барьеры, за которыми законодательство... не могло оставаться». Во-вторых, само проведение конференции воспринималось как «окончательное поражение Бисмарка в его борьбе против превентивной государственной охраны труда». Еще в то время, когда иностранные гости заседали в Берлине, канцлер – под давлением императора – попросил о своей отставке. 20 марта 1890 г. Вильгельм II принял прошение, завершив эру Бисмарка, в том числе и в социальной политике (Boentert 2007: 267).

Законодательный запрет на использование детского труда власти Германской империи приняли лишь в 1891 г., подняв допустимый возраст до 13 лет. Понадобилось 38 лет, чтобы повысить всего на один год возраст подростков, допускавшихся к работе в промышленности. Тем не менее, законодательная регламентация труда, достигнутая к исходу XIX в., смягчала крайние формы эксплуатации детей. Была создана база для последующего расширения трудовых прав, их распространения на новые группы трудящихся.

ЛИТЕРАТУРА

- Ольховская О. В. 2014. Партия «Центр» в Германии 70-х годов XIX века: организация, идеология, политическая практика: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Брянск.
- Чикалова И. Р. 2002. Женский и детский труд в странах Западной Европы и США в XIX веке // Женщины в истории: возможность быть увиденными: сборник науч. ст. Вып. 2 / под ред. И.Р. Чикаловой. Минск: БГПУ, 148–170.
- Boentert A. 2007. *Kinderarbeit im Kaiserreich 1871-1914*. Paderborn: Ferdinand Schöningh.
- Gabriel K., Grosse Kracht H.-J. 2006. Franz Hitze (1851-1921), Sozialpolitik und Sozialreform: «beginnen wir einmal praktisch». Paderborn: Schöningh.
- Oechelhäuser W. 1886. *Die Arbeiterfrage*. Berlin: Julius Springer.
- Sellier U. 1998. *Die Arbeiterschutzgesetzgebung im 19. Jahrhundert. Das Ringen zwischen christlich-sozialer Ursprungsidee, politischen Widerständen und kaiserlicher Gesetzgebung*. Paderborn: Schöningh.
- Tennstedt F. 1981. *Sozialgeschichte der Sozialpolitik in Deutschland. Vom 18. Jahrhundert bis zum Ersten Weltkrieg*. Göttingen: Vandenhoeck and Ruprecht.
- Stenographische Berichte [und Anlagen] über die Verhandlungen des Reichstages des Norddeutschen Bundes. 1887. Bd. III. Nr. 21-23.

- 9 Sitzung. 16 Marz 1887. / Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstages. Bd. I.
 38 Sitzung. 08 Juni 1887. / Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstages. Bd. II.
 25 Sitzung. 23 Januar 1889. / Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstages. Bd. III.

REFERENCES

- Olkhovskaya O. V.* Partiya «Tsentr» v Germanii 70-kh godov XIX veka: organizatsiya, ideologiya, politicheskaya praktika: Avtoref. dis. ... kand. ist. Nauk [The German Center Party of 1870-s: organization, ideology, political activity: An author's abstract of the thesis for the degree of Candidate of Historical Sciences]. Bryansk, 2014. (In Russian).
- Chikalova I. R.* In: Zhenshchiny v istorii: vozmozhnost byt uvidennymi [Women in history: An opportunity to be seen: A collection of studies]. Vol. 2. Ed. by I.R. Chikalova. Minsk: Belarusian State Pedagogical University, 2002. pp. 148–170. (In Russian).
- Boentert A.* Kinderarbeit im Kaiserreich 1871–1914. Paderborn: Ferdinand Schöningh. 2007.
- Gabriel K., Grosse Kracht H.-J.* Franz Hitze (1851–1921), Sozialpolitik und Sozialreform: «beginnen wir einmal praktisch». Paderborn: Schöningh. 2006.
- Oechelhäuser W.* Die Arbeiterfrage. Berlin: Julius Springer. 1886.
- Sellier U.* Die Arbeiterschutzgesetzgebung im 19. Jahrhundert. Das Ringen zwischen christlich-sozialer Ursprungsidee, politischen Widerständen und kaiserlicher Gesetzgebung. Paderborn: Schöningh. 1998.
- Tennstedt F.* Sozialgeschichte der Sozialpolitik in Deutschland. Vom 18. Jahrhundert bis zum Ersten Weltkrieg. Göttingen: Vandenhoeck and Ruprecht. 1981.
- Stenographische Berichte [und Anlagen] über die Verhandlungen des Reichstages des Norddeutschen Bundes. 1887. Bd. III. Nr. 21–23.
- 9 Sitzung. 16 Marz 1887. In: Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstages. Bd. I.
 38 Sitzung. 08 Juni 1887. In: Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstages. Bd. II.
 25 Sitzung. 23 Januar 1889. In: Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstages. Bd. III.

L. N. Bespalova
Nizhnevartovsk, Russia

PUBLIC POLICY OF GERMAN EMPIRE CONCERNING CHILD LABOUR PROTECTION IN FACTORY INDUSTRY

Abstract. This study considers the issue of child labour at industrial enterprises of German Empire in the 19th century. The author gives special attention to the period of late 1880-s, as it was the time when the public was actively debating the economic, moral and ethical rationale for exploiting children as a category of hired employees. The paper analyses and compares the views of different political forces able to make relevant decisions, including the Imperial Party, the Conservatives, the German Centre Party supporting preventive labour protection and the National Liberals protecting the industrial interests. The author establishes the fact the issue of child labour was under much public and legislative discussion based on analysis of stenographic reports of German Reichstag.

The viewpoint of the Prussian government leader, Reichschancellor Otto von Bismarck, is of particular interest. Despite his active position in social politics and his reforms in the social security system in the 1880-s, Otto von Bismarck was turned against introducing the legislation in the field of preventive labour protection.

The author pays special attention to the results of the International Conference on Labour Protection held in March 1890 in Berlin and initiated by the Emperor Wilhelm II.

Key words: William II; Otto von Bismarck; labour protection; child labour; factory legislation; regulations; exploitation; Reichstag; Bundesrat.

About the author: Ludmila Nikolaevna Bespalova, Lecturer at the Department of Document Science and General History.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University.

УДК 94 (410)

В. Н. Ерохин
Нижневартовск, Россия

ЦЕРКОВЬ АНГЛИИ В ПРЕДРЕФОРМАЦИОННЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XVI в.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с оценкой внутреннего состояния церкви Англии и роли церкви в английском обществе накануне Реформации в первые десятилетия XVI века.

При изучении этих проблем в современной британской исторической науке продолжается полемика между либеральным и ревизионистским направлениями для прояснения причин Реформации в Англии. В рамках либеральной концепции понимания Реформации в Англии восприятие реформационных идей англичанами объясняется, в первую очередь, привлекательностью протестантизма для образованных англичан, способностью протестантского мировоззрения лучше удовлетворить духовные искания и запросы образованной и наиболее экономически активной части английского общества. В объяснении причин Реформации либе-

ральные историки выводят на первый план недостатки в жизни церкви Англии в первые десятилетия XVI века: экономические, административные злоупотребления духовных лиц, недостаточное внимание к удовлетворению духовных запросов наиболее заинтересованных в религиозной жизни прихожан, в результате чего в Англии появился антиклерикализм, неудовлетворенность деятельностью церкви. В результате этого разрыв церковно-административных связей с Римом по политическим причинам в 1534 году по воле правящего монарха Генриха VIII (1509–1547), согласно либеральной концепции английской Реформации, вполне соответствовал уже сложившимся духовным запросам английского общества.

Ревизионистская концепция в понимании происхождения Реформации в Англии объясняет церковно-административный разрыв с Римом политическими причинами, стремлением королевской власти в Англии стать полностью самостоятельной во внутренней и внешней политике. В связи с этим Реформация рассматривается как явление политической истории, в происхождении которого духовные сомнения и религиозные поиски английских церковных деятелей и интеллектуалов не были решающим фактором в происхождении и утверждении Реформации, а только способствовали установлению протестантизма в Англии как официальной религии.

Ключевые слова: Церковь Англии; Реформация; причины Реформации в Англии; современная британская историография; либеральное направление; ревизионистское направление.

Сведения об авторе: Владимир Николаевич Ерохин, доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения и всеобщей истории.

Место работы: Нижневартковский государственный университет.

Контактная информация: 628626, г Нижневартовск, ул. Мира, д. 36; тел.: 8(3466)273510; e-mail: erohin_vladimir@inbox.ru.

В 2017 году исполняется 500 лет событию, которое в странах протестантской культуры и в научно-историческом сообществе рассматривается в качестве начала Реформации в Европе. Сохранившиеся об этом событии свидетельства в виде рассказа о том, как 31 октября 1517 года основоположник Реформации в германских землях Мартин Лютер (1483–1546) прибил к дверям Замковой церкви в саксонском городе Виттенберге 95 тезисов, написанных им против индульгенций, несут в себе элемент легендарности. Исследователи истории Реформации пришли к согласию в том, что эти известия далеко не ясны в отношении своей достоверности. Но самым важным по своим последствиям в данном случае оказалось не совершённое действие как таковое, а идейное влияние взглядов Мартина Лютера, которые, благодаря существованию книгопечатания, смогли распространиться далеко за пределы Саксонии, фактически по всей Европе и даже за пределы европейского континента. Раскол западного христианства на католическую и протестантскую духовные традиции, возникший под влиянием распространения текста 95 тезисов в XVI веке, повлек за собой отнюдь не только идейные, но вполне ощутимые материальные, вышедшие далеко за церковно-религиозные рамки последствия. Реформация стала одним из крупнейших явлений не только западноевропейской, но и мировой истории. Влияние протестантской духовной традиции преобразило Западную Европу. В определённом смысле, в раннее Новое время в ходе изменения соотношения сил меж-

ду католическими и протестантскими западноевропейскими государствами реализовались пророческие слова из Евангелия от Матфея о том, что «Так будут последние первыми, и первые последними» (Мф. 20:16). Воспринявшие протестантизм страны стали превращаться в наиболее развитую в экономическом отношении часть Европы.

Восприятие идей Реформации повлекло за собой кардинальные изменения в развитии Англии. В изучении происхождения английской Реформации по сей день важной проблемой остается рассмотрение состояния церкви Англии и духовно-религиозной жизни английского общества накануне церковно-административного разрыва с Римом в 1534 году и начала английской Реформации. Изучение истории Реформации в британской историографии разворачивается в полемике между консервативным и либеральным направлениями в британской исторической науке. Либеральные историки традиционно высоко оценивают значение Реформации в истории Англии – в их толковании, утверждение религиозных свобод стало, в сущности, исходным пунктом в развитии политического либерализма, стимулируя также и развитие предпринимательства. Во второй половине XX века крупнейшим достижением в изучении истории Реформации в британской исторической науке стала либеральная концепция Реформации, обоснованная Артуром Джефффри Диккенсом (1910–2001). По его мнению, Реформация изменила мировоззрение англичан, в результате чего этот народ оказал

своё «удивительное влияние на развитие западной цивилизации». Свою концепцию в понимании английской Реформации А. Дж. Диккенс тщательно выстраивал не через рассуждения общего характера, а детальным изложением и анализом подобранных им фактов, чтобы подвести читателя к своим выводам. Главная задача историка, в его представлении, состоит в том, чтобы объяснить, как события развернулись именно таким образом (Dickens 1973:5).

По мнению А. Дж. Диккенса, многое в религиозных верованиях англичан накануне Реформации в XV – начале XVI вв. ещё оставалось традиционным. Традиционная религиозность в английском обществе этого времени была равно распространена и в социальных верхах, и в народной массе, отвечала определенной социальной потребности, давала чувство связи с предками, оказывала ещё плодотворное воздействие на культуру. Большинство англичан, считал А. Дж. Диккенс, особо не интересовалось богословием, но и агностицизм, атеизм не имели распространения. По его мнению, не считая тех, кто из англичан был знаком с реформаторскими идеями Дж. Уиклифа (1330–1384) и его последователей лоллардов («бедных священников»), до последних лет правления короля Генриха VIII Тюдора (1509–1547) мало кто требовал реформ в литургии (Dickens 1973: 14–18, 20–24, 27).

К началу XVI века в Англии уже сложились определенные традиции и в политическом противостоянии, и в богословской полемике с Римом. Ещё до XVI века в отношениях между Англией и Римом происходили конфликты, которые, как отмечал А. Дж. Диккенс, повлияли на развитие законодательства в Англии. Три статута Praemunire (1353, 1365 и 1393 годов) имели своей целью предотвратить покушения со стороны папы на права короны в церкви Англии и угрожали тем, кто обращается в Рим, невзирая на запреты монарха, конфискацией имущества. Но использовались эти статуты с учётом того, была ли сильна в данный момент королевская власть. С приходом к власти династии Тюдоров при первом ее представителе Генрихе VII (1485–1509) влияние королевской власти в отношениях с Римом усиливалось. Но в его правление по-прежнему существовало право неподсудности духовенства светским судам при совершении преступлений, и преступники даже могли избежать наказания, приняв духовное звание. Крупнейшие монастыри имели право предоставлять убежище преступ-

никам, если те давали клятву подчиняться настоятелю монастыря. Это право убежища по требованию королевской власти не распространялось на дела о государственной измене (Dickens 1973:127–130).

Либеральные историки английской религиозной Реформации среди ее идейных предшественников всегда рассматривают Дж. Уиклифа, который своими взглядами, по сути дела, защищал интересы английской короны во время Столетней войны (1337–1453), и по этой причине власти в Англии не реагировали на призывы к осуждению Уиклифа и на соответствующие буллы, присылаемые из Рима. Идеи Уиклифа подготавливали почву для восприятия реформационных идей в Англии. Этот предшественник протестантизма причислял к истинной церкви только тех, кого Бог предопределил к спасению, отвергал доктрину трансубстанции (сверхъестественного превращения хлеба и вина в Евхаристии в Кровь и Тело Христа) как новшество и утверждал, что Тело и Кровь Христовы присутствуют в Евхаристии не телесно, а лишь духовно. Из идей последующих реформаторов Уиклиф не выдвинул разве что лишь только сформулированную Лютером доктрину оправдания одной верой. Последователи Уиклифа Николас Геререфорд и Джон Перви сделали переводы Библии, которые стали основой её лоллардистских версий, продолжавших распространяться в рукописях вплоть до начала Реформации в Англии. Лолларды осуждали церковные колокола, образа, паломничества, чистилище, притязания папы на власть над чистилищем.

Массу свидетельств о лоллардизме приводит в своём труде «Деяния и памятники церкви Англии» крупнейший протестантский историк XVI века Джон Фокс (1517–1587), ссылаясь на записи епископов, заметки в приходских книгах, в материалах церковных судов. (Dickens 1973: 41–46, 51–53). А. Дж. Диккенс придерживался мнения, что в английском обществе накануне Реформации существовали антиклерикальные настроения, в формирование которых внес вклад лоллардизм. В сознании англичан проявлялась также потребность освободиться от контроля иерархии, от канонического права. В целом, по мнению британского историка, лоллардизм был «уклончивым, негероическим и подпольным движением», но эти черты помогли ему избежать уничтожения (Dickens 1973: 54–55). Влияние лоллардов на дальнейшее развитие Реформации состояло ещё в том,

что лолларды были союзниками и в определенной мере вдохновителями тех антиклерикальных сил, которые сделали возможным осуществлённый Генрихом VIII разрыв с Римом, способствовали появлению в Англии районов, где население стало восприимчивым к протестантизму. Лоллардизм сформировал образ личностной по характеру верований, опирающейся на Писание, не уважающей таинства и церковную иерархию формы религии, решающую роль в исповедании которой играли светские лица. Для лоллардов был вообще характерен антиинституционализм, что отталкивало от них правящие классы (Dickens 1973:60).

По мнению А. Дж. Диккенса, внесла свой вклад в формирование антиклерикальных настроений в английском обществе накануне Реформации также деятельность Томаса Уолси – папского легата и лорда-канцлера. Его стремление к усилению суда канцлера, к повышению налогообложения в парламенте, к увеличению собственных доходов за счёт церковного имущества, оттеснение от дел юристов общего права путём усиления суда канцлера усилили антицерковные настроения, породили у англичан антипатию к римской юрисдикции в церкви Англии (Dickens 1973: 63–65). При этом в церкви Англии не было засилья иностранцев на административных должностях – случаи назначения иностранцев были единичны (Trevor-Roper 1988:187). Среди епископов при Генрихе VIII большинство были юристами, преимущественно гражданского права и, в меньшей степени, канонического права. Епископов обычно активно использовали на государственной, королевской службе, и они фактически не были духовными лидерами в церкви, что облегчило действия Генриха VIII в ходе Реформации: даже консервативно настроенные епископы понимали Реформацию как политический акт. Важной группой в церкви были держатели плюралитетов (лица, совмещавшие несколько должностей) – пребендарии, деканы, архидиаконы. Они также были сторонниками короля (Dickens 1973: 68–71).

Объясняя причины распространения протестантизма в Англии, А. Дж. Диккенс предполагал, что некоторые лица пришли к нему, признав его идейную привлекательность, а некоторые – из-за ненависти к иерархическим церковным структурам. Протестантизм в Англии стал развиваться на волне критицизма. Но у него были и свои позитивные утверждения, соответствовавшие условиям XVI века, что выразилось

в стремлении распространить английский перевод Нового Завета, подготовленный одним из первых английских реформаторов Уильямом Тиндейлом (1494-1536) и отпечатанный в Антверпене в 1526 году, поскольку это удовлетворяло духовные потребности наиболее заинтересовавшихся религиозными вопросами англичан (Dickens 1973:102–105).

Либеральная концепция понимания происхождения Реформации в Англии в 1970–80-е годы была оспорена представителями ревизионистского направления, самым известным из которых является Кристофер Хейг (р. 1944). По его мнению, либеральную интерпретацию Реформации удобно излагать в виде рассказа: история Реформации становится обозримой, укладывающейся в определённые рамки, но при этом становится упрощённой, в то время как историк должен стремиться показать прошлое во всем его разнообразии и сложности (The English Reformation Revised 1990:33).

Новое понимание хода английской Реформации, которое может быть достигнуто сейчас, обусловлено расширением источниковой базы в её изучении в течение нескольких прошедших десятилетий, когда происходило интенсивное изучение неопубликованных рукописных материалов в центральных и местных архивах. В результате сейчас есть возможность брать сведения о том, в каком состоянии была церковь Англии, не из критических выступлений сторонников реформ, а из материалов церковных судов – книг консисторий (consistory act books), показаний под присягой (deposition books), конкретных дел о судебных разбирательствах (cause papers). Становится гораздо яснее, что на самом деле делали церковные суды, из материалов делопроизводства, а не из обвинений тех, кто стремился дискредитировать церковное правосудие. Стали также изучаться доклады о визитациях, завещания, годовые отчёты церковных старост.

В концепции истории Реформации А. Дж. Диккенса видны характерные черты, присущие либеральному историзму, и даже более ранние историографические паттерны. К. Хейг утверждает, что главная работа А. Дж. Диккенса – это усложнённая и утончённая версия той истории, которую впервые рассказал Джон Фокс в 1563 году в своем труде «Деяния и памятники английской церкви». При всём обилии содержащегося в нем достоверного фактического материала Фокс выступал в нём, в сущности, также и апологетом протес-

тантизма в Англии, своим трудом создал образец протестантской пропаганды с тем, чтобы способствовать делу дальнейшей Реформации в Англии, дискредитируя «исповедовавших ложную религию кровожадных католиков» и превознося «истинных смиренных мучеников и служителей Бога» (Foxe 1846: 587–588).

Как и другие либеральные историки, А. Дж. Диккенс считал необходимым искать глубокие причины долговременного характера для объяснения событий периода Реформации. Но его концептуальная схема, как считает К. Хейг – пример характерного для либеральных историков эволюционистского понимания историзма, когда утверждается, что предыдущая стадия исторического развития готовила все необходимое для того, чтобы это развитие вышло именно на эту следующую стадию. В известном смысле историческое развитие общества так и происходит – но в развитии общества есть и перерывы постепенности, качественно новые явления. Современные критики концепции Диккенса отмечают и то, как внезапные изменения в сфере политической жизни того или иного общества могут придать другое направление ходу развития событий (примеры этого есть в истории Англии XVI века, и в английской истории других периодов, в целом их можно обнаружить в истории практически любой страны). Диккенс рассуждает о причинах Реформации, и легко находит эти причины – если Реформация произошла, это искушает сделать вывод о том, что она была подготовлена долговременными процессами и необходима. Данный подход, к тому же, настраивает и на поиски недостатков в церкви.

Либеральные историки понимали Реформацию как результат совокупного действия ряда «прогрессивных» процессов: подъёма антиклерикализма, современного государства, рационализма, гуманизма, протестантизма, среднего класса, капитализма, и происшедшего на этом фоне упадка феодализма, монашества, католицизма и власти духовенства. В методологическом отношении такой подход К. Хейг называет «упрощенчески вигским». Вигская, либеральная версия истории телеологична – она ищет причины известного результата, объясняя их действием сил модернизации, и демонстрируя, как «плохое старое прошлое» уходит, и ему на смену приходит «блестящее будущее». Получается, что Англия отказалась от католицизма и восприняла протестантизм под влиянием «сил прогресса». Эта объяснительная схема

соблазнительно проста: выделяется значительное изменение, подбираются подходящие свидетельства его появления. Сложное взаимодействие одновременных событий редуцируется в серию действующих прогрессивных факторов, которые могут быть проиллюстрированы соответствующими примерами, вырванными из своего специфического контекста. В предреформационный период в жизни церкви Англии позитивные элементы церковной жизни, удовлетворенность церковью игнорируются, поскольку из них нельзя вывести появление реформаторских сил. Это очень избирательный подход к истории: он преувеличивает значение конфликтов, изменений и представляет одностороннюю картину действия сил протеста, которые одержали победу. Изменения кажутся легко происходящими, если удаляются из описания событий противники этих изменений, или эти противники изображаются как глупые старые чудаки, которым был уготовано поражение (Haigh 1993: 16). Но такой дистиллированный вариант истории – это иллюзия, прошлое таким не было. Религиозные изменения в Англии в XVI веке, общественные изменения вообще развиваются не благодаря действиям одной группировки, а во взаимной борьбе сторон. По словам К. Хейга, вигская историография использует несовершенные и недостаточные методы, которые дают слишком упрощённое, несбалансированное и вводящее в заблуждение видение английской Реформации.

Многие современные британские историки, занимающиеся проблемами истории Реформации, обращают внимание на то, что к недостаткам позднесредневековой церкви нужно подходить более исторично (Bossy 1985: 1–75; Thomas 1971: 27–188). По словам К. Хейга, «к лучшему это было или к худшему – никакой религиозной Реформации в начале XVI века не было видно даже на горизонте, и вообще не просматривалось каких-либо значительных вызовов и угроз авторитету церкви» (Haigh 1993: 11, 37–39).

Подчинение епископата началось в Англии ещё при Генрихе VII Тюдоре, когда служба у короля стала основой для продвижения на высшие церковные должности. Формально власть монарха над церковью в дореформационный период была ограничена, но на практике она была значительной. Монархи, например, использовали предписания по изъятию (writs of prohibitions) некоторых судебных дел из церковных судов в королевские суды, а также осо-

бые предписания (*writs of praemunire*), которые запрещали рассмотрение дела в церковном суде по делам, которые считались находящимися в королевской юрисдикции. Монархия и светские юристы настаивали, что церковная собственность, права патронажа, которыми обладала церковь, были подчинены как церковным судам, так и общему праву (*common law*). Потенциально существовала основа для трений между монархией и церковью, но какое-либо конкретное выражение, по словам К. Хейга, «все это обретало редко» (Haigh 1993: 6–7).

Церковь Англии в предреформационный период, как отмечают исследователи, не была в такой степени, как на европейском континенте, затронута так называемой «порчей церкви». Многие епископы в это время проявляли реальную заботу о подчиненном им духовенстве, о выполнении священниками обязанностей по отношению к прихожанам, а церковные суды давали возможность для удобного решения местных проблем без больших финансовых расходов (Houlebrooke 1979: 10–11, 95–96, 114–115, 271–272). Только действия реформаторов блокировали возможность дальнейших спокойных реформ в рамках существовавшей церковной организации.

По мнению К. Хейга, события Реформации в Англии следует называть «религиозными реформациями» во множественном числе. Религиозная Реформация не была ограничена только временем правления династии Тюдоров, и религиозные преобразования не представляли собой связной программы, имели только ограниченный успех, не сделали церковь и народ в XVI веке ярко выражено протестантскими. Поэтому впоследствии были попытки более энергичной Реформации в середине XVII века, когда были введены пресвитерианские по характеру формы церковного управления и религиозного культа, а также в конце XVIII века, когда методисты и евангелисты предложили «более пылкую веру тем, чья протестантская вера была лишь номинальной или минимальной» (Haigh 1993: 12).

К. Хейг оспаривает мнение, что Реформацию в Англии можно рассматривать только лишь как локальное проявление более широкого общеевропейского движения. Вместе с тем, английские реформаторы заимствовали идеи Лютера, Цвингли и Кальвина, и в этом смысле стали протестантами, частью более широкого европейского явления. Но как раз события на континенте привели к тому, что Генрих VIII в

религиозных реформах пошел своим, более умеренным путем, в результате чего английская Реформация не следовала ни одному европейскому образцу (Haigh 1993: 12). Реформация в Германии и Швейцарии протекала бурно, с уничтожением алтарей и образов. В Англии же, особенно вне Лондона, алтари и образа аккуратно убрали на основе правительственных распоряжений, а потом, бывало, ещё и прятали на случай, если они опять понадобятся. На континенте в некоторых областях Реформация проходила за недели, месяцы, во всяком случае, везде она прошла за несколько лет, в отличие от Англии, где от первых настоящих нападков на церковную юрисдикцию в 1532 году до первой настоящей церковной службы по протестантским образцам в 1552 году прошло 20 лет. Европейская Реформация обычно проходила последовательные логичные стадии, развивавшиеся от появившихся нападков на католическую доктрину до обращения народа в протестантизм. В Англии подобные события не происходили быстро и последовательно как этапы заранее спланированной программы или как движение протеста: они были случайностями повседневной политики и следствием борьбы за влияние и власть (Haigh 1993: 13). К. Хейг заявляет даже, что декларируемые либеральными историками причины Реформации – кризис и разложение позднесредневековой церкви, враждебность светских лиц по отношению к церкви, выделяемые как её причины на европейском материале – в Англии могут оказаться иллюзиями, которые сформировались под влиянием приверженности либеральному историзму. Начало Реформации может быть объяснено политическими причинами как результат борьбы существовавших группировок за влияние и должности (The English Reformation Revised 1990: 2–3, 6). Сомнительное отношение к Реформации в Англии и остальных европейских странах, по мнению К. Хейга, имеют также гуманизм, рационализм – эти интеллектуальные течения активно развивались и в тех странах, которые остались католическими (Haigh 1993: 20).

Ревизионисты отстаивают мнение, что Реформация должна, скорее, рассматриваться как совокупность зависящих от многих приводящих обстоятельств событий, которая всё же имела тенденцию к укоренению в стране и к победе. Отдельные стадии проведения Реформации в стране растянулись более чем на 30 лет, а каждый новый шаг в её развитии пред-

принимался властями, не исходя из заранее спланированной повестки, а потому, что отвечал в данный момент непосредственным интересам монархов и политиков. К. Хейг даже заявляет, что в Англии произошла «эрзац-Реформация», которая была «анемичным суррогатом европейской Реформации» (The English Reformation Revised 1990: 7).

Реформацию в Англии двигала расстановка политических сил в стране, определенный элемент случайности, проявившийся в наследовании английского престола в XVI веке. Историки-ревизионисты активно подчеркивают характерный для консервативной британской историографии тезис о том, что решающее влияние на историческое развитие страны оказывает то, что происходит в политической сфере, и заявляют, что приоритетной исследовательской областью должна оставаться политическая история.

Вместе с тем, ревизионисты отмечали, что такое крупное явление, как Реформация, трудно представить лишь как результат махинаций придворных группировок и их борьбы за власть. Непопулярная Реформация не могла быть такой мирной, какова была Реформация в Англии. Поэтому ревизионисты считают, что утверждение Реформации в стране было ещё и свидетельством большого влияния королевской власти, престижа монархии и важнейших решений, которые исходили от всех монархов. К тому же, наказания за государственные преступления при Тюдорах были очень жёсткими, и непослушание было буквально смертельно опасно (Redworth 1986: 42–67).

Хотя ревизионисты оспаривают значение долговременных причин Реформации, это не значит, что не было никаких предварительных условий, которые сделали Реформацию приемлемой для общества. Реформации способствовала развивавшаяся в Англии начала XVI века теория национального суверенитета и идея о превосходстве общего права. Юристы общего права стремились воспрепятствовать вторжению церковных судов в сферу общего права с тем, чтобы церковные суды занимались только духовными и церемониальными делами. Сам бракоразводный процесс Генриха VIII был захватом полномочий, которые ранее принадлежали ведению церковных судов, а король поставил себя над ними, к чему стремились и суды общего права. Реформация была вполне приемлема для юристов – особенно после того, как диссолюция монастырей породила массу

дел, связанных с земельной собственностью. Юристы были одним из влиятельных меньшинств, интересам которого отвечала Реформация. Протестантизм лучше воспринимался среди более грамотной верхушки общества, хотя католики пытались представить протестантизм как веру бунтовщиков и общественного сброда. Реформацию восприняли сельские джентльмены, купцы и ремесленные мастера, йомены и ремесленники. В обществе это были меньшинства, но они занимали важные, иногда ключевые позиции. Везде, где проникал протестантизм, он нес в общественные отношения главным образом раскол: возникшие сплочённые группы протестантов высмеивали иконы, ритуалы старой религии, которые были дороги консерваторам, а католики называли протестантов еретиками, «людьми, начитавшимися книг стоимостью по два пенса». В целом английская Реформация была мирной, но отнюдь не полностью лишённой каких-либо общественных столкновений. Протестанты победили католиков, но не смогли подчинить своему контролю народ. Попытки ликвидировать майские шесты, распитие пива в Троицу, танцы в костюмах героев легенды о Робин Гуде, навязать более строгое соблюдение воскресного дня вызывали масштабное сопротивление, которое в некоторые годы, как в 1588–89 гг., принимало форму уличных демонстраций, намеренного соблюдения запрещаемых обрядов и праздников. К. Хейг приходит к заключению, что Реформация не создала единую сплочённую протестантскую Англию, а способствовала появлению глубоко расколотовой Англии (The English Reformation Revised 1990: 210, 211, 213, 214).

Стремление к подчинению церкви государством некоторые английские исследователи считали давней особенностью государственно-церковных отношений в Англии, появившейся ещё в начале нормандского периода английской истории и особенно усилившейся во время Реформации. В результате в реформационный период, как уже давно отмечали исследователи, ссылаясь на современников событий, церковь Англии стала эрастианской, то есть подчиненной государству (Child 1890; Gwatkin 1917). По мнению Дж. Гая, в Англии XVI века распространились идеи о том, что король должен законодательствовать совместно с парламентом. На формирование этих идей, как он считает, повлиял консилиаризм – соборное движение в католической церкви XV века. При таких обстоятельствах в английской политической мыс-

ли появилась проблематика, которая потом занимала её в годы гражданской войны и Славной революции, идеи о правлении короля совместно с парламентом, в том числе и в решении церковных дел. Но официальная точка зрения на королевскую власть в Англии всегда состояла в том, что король обладает *imperium*, всей полнотой власти даже без парламента (*The Sixteenth Century 1485–1603* 2002: 124–126).

Дж. Скарисбрик обращает внимание на то, что идеи, подобные взглядам историков-ревизионистов в британской историографии, стали высказывать в изучении немецкой Реформации западногерманские историки Г. Риттер, Б. Мёллер, Х. Оберман (Scarisbrick 1984: 2, 81). Работа ревизионистов с новыми источниками не разрушает полностью вигскую версию английской Реформации. Скорее, новый материал вводит старые свидетельства в контекст, который добавляет им сбалансированность (Haigh 1993: 19).

В истории английской Реформации, считает К. Хейг, велико значение законодательных мер властей – они сделали возможным изменение умов. По его мнению, в лучшем случае при самостоятельном развитии протестантизм в Англии мог достичь чего-то, подобного французским гугенотам – стать опасным меньшинством, которое могло вести гражданскую войну, но не могло ее выиграть. Протестантов могла постичь участь сторонников евангелических идей в Италии и Испании, где они были просто подавлены. В Англии же динамику в изменении судеб Реформации обеспечила динамика в развитии политических событий. Это заметно отличает подход К. Хейга от либеральной веры А. Дж. Диккенса в то, что к концу XVI века А. Дж. Диккенс просто не мог себе представить Англию иначе, как протестантской страной (Haigh 1993: 20).

ЛИТЕРАТУРА

- Bossy J. 1985. *Christianity in the West, 1400-1700*. Oxford – New York: Oxford University Press.
 Child G. W. 1890. *Church and State under the Tudors*. London: Longmans, Green and Co.
 Dickens A. G. 1973. *The English Reformation*. London and Glasgow: Collins.
The English Reformation Revised 1990. Cambridge: Cambridge University Press.
 Foxe J. 1846. *Acts and Monuments*. Ed. G. Townsend. Vol. IV. London: Seeley, Burnside and Seeley.
 Gwatkin H. M. 1917. *Church and State to the Death of Queen Anne*. London: Longmans, Green and Co.
 Haigh C. 1993. *English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors*. Oxford: Clarendon Press.
 Houlebrooke R. 1979. *Church Courts and the People during the English Reformation, 1520-1579*. Oxford: Oxford University Press.
 Redworth G. 1986. A Study in the Formulation of Policy: The Genesis and Evolution of the Act of Six Articles // *Journal of Ecclesiastical History*, Volume XXXVII, Issue 1, P. 42-67.
 Scarisbrick J. J. 1984. *The Reformation and the English People*. Oxford: Basil Blackwell.
The Sixteenth Century 1485-1603. 2002. Ed. by Patrick Collinson. Oxford – New York: Oxford University Press.
 Thomas K. 1971. *Religion and the Decline of Magic*. Harmondsworth: Penguin Books.
 Trevor-Roper H. 1988. *Archbishop Laud, 1573-1645*. 3rd ed. Houndmills: Palgrave Macmillan.

REFERENCES

- Bossy J. *Christianity in the West, 1400-1700*. Oxford – New York: Oxford University Press, 1985.
 Child G. W. *Church and State under the Tudors*. London: Longmans, Green and Co, 1890.
 Dickens A. G. *The English Reformation*. London and Glasgow: Collins, 1973.
The English Reformation Revised. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
 Foxe J. *Acts and Monuments*. Ed. G. Townsend. Vol. IV. London: Seeley, Burnside and Seeley, 1846.
 Gwatkin H. M. *Church and State to the Death of Queen Anne*. London: Longmans, Green and Co, 1917.
 Haigh C. *English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors*. Oxford: Clarendon Press, 1993.
 Houlebrooke R. *Church Courts and the People during the English Reformation, 1520-1579*. Oxford: Oxford University Press, 1979.
 Redworth G. A Study in the Formulation of Policy: The Genesis and Evolution of the Act of Six Articles. In: *Journal of Ecclesiastical History*, Volume XXXVII, Issue 1, 1986. P. 42-67.
 Scarisbrick J. J. *The Reformation and the English People*. Oxford: Basil Blackwell, 1984.
The Sixteenth Century 1485-1603. Ed. by Patrick Collinson. Oxford – New York: Oxford University Press, 2002.
 Thomas K. *Religion and the Decline of Magic*. Harmondsworth: Penguin Books, 1971.
 Trevor-Roper H. *Archbishop Laud, 1573-1645*. 3rd ed. Houndmills: Palgrave Macmillan, 1988.

V. N. Yerokhin
Nizhnevartovsk, Russia

CHURCH OF ENGLAND DURING PRE-REFORMATION DECADES OF THE 16TH CENTURY

Abstract. The paper evaluates the inner state and role of the Church of England in English society at the point of Reformation during the first decades of the 16th century.

Reformation studies in contemporary British historical science still continue to wage polemics between liberal and revisionist trends trying to clarify causes of Reformation in England. The liberal concept of Reformation in England explains it by the fact that protestant ideas were rather attractive for the educated part of English population and able to satisfy the spiritual quest and needs of the educated and economically active part of the English society. When explaining the causes of Reformation liberal historians emphasize the shortcomings of church life during the first decades of the 16th century, e.g., economic, administrative abuses of clerics, insufficient attention to spiritual quest of parishioners most interested in religious life. These deficiencies resulted in anti-clericalism and non-satisfaction of the policy and practices pursued by the Church of England. So, according to the liberal concept of English Reformation, when England broke its connections with the Roman church and administration in 1534 for political reasons and the will of Henry VIII (1509–1547), it fully corresponded to the existing spiritual demands in English society.

The revisionist concept of Reformation in England explains it by political causes and by the royal desire to be fully independent in pursuing home and foreign policy. The Reformation is therefore considered as a political phenomenon, with the spiritual doubts and religious quests of the English churchmen and intellectuals considered to be much less a decisive factor in the origin of Reformation, but rather seen as a contribution to the establishment of Protestantism as an official religion in England.

Key words: Church of England; Reformation; causes of Reformation in England; contemporary British historiography; liberal trend; revisionist trend.

About the author: Vladimir Nikolaevich Yerokhin, Doctor of Historical Sciences (DSc), Professor at the Department of Document Science and General History.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University.

УДК 94(73).091

А. В. Савельева
Нижневартовск, Россия

ВОЕННАЯ ПРОПАГАНДА В ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ США 1916–1917 гг.

Аннотация. Статья посвящена одной из актуальных проблем в современной исторической науке – определению роли американской прессы в военной пропаганде 1916–1917 гг. Важность темы заключается в том, что периодические издания являются своеобразными историческими источниками, позволяющими путем интерполляции ввести в научный оборот новые данные и связать отдельные, отраженные в других источниках события военной истории США первой половины XX в.

В результате предметом исследования являются периодические издания США как источники изучения военной пропаганды в 1916–1917 гг.

Исследование основано на материалах американских газет 1916–1917 гг. Важнейшими из них являются «New York Tribune» и «The New York Times», появившиеся еще в 1840–1850-е гг., а также «Washington Post». Эти газеты расположены на официальном сайте «Библиотеки Конгресса США» и содержат информацию о трансформации взглядов государственной власти США и американского общества на проблему участия американского государства в Первой мировой войне.

Работа с американскими газетами осуществлялась при помощи общенаучных методов исследования: описания, анализа и сравнительно-сопоставительного метода, а также с использованием специальных методов исторического исследования: историко-сравнительного метода и культурно-семиотического подхода.

В ходе исследования было определено, что американские газеты сыграли ключевую роль в формировании негативного образа Германии. Это, в свою очередь, способствовало трансформации общественного мнения по поводу участия США в войне 1914–1918 гг. Государственная власть стремилась вступить в войну с целью участия в послевоенном разделе мира, а американское общество высказывало мнение о необходимости избавить весь мир от варвара в лице Германии. В связи с этим 6 апреля 1917 г. США объявили войну Германии.

В американских газетах иллюстративно проводилась военная пропаганда. Например, при помощи фотографий военных и военной техники США американская печать пыталась привлечь новобранцев для участия в войне. Помимо этого в газетах осуществлялась дегуманизация немцев.

Результаты проведенного исследования позволяют реконструировать отдельные аспекты военной истории США периода Первой мировой войны.

Ключевые слова: американская пресса; В. Вильсон; военная пропаганда; Первая мировая война; президент США; New York Tribune; The New York Times; Washington Post.

Сведения об авторе: Алена Владимировна Савельева, кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения и всеобщей истории.

Место работы: Нижневартковский государственный университет.

Контактная информация: 628600 г. Нижневартовск, ул. Мира, д. 36; тел.: 8(3466)275010, e-mail: saveleva_1984@mail.ru.

Периодические издания являются ценными источниками информации для любого исследователя проблем новой и новейшей истории США. Однако, несмотря на это, их специфический характер как исторического источника, их важнейшая роль в исследовательской работе, а также отражение в них отдельных вопросов политического и социально-экономического развития США в конце XIX – начале XX вв. до сих пор редко привлекали внимание зарубежных и отечественных историков. В настоящее время имеются работы, посвященные исследованию образа Соединенных Штатов, формировавшегося американской прессой в первой половине XIX в. (Троицкая 2008а: 73–108; Сиротинская 2008b: 91–151); анализу проблем внутренней и внешней политики США в XVIII–XIX вв. сквозь призму периодических изданий (М.М. Сиротинская, М.А. Филимонова и др. (Сиротинская 2008а: 137–188; Филимонова 2008: 7–46)). Однако одним из неизученных вопросов остается военная пропаганда на страницах американских газет накануне вступления США в Первую мировую войну и в период участия североамериканского государства в военных действиях.

Американские газеты периода Первой мировой войны (1914–1918 гг.) предлагают уникальный взгляд на военную пропаганду. Статьи и иллюстрации, содержащиеся в прессе, демонстрируют эволюцию взглядов государственной власти США от позиции изоляционизма в 1914 г. до вступления в войну 6 апреля 1917 г.

Позиция изоляционизма изначально была определена американским президентом В. Вильсоном, который занимал пост главы государства в течение двух президентских сроков (с 1913 по 1921 гг.). В период первого президентского срока (1913–1917 гг.) он пытался выступать в качестве посредника между противоборствующими сторонами в связи с тем, что понимал разрушительный характер войны и был озабочен ее возможными неблагоприятными последствиями для США.

Его позиция начала меняться в период второго президентского срока (1917–1921 гг.). Стоит отметить, что еще во время предвыбор-

ной кампании В. Вильсон сохранял нейтралитет в вопросах участия США в Первой мировой войне. Это подтверждает его предвыборный лозунг «Он не позволил втянуть нас в войну» (Pictures as Propaganda), который способствовал переизбранию В. Вильсона на пост главы государства.

Помимо этого позиция нейтралитета получила освещение в американской прессе. Это проявлялось в том, что редакторы газет не высказывали негативных мнений об участниках войны, несмотря на то, что 7 мая 1915 г. немецкая подводная лодка потопила пассажирский лайнер «Лузитания». В ходе этой трагедии погибли более 1000 человек, из них более 100 американцев.

Американская пресса признавала военную мощь отдельных стран, особенно Германии. Так, первые страницы газеты «The New York Times» от 11 июля 1916 г. были посвящены иллюстрированию прибытия в порт Балтимора немецкой субмарины «Дойчланд», на борту которой находился груз и дипломатическая почта. Этим фактом Германия пыталась доказать всему миру, а в первую очередь Англии, неэффективность осуществленной ею морской блокады и результативность немецкого подводного флота.

В газете также содержатся фотографии и рассказы экипажа. Отдельный интерес представляет интервью с капитаном подводной лодки Паулем Кёнигом, который рассказывал о библиотеке, содержащейся на судне, а также о произведениях У. Шекспира.

В выпуске газеты «The New York Times» от 10 декабря 1916 г. была опубликована фотография, на которой изображен немецкий солдат, скорбящий у могилы павшего товарища. Это свидетельствует о том, что дегуманизация немцев, как одна из важнейших характеристик военной пропаганды, еще не началась, и США сохраняли относительную нейтральность в вопросах, касающихся Первой мировой войны (The New York Times. December 10. 1916).

Ярко выраженное негативное отношение США к политике военного времени было отражено на страницах газет, вышедших уже 6 ап-

реля 1917 г. В это время США объявили войну Германии, поскольку В. Вильсон считал, что если американцы не примут участие в военных действиях, то будут лишены возможности участвовать в формировании послевоенного мира (Стоун и др. 2014).

Заголовки газет «The New York Times» и «Washington Post» в течение следующих нескольких дней отражали не только негативное отношение США к Германии, но и определяли страны, политику которых поддерживало американское правительство. Например, в газетах писали: «Лондон думает, что немецкий народ учится – и наши, взяв в руки оружие, завершат их просвещение» (Pictures as Propaganda).

Помимо этого в газетах писали о том, что «немцы теряют надежду из-за строгого требования о мире без аннексий» (Pictures as Propaganda).

В итоге США считали и практически были уверены в том, что объявление войны Германии заставит немецкое правительство принять решение о сложении оружия. Однако это мнение было необоснованным. Так, к июню стало очевидно, что у Германии не было намерений прекращать военные действия.

Этот факт способствовал тому, что в рамках патриотической пропаганды, а также ряда законов о цензуре, начиная с Закона о шпионаже от 15 июня 1917 г., в американской прессе практически прекратились публикации фотографий немецких солдат, а также высказываний немецких и австро-венгерских общественных деятелей по поводу отдельных событий Первой мировой войны. В газетах появились бесчисленные портреты героического президента В. Вильсона, а также его фотографии в различных жизненных ситуациях. Так, в газете «The New York Times» от 17 июня 1917 г. опубликована фотография американского президента и его жены, участвовавших в параде ветеранов США (The New York Times. June 17. 1917); в газетах «New York Tribune» и «The New York Times» от 8 июля 1917 г. содержатся фотоснимки В. Вильсона и его жены Э. Вильсон во время бейсбольного матча между демократами и республиканцами – членами Конгресса США. (New York Tribune. July 8. 1917; The New York Times. July 8. 1917).

В целях военной пропаганды с июня 1917 г. в США проводился конкурс по определению самого патриотичного штата или города. В газете «The New York Times» ежедневно публиковались графики, определяющие перечень тех

штатов, в которых было наибольшее количество призывников и в которых приобреталось наибольшее количество военных облигаций. Стоит отметить, что военные облигации были выпущены правительством США с целью финансирования военных операций периода Первой мировой войны.

Таким образом, непосредственное вмешательство США в военные действия стало очевидным и неизбежным. В связи с этим, в газетах меньше печатались фотографии с поля боя. Их заменили иллюстрациями различных парадов и Дней памяти, проводимых в США (The New York Times. June 10. 1917; New York Tribune. June 10. 1917), а также демонстрацией оружия и учебных полков. Так, в газете «The New York Times» от 10 июня 1917 г. опубликована фотография, на которой в рамках Дня памяти павших воинов изображена первая военная техника (The New York Times. June 10. 1917).

Иллюстрирование американских военных полков проводилось в рамках государственной пропаганды, главной задачей которой была поддержка кампании по привлечению молодых людей на военную службу.

Редакционная политика стала еще более проамериканской после того, как американские солдаты начали участвовать в военных действиях. Пять заголовков газет, опубликованных в июне 1917 г., обобщили ранние публикации по военной тематике. Текст заголовков был следующим: «Колумбия зовет» (The New York Times. June 3. 1917), «Новое оружие полицейских напугает социалистов», «Немцы добавляют яд в сладости» и т.д. Эти заголовки призывали американцев к выполнению патриотического долга; критиковали пацифизм; обвиняли немецкий народ в неполноценности и бессердечии. Иными словами, американцы пытались представить немцев в качестве варваров и готовили своих военнослужащих к любым тяготам войны.

Таким образом, в течение нескольких месяцев США отвергли политику изоляционизма и определили для себя роль защитника демократии во всем мире. Американская газета стала не только источником информации, но и выполняла функцию представителя общественного мнения. По словам редактора «The New York Times» Генри Рэймонда, именно газета для большинства американцев была единственным источником правды, именно она создавала преобладающее мнение и управляла им.

ЛИТЕРАТУРА

- Сиротинская М. М.* 2008а. Женское движение в США, 1840–1850-е гг. (по материалам американский периодических изданий) // Мифы и реалии Америки в периодике XVIII–XX вв. 1, 137–188.
- Сиротинская М. М.* 2008b. «Молодая Америка» и доктрина вмешательства в оценке прессы США, начало 1850-х гг. // Мифы и реалии Америки в периодике XVIII–XX вв. 2, 91–151.
- Стоун О., Кузник П.* Нерассказанная история США // <http://bookz.ru> (2016. 12 март.).
- Троицкая Л. М.* 2008. «The North American Review» и образ США в восприятии североамериканцев, 1815–1850 // Мифы и реалии Америки в периодике XVIII–XX вв. 1, 73–108.
- Филимонова М. А.* 2008. Полемика вокруг ратификации Конституции 1787 г. в периодической печати США: поражение антифедералистов // Мифы и реалии Америки в периодике XVIII–XX вв. 2, 7–46.
- New York Tribune. June 10. 1917 // www.loc.gov (2016. 30 апр.).
- New York Tribune. July 8. 1917 // www.loc.gov (2016. 30 апр.).
- Pictures as Propaganda // www.loc.gov (2016. 26 март.).
- The New York Times. June 3. 1917 // www.loc.gov (2016. 1 мая).
- The New York Times. July 8. 1917 // www.loc.gov (2016. 30 апр.).
- The New York Times. June 10. 1917 // www.loc.gov (2016. 30 апр.).
- The New York Times. June 17. 1917 // www.loc.gov (2016. 1 мая).
- The New York Times. December 10. 1916 // www.loc.gov (2016. 26 март.).

REFERENCES

- Sirovinskaya M. M.* In: Mify i realii Ameriki v periodike XVIII–XX gg. [Myths and realities in American periodicals of the 18th – 20th centuries]. Vol. 1 (2008): 137-188. (In Russian).
- Sirovinskaya M. M.* In: Mify i realii Ameriki v periodike XVIII–XX gg. [Myths and realities in American periodicals of the 18th – 20th centuries]. Vol. 2 (2008): 91-151. (In Russian).
- Stone O., Kuznik P.* Nerasskazannaya istoriya SShA [The Untold History of the United States]. Available at <http://bookz.ru> (Accessed on March 12, 2016). (In Russian).
- Troitskaya L. M.* In: Mify i realii Ameriki v periodike XVIII–XX gg. [Myths and realities in American periodicals of the 18th – 20th centuries]. Vol. 1 (2008): 73-108. (In Russian).
- Filimonova M.A.* 2008. In: Mify i realii Ameriki v periodike XVIII–XX gg. [Myths and realities in American periodicals of the 18th – 20th centuries]. Vol. 2 (2008): 7-46. (In Russian).
- New York Tribune. June 10, 1917. Available at <https://www.loc.gov> (Accessed on April 30, 2016).
- New York Tribune. July 8, 1917. Available at <https://www.loc.gov> (Accessed on April 30, 2016).
- Pictures as Propaganda Available at <https://www.loc.gov> (Accessed on March 26, 2016).
- The New York Times. June 3, 1917. Available at <https://www.loc.gov> (2016. 1 мая).
- The New York Times. July 8, 1917. Available at <https://www.loc.gov> (Accessed on April 30, 2016).
- The New York Times. June 10, 1917. Available at <https://www.loc.gov> (Accessed on April 30, 2016).
- The New York Times. June 17, 1917. Available at <https://www.loc.gov> (Accessed on May 1, 2016).
- The New York Times. December 10, 1916 Available at <https://www.loc.gov> (Accessed on March 26, 2016).

A. V. Savelyeva
Nizhnevartovsk, Russia

MILITARY PROPAGANDA IN USA PERIODICALS IN 1916–1917

Abstract. The study is devoted to a topical issue of defining the role of the American press in the military propaganda of 1916–1917. Periodicals are original historical sources, allowing the researchers to introduce new data and create a link between individual events of the USA military history reflected in various sources of the first half of the 20th century.

This paper studies the USA periodicals as sources of military propaganda in 1916–1917.

The study is based on the materials of American newspapers published in 1916–1917 such as *New York Tribune* and *The New York Times*, established in 1840–1850-ies, and *Washington Post*. These newspapers are located on the official website of the Library of Congress and contain the information about the views of the USA public authorities and American society concerning the USA involvement in the World War I.

When working with the research materials, the author used general scientific methods, such as description, analysis, comparison, as well as with special methods of historical research, including historical and comparative method, cultural and semiotic approach.

The study proved that USA newspapers played a key role in developing a negative image of Germany. This, in turn, contributed to the transformation of public opinion about the USA involvement in World War I. State authorities tried to enter the war in order to participate in the post-war division of the world and the American society felt the need to help the world to get rid of the barbarian Germany. On April 6, 1917, the United States declared war on Germany.

The American newspapers used illustrations and photos for military propaganda. For example, when using pictures of war and military equipment the USA press was trying to attract new recruits to participate in the war. In addition, the newspapers used some materials to dehumanize the Germans.

The results of the study allow us to reconstruct some historic aspects of the USA military during the period of World War I.

Key words: American press; W. Wilson; military propaganda; World War I; USA President; New York Tribune; The New York Times; Washington Post.

About the author: Alyona Vladimirovna Savelyeva, Candidate of Historical Sciences (PhD), Associate Professor of the Department of Document Science and General History.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University.

УДК 93/94

М. В. Стрелец
Брест, Беларусь

ФРАНСУА МИТТЕРАН: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Аннотация. 26 октября 2016 года исполнилось бы 100 лет Франсуа Морису Адриану Мари Миттерану, который четырнадцать лет был главой французского государства. С его именем есть все основания связывать один из опытов правления социал-реформистской по своему идеологическому профилю политической партии в условиях подлинной демократии, зрелого правового государства, имевшего глубокие традиции гражданского общества, прочно устоявшейся рыночной экономики. Безусловно, Миттеран являл собой пример партийного лидера, сумевшего сделать свою партию самой влиятельной в той части политического спектра, которая позиционирует себя слева от центра. Эра Миттерана выявила возможности и границы одновременного нахождения у власти президента-социалиста и главы правительства, представляющего правую часть политического спектра.

Автор статьи впервые в постсоветской историографии пытается осуществить системную реконструкцию жизни и деятельности этого политического и государственного деятеля. Он, конечно, в курсе полярных оценок личности Миттерана политиками и экспертами. При написании статьи выдерживалось стремление сбалансированно оценивать все этапы политической биографии Франсуа Миттерана. Результаты проведенного им исследования выносятся на научное обсуждение.

Ключевые слова: государство; министр; партия; политика; президент; Пятая Республика; Третья Республика; Франсуа Миттеран; Франция; Четвёртая Республика.

Сведения об авторе: Михаил Васильевич Стрелец, доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных наук.

Место работы: Брестский государственный технический университет.

Контактная информация: 224011, Республика Беларусь, г. Брест, ул. Луцкая, д. 52, кв. 57; тел.: +375(162)526602; e-mail: mstrelez@mail.ru.

26 октября 2016 года исполнилось бы 100 лет Франсуа Морису Адриану Мари Миттерану, который четырнадцать лет был главой французского государства. 10 мая 1981 года он стал четвёртым президентом Пятой республики, первым социалистическим главой государства в Пятой республике. Итоги выборов породили недовольства и страхи у консерваторов. Массового обывателя запугивали тем, что в случае победы Миттерана Париж превратится в новый Гулаг с советскими танками на Елисейских полях (Tiersky 2003: 436).

Когда Миттеран вступил на пост президента, Франция находилась в экономическом кризисе с растущей безработицей и относительно высокой инфляцией. Причинами были среди прочих высокие цены на нефть с конца 1970-х гг. и высокий курс американского доллара. Экономическая политика правительства первого миттерановского премьер-министра Пьера Моруа несёт свою долю ответственности за дальнейшее обострение экономического кри-

зиса. Под давлением неудовлетворительного положения в экономике и на рынке труда в июле 1984 года распалась коалиция с ФКП, за что коммунисты сделали в первую очередь ответственным Миттерана. Второй миттерановский премьер-министр Лоран Фабиус следовал принципиально иной экономической политике и реализовал вполне сбалансированную программу. С середины 1980-х гг. экономическое положение Франции улучшилось. Миттеран открыл значение Европа-политики и нашёл в федеральном канцлере Гельмуте Коле главу правительства, с которым он ускорил расширение и превращение Европейского Сообщества в Европейский Союз (fogexaw.com: 1). Миттеран выступил за право палестинцев на самоопределение, но всё же потребовал от ООП признания права Израиля на существование в гарантированных границах (Weisenfeld 1997: 305).

На парламентских выборах 1986 года социалисты потерпели поражение. Естественно, пришлось менять главу правительства. Им стал

правоцентристский политик Жак Ширак. Жак Ширак относился к социально-экономической политике социалистов в 1981–1986 гг. с желанием всё делать с точностью наоборот, что нередко вызывало острые споры между президентом и премьером. Премьеру удалось дать обратный ход следующим мероприятиям, осуществлённым социалистами: 1) превращению крупных состояний в объект налогообложения; 2) включению в число экономических функций государства контроля над механизмом ценообразования; 3) существенному наращиванию финансовой базы социального страхования. Что же касалось национализации 1981–1986 гг., то здесь обратный ход в полном объёме не получился. Благодаря упорнейшему сопротивлению президента-социалиста он не затронул большинство субъектов хозяйствования, поменявших форму собственности в 1981–1986 гг. Вместе с тем кабинет Ширака полностью поддерживал внешнюю политику Миттерана (presidents.h1.ru: 1).

В 1988 году Миттеран вновь побеждает на президентских выборах. Обойдя главного соперника Ширака, он набрал 54 % голосов (Loth 1995: 499).

Как и после президентских выборов 1981 года Миттеран сразу же объявил о роспуске Национального собрания. Как и в 1981 году на досрочных парламентских выборах победили социалисты. Однако их победа не обеспечила получение того большинства в высшем законодательном органе Пятой Республики, которое позволяло бы в перманентном режиме проталкивать нужные партии президента решения. Если бы Миттеран пошёл на формирование однопартийного правительства, ему бы постоянно приходилось решать уравнение со многими неизвестными. Опытнейший политик с учётом реального внутрипарламентского расклада решил так: к доминирующим в правительстве социалистам добавить пять центристов. Естественно, руководить таким правительством мог только представитель правого крыла Социалистической партии. Идеально подходил Мишель Рокар. Именно ему отдал предпочтение глава французского государства (Schmidt 2006: 122).

Правительство Рокара просуществовало три года. Среднестатистического француза подкупала «тактика малых шагов», на которую в основном ориентировался Рокар. В эту тактику вписывались лозунг «Не национализировать и не денационализировать», адресованный субъектам хозяйствования; временный отказ от то-

го, чтобы реально работал закон о денационализации 1986 г. Вместе с тем в правовом поле после определённого перерыва вновь прописывался механизм обязательного налогообложения крупных состояний; чётко фиксировался размер минимальной заработной платы, существенно превышающий тот, который существовал при правительстве Ширака. Конечно, перечисленные меры не соответствовали выражению «малые шаги» (Tiersky 2003: 634).

Первые два года Рокар вполне удовлетворял Миттерана. Но на третьем году четвёртый президент Пятой Республики стал всё больше сомневаться в способности действующего главы правительства внести соответствующий потенциал Франции вклад в то, чтобы по максимуму наполнить реальным содержанием общее рыночное пространство, полностью совпадающее с территориальным массивом, который занимали государства – члены Европейского Сообщества. С начала 1990-х гг. именно эта задача была главным приоритетом для Миттерана. Сомнения Миттерана привели к тому, что он поменял Мишеля Рокара на Эдит Крессон. Глава государства считал, что Крессон весьма успешно работает касательно указанного приоритета (Weisenfeld 1997: 336).

Крессон побывала в данной должности с мая 1991 года по апрель 1992 года. В Вашингтоне и Токио сразу же поняли, что Рокар был более сговорчив, чем первая в истории Франции женщина премьер-министр. Она формулировала намного больше «но» и «если» в своём видении торгово-экономических отношений по линии Европейское Сообщество – США и по линии Европейское Сообщество – Япония. За всем этим стояла весьма амбициозная программа в области экономической политики. В ней был прокламирован сильный прорыв в состоянии отечественного народнохозяйственного комплекса; в нахождении баланса интересов во взаимоотношениях между государственными и частными субъектами хозяйствования, производившими промышленные товары как для французского рынка, так и для единого рынка в масштабах ЕС. Существенную финансовую подпитку со стороны государства получали частные субъекты хозяйствования, увеличивавшие число работников. Крессон весьма эмоционально заверяла соотечественников, что поставит надёжный заслон обесцениванию франка, существенно увеличит его покупательную способность. К сожалению, её реальные достижения оказались далеко не

удовлетворительными, что предопределило появление нового премьер-министра. Им стал Пьер Береговуа, возглавлявший правительство с апреля 1992 года по март 1993 года (Tiersky 2003: 576–609).

Пьер Береговуа сразу же выделил приоритет номер один: резкое сокращение числа соотечественников, зарегистрированных на бирже труда в качестве безработных. Однако изменения к лучшему в данном вопросе не произошло. Заметим также, что именно во времена правительства Береговуа Европейское Сообщество превратится в Европейский Союз, начнётся маастрихтский процесс. Абсолютное большинство французов будет в данный момент разочаровано правлением социалистов, о чём свидетельствовало их безоговорочное поражение на парламентских выборах 1993 года (Abst 2004: 92).

И вновь было сформировано правое правительство при президенте-социалисте. Правые партии РПР и ЮДФ, которые в совокупности имели большинство мест в парламенте, вернули себе статус правящих. Во главе правого правительства стал видный деятель РПР Эдуард Балладюр, пробывший в данном качестве с марта 1993 года до мая 1995 года, то есть до конца второго президентского срока Миттерана (traditio-ru.org: 1).

Балладюра объединяло с его предшественником выделение первого по значимости приоритета. Как и Береговуа, последний миттерановский премьер прежде всего сосредоточился на поиске жизнеспособной рецептуры по снятию остроты по целому кругу проблем, связанных с безработицей. Он отнюдь небезуспешно стремился к такой динамике в функционировании народнохозяйственного комплекса, при которой стало бы возможным резко возросшее число новых рабочих мест. Эта динамика достигалась за счёт перманентного наращивания объёмов финансовой подпитки отечественного народнохозяйственного комплекса, сокращения совпадавшей с соответствующей частью бюджета финансовой базы, необходимой для выполнения социальных функций государства (Weisenfeld 1997: 409).

Миттеран ушёл из жизни 8 января 1996 года. Спустя два десятилетия после его смерти можно определённо сказать, что это была невосполнимая потеря для Франции, Европы, мира. Потеря выдающейся личности, которая на протяжении многих лет кардинально влияла на французскую политику, внесла существенный вклад в формирование европейской и глобальной архитектуры.

ЛИТЕРАТУРА

- forexaw.com: 1: Миттеран Ф. // forexaw.com/TERMs/People (2016. 17 февр.).
 presidents.h1.ru: 1: Миттеран Ф. // presidents.h1.ru/site/presidents (2016. 16 февр.).
 traditio-ru.org: 1: Миттеран Ф. // traditio-ru.org/wiki/Франсуа (2016. 26 февр.).
 Abst A. 2004. Frankreich, mit Karten // Hut A. (Red.). Informationen zur politischen Bildung. Heft 285. Bonn: Oldenburg. 78 – 132.
 Loth W. 1995. Geschichte Frankreichs im 20. Jahrhundert. Frankfurt: Fischer.
 Schmidt B. 2006. Frankreich-Lexikon. Schlüsselbegriffe zu Wirtschaft, Gesellschaft, Politik, Geschichte, Kultur, Presse- und Bildungswesen. Berlin: Schmidt.
 Tiersky R. 2003. François Mitterrand: a Very French President. London: Rowman and Littlefield.
 Weisenfeld E. 1997. Geschichte Frankreichs seit 1945. Von de Gaulle bis zur Gegenwart. München: Beck.

REFERENCES

- Mitteran F. Available at: forexaw.com/TERMs/People (Accessed on February 17, 2016). (In Russian)
 Mitteran F. Available at: presidents.h1.ru/site/presidents (Accessed on February 16, 2016). (In Russian)
 Mitteran F. Available at: traditio-ru.org/wiki/Франсуа (Accessed on February 26, 2016). (In Russian)
 Abst A. Frankreich, mit Karten. Hut A. (Red.). Informationen zur politischen Bildung. Heft 285. Bonn: Oldenburg, 2004. 78–132.
 Loth W. Geschichte Frankreichs im 20. Jahrhundert. Frankfurt: Fischer, 1995.
 Schmidt B. Frankreich-Lexikon. Schlüsselbegriffe zu Wirtschaft, Gesellschaft, Politik, Geschichte, Kultur, Presse- und Bildungswesen. Berlin: Schmidt, 2006.
 Tiersky R. François Mitterrand: a Very French President. London: Rowman and Littlefield, 2003.
 Weisenfeld E. Geschichte Frankreichs seit 1945. Von de Gaulle bis zur Gegenwart. München: Beck, 1997.

*M. V. Strelets
Brest, Belarus*

FRANÇOIS MITTERRAND: TOUCHES ON THE PORTRAIT

Abstract. On October 26, 2016 is the 100th anniversary of François Maurice Adrien Marie Mitterrand. He was the head of the French State for fourteen years. His name is directly related to the experience of social and reformist (in its ideological profile) political party in the context of genuine democracy, mature constitutional state with deep traditions in civil society and a well-established market economy. Mitterrand was an example of a party leader who managed to turn his party into the most influential one in that left of the centre part of political spectrum. Mitterrand's era identified the possibilities and boundaries of power-sharing by a socialist president and government head representing the right part of political spectrum.

For the first time in Post-Soviet historical science the author attempts to carry out a systemic reconstruction of this politician's and statesman's life and activity. The author is undoubtedly aware of divergent assessments of Mitterrand's personality made by politicians and historical experts. In the writing of this paper the intention was to make balanced assessments of all stages in François Mitterrand's political biography.

Key words: state; minister; party; politics; president; Fifth Republic; Third Republic; François Mitterrand; France; Fourth Republic.

About the author: Mikhail Vasilevich Strelets, Doctor of Historical Sciences (DSc), Professor at the Department of Humanitarian Science.

Place of employment: Brest State Technical University.

УДК 94(395)

*М. М. Чореф
Нижевартовск, Россия*

«МОНЕТЫ НЕИЗВЕСТНОГО НАРОДА», ИЛИ К ВОПРОСУ ОБ АТРИБУЦИИ «ТАМАНСКИХ ДЕНАРИЕВ»

Аннотация. Объектом изучения стали довольно редкие, но в то же время крайне исторически важные античные монеты – «таманские денарии». Эти варварские подражания были введены в научный оборот в начале XIX в. Их принято считать монетами готов. На их аверсе различают изображение римского императора, а на реверсе – фигуру идущего Марса. Само же появление этих монет увязывают с набегами готов и союзных им германских племен на римские владения во время «скифских войн». Но мы не можем принять эту точку зрения. Опираясь на результаты иконографического анализа, полагаем, что эти монеты не следует считать репликами римских денариев. Дело в том, что фигура, размещенная на их реверсе, уверенно трактуется как изображение Геракла анфас. Об этом говорит как сама его постанковка, так и оружие, которое это божество держит в руках. В то же время изображение аверса не похоже на бюст правителя Рима. Ведь, как правило, оно непозволительно стилизовано. И, в любом случае, его могли создать не только германцы. Сама идея и методика стилизации позволяет считать его кельтским. Более того, вполне определим прототип «таманского денария». Это тетрадрахма Фасоса, традиционно служившая объектом для копирования у фракийцев. Кроме того, следует учесть и то обстоятельство, что в период «скифских войн» у готов Причерноморья вряд ли могла возникнуть потребность наладить свою эмиссию. Ведь в результате походов на римские владения они получили значительные объемы драгоценных металлов, в т.ч. и в виде платежных средств. В любом случае, готы не могли бить биллонную и медную монету одними и теми же штемпелями – в этом не было экономического смысла. Учитывая выявленные обстоятельства, заключаем, что заинтересовавшие нас монеты не являются готскими выпусками. Вполне вероятно, что их чеканили фракийцы, причем прервавшие контакты со своими соплеменниками из Балкан и не наладившие связи с Римом и Боспором. Однако они, судя по результатам археологических исследований, активно контактировали с племенами Северного Причерноморья. Надеемся, что результаты наших исследований будут благосклонно восприняты научной общественностью.

Ключевые слова: археология; история; нумизматика; Северное Причерноморье; «таманские денарии».

Сведения об авторе: Михаил Михайлович Чореф, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории региональных исторических исследований.

Место работы: Нижевартовский государственный университет.

Контактная информация: 628626, г. Нижевартовск, ул. Мира, д. 36; тел.: 8(3466)273510, e-mail: choref@yandex.ru.

Как известно, античные монеты являются ценнейшими историческими источниками. Их изучение позволяет уточнить наши представле-

ния об уровне развития экономики и культуры, а также об административном, политическом и территориальном устройстве древних госу-

дарств¹. Так что уже не первое поколение историков изучает нумизматику Северо-Восточного Причерноморья. В результате было выявлено множество разновидностей монет городов и правителей этого региона². Кроме того, исследователи обнаружили и описали выпуски северо-причерноморских варваров. В том числе и «таманские денарии». Их находят в основном на Северном Кавказе³, точнее, на Тамани. На аверсе этих монет оттиснут бюст с исходящими от него лучами, а на реверсе выбита фигура в рост⁴ (рис. 1). По мнению Г. К. Э. фон Кёллера, «таманские денарии» чеканили синды или какой-то иной кубанский этнос (Köhler 1822: 12). В свою очередь, Ф. А. Жиль предположил, что эти монеты выпускали варвары, населявшие окрестности Керчи (Древности Босфора Киммерийского 1854а: 160, 161, № 18–20; Древности Босфора Киммерийского 1854b: табл. LXXXVI: 18–20). Их выводы попытался уточнить П. О. Бурачков. Он допустил, что «таманские денарии» чеканили славяне. По его мнению, «лицевая сторона этих монет представляет солнце, напоминающее Сварога, бога языческих славян, как он описан у Шафарика» (Бурачков 1875: 108, табл. XIII: 5–7). Но этот аргумент вряд ли можно считать убедительным. В любом случае, А. В. Орешников его не при-

нял. Ученый заключил, что «таманские денарии» – реплики римских монет II–III вв. (Орешников 1892: 37).

А. В. Орешников попытался определить период их эмиссии. Для этого он попробовал истолковать дополнительные элементы оформления. Дело в том, что в нижней части поля реверса ряда разновидностей «таманских денариев», у ног фигуры, размещенной в центральной части поля, заметны знаки, в т.ч. и крестики (рис. 1: 1, 2, 6). Ученый допустил, что это культовые символы (Орешников 1892: 37, 38). Он предположил, что монеты с ними могли быть выпущены в IV–V вв., т.е. после того, как жители региона приняли христианство⁵ (Орешников 1892: 37, табл. III: 52–56). По его мнению, эти монеты могли чеканить готы (Орешников 1892: 38).

Однако А. В. Орешников не был уверен в бесспорности своего вывода. Судим по тому, что он продолжал считать «таманские денарии» «монетами неизвестного народа» (Орешников 1892: 35–38). Его исследование продолжили нумизматы-античники XX в. Так, Л. Н. Казаманова и В. В. Кропоткин пришли к выводу, что «таманские денарии» чеканили готы и родственные им германские племена (Казаманова, Кропоткин 1961: 134; Кропоткин 1961: 16–17, 39, 49, № 8, 9, 258, рис. 35: 1–8, 36). Однако А. Н. Зограф только осторожно заметил, что эти монеты представляли собой «официальные денежные знаки, выпущенные общинными властями» (Зограф 1951: 102). В то же время Н. А. Фролова и ее соавторы изначально полагали, что эти монеты могли выпускать сарматоаланы (Абрамзон, Фролова, Горлов 2002: 406), но позже они приняли точку зрения Л. Н. Казамановой и В. В. Кропоткина (Абрамзон, Фролова 2007–2008: 47–48).

Во второй половине XX в. были разработаны схемы классификации этих монет. Первую из них предложили Л. Н. Казаманова и В. В. Кропоткин. По мнению ученых, «таманские денарии» первой группы могли быть выпущены к середине III в. Речь идет об искусных репликах денариев Марка Аврелия (161–180)

¹ Подробнее см.: (Чореф 2011: 247–259; Чореф 2012а: 44–59; Чореф 2012b: 127–156; Чореф 2013а: 127–156; Чореф 2013b: 191–215; Чореф 2014а: 329–371; Чореф 2014b: 456–487).

² Важнейшие аналитические труды по античной нумизматике региона были подготовлены В. А. Анохиным (Анохин 1986; Анохин 1999) и Н. А. Фроловой (Фролова 1997а; Фролова 1997b; Frolova 2004). Следует учесть и выводы А. Е. Терещенко, сделанные им в диссертации, посвященной изучению дискуссионных вопросов автономной чеканки боспорских полисов в VI–V вв. до н.э. (Терещенко 2004). Стоит обратить внимание и на фундаментальное исследование Л. М.-Б. Хойберг Бэрг (Højberg Vjerg 2014), в котором наилучшим образом разобрана проблема обращения боспорской монеты в римский период. И, наконец, нельзя не упомянуть каталоги монет, изданные В. А. Анохиным (Анохин 2011), а также Н. А. Фроловой и ее соавторами (Абрамзон, Фролова, Горлов 2002; Абрамзон, Фролова, Куликов, Смекалова, Иванова 2006; Абрамзон, Фролова 2007–2008; Абрамзон 2011).

³ Статистика находок этих монет приведена в (Абрамзон, Фролова 2007–2008: 47–48). По данным М. Г. Абрамзона и Н. А. Фроловой, в Крыму «таманские денарии» не встречаются (Абрамзон, Фролова 2007–2008: 47–48). Однако в последнее время на территории полуострова было найдено четыре таких подражания. Одно из них было опубликовано нами (Чореф 2013b: 206, рис. 2: 16).

⁴ На рис. 1. приведены изображения монет, опубликованных на сайтах detecting.mybb.ru (detecting.mybb.ru: 1) и clubclad.ru (clubclad.ru: 1).

⁵ Этот процесс не следует увязывать с деятельностью вождя Вульфилы (311–383), ставшего первым готским епископом (Вольфрам 2003: 114–117). Ведь сферой его влияния была заданайская Готия и Мезия, причем он был арианом (Вольфрам 2003: 118, 121–122). В то же время готы Таврики стали ортодоксами. Уже в 325 г. у них был свой епископ – Феофил Готий, участвовавший в работе Никейского собора (Вольфрам 2003: 119).

(Казаманова, Кропоткин 1961: 131, табл. IV). Исследователи полагали, что их начали выпускать вследствие сокращения притока в регион полноценной римской серебряной монеты (Казаманова, Кропоткин 1961: 133). Ко второй группе ученые отнесли билонны со стилизованным изображением бюста на лицевой и со схематически переданной фигурой идущего Марса на оборотной стороне (Казаманова, Кропоткин 1961: 131, 133, табл. IV). Они датировали эти монеты второй половиной III в. (Казаманова, Кропоткин 1961: 133). В третью, позднейшую группу, исследователи выделили «таманские денарии» из низкопробного серебра или бронзы, на аверсе которых отгиснут узор из пучка линий, а на реверсе – схематичное изображение идущего Марса (Казаманова, Кропоткин 1961: 131, 133, табл. IV). По мнению ученых, эти монеты могли выпустить в конце III – начале IV в. (Казаманова, Кропоткин 1961: 134).

Немаловажно и то, что Л. Н. Казаманова и В. В. Кропоткин по-новому атрибутировали заинтересовавшие А. В. Орешникова обозначения знаков $\oplus - \oplus$, $\bigcirc - \oplus$, $\bigcirc - \bigcirc$, $\bullet\bullet - \oplus$, а также $\oplus\oplus - \bigcirc\bigcirc$, они предположили, что эти обозначения являлись дифферентами (Казаманова, Кропоткин 1961: 131).

Однако наука не стоит на месте. Сравнительно недавно схему Л. Н. Казамановой и В. В. Кропоткина попытался уточнить нумизмат А. Я. Сергеев. В результате он разработал собственную классификацию «таманских денариев». При этом исследователь основывался исключительно на иконографическом анализе⁶ (Сергеев 2001: 62;). А. Я. Сергеев выделил четыре стадии эмиссии этих монет. К первой он отнес искусно выполненные реплики римских денариев поздних Антонинов⁷ (Сергеев 2001: 65) и ранних Северов (Сергеев 2001: 67) пяти серий (Сергеев 2001: 65–70; Сергеев 2012: 89–98, № 280–326). Выпуски второй стадии, разделенные на шестнадцать вариаций, характеризуются, по его мнению, утверждением «магистральной линии»: изображение римского императора на аверсе и фигура идущего Марса на

реверсе (Сергеев 2001: 70–76, Сергеев 2012: 99–117, № 327–418). А. Я. Сергеев заключил, что многочисленные «таманские денарии» с сохранившим следы антропоморфности изображением на лицевой стороне следует отнести к третьему этапу эмиссии (Сергеев 2001: 76–81; Сергеев 2012: 117–135, № 419–507). Исследователь выявил одиннадцать их разновидностей (Сергеев 2001: 79–81). Позднейшие «таманские денарии», с декоративной композицией на аверсе, нумизмат выделил в выпуски четвертой стадии (Сергеев 2001: 81–82; Сергеев 2012: 135–140, № 508–533). А. Я. Сергеев разделил их на пять серий (Сергеев 2001: 81–82).

Основываясь на этих умозаключениях, а также учитывая обстоятельства обнаружения самых ранних из этих монет в развалинах Тамнаиса (Сергеев 2001: 82), исследователь допустил, что «таманские денарии» выпускали с начала III до середины IV в. (Сергеев 2001: 82–83). По мнению А. Я. Сергеева, «таманские денарии» прошли путь эволюции от реплик римских денариев до вполне оригинальных, причем крайне стилизованных выпусков, предназначенных исключительно для регионального обращения⁸ (Сергеев 2001: 65). Что же касается ухудшения стопы, то исследователь заметил, что оно может быть объяснено сокращением притока серебра в Северо-Восточное Причерноморье в III в. (Сергеев 2001: 83). Однако А. Я. Сергеев считал, что оно все же поступало, т.к. «таманские денарии», по его мнению, эмитировали воинственные готы (Сергеев 2001: 83).

Сразу же заметим, что мы разделяем точку зрения вышеупомянутых исследователей по вопросу о возможности классификации, датирования и этнической атрибуции «таманских денариев». В то же время мы не считаем необходимым поднимать вопрос о достоверности разработанных ими схем. Дело в том, что проверка выводов уважаемых исследователей может быть проведена только в случае уточнения статистики находок «таманских денариев» в Северном Причерноморье, при выявлении всех их типов и после проведения анализа дифферентов⁹. Позволим себе лишь две реплики, как полагаем, облегчающих выполнение этих задач. Начнем с того, что обильное поступление в

⁶ Исследователь настаивал на том, что не следует основываться на ухудшении стопы изученных им монет. Он основывался на том, что известны экземпляры «таманских денариев», выбитых одной парой штемпелей на заготовках с различным содержанием серебра (Сергеев 2001: 62).

⁷ А. Я. Сергеев полагал, что изначально копировали денарии Марка Аврелия (161–180) (Сергеев 2001: 64, 65, 67, 69).

⁸ Нумизмат предположил, что изученные им монеты следует отнести к эмиссиям «племенной власти, обслуживаемыми довольно четко ограниченный ареал» (Сергеев 2001: 65).

⁹ Планируем разрешить эту задачу в ближайшее время.

регион римской монеты, награбленной в ходе многократных, продолжительных и успешных набегов¹⁰, отнюдь не должно было побудить готскую элиту наладить эмиссию собственных денег. Ведь в этом не было экономического смысла¹¹. Наоборот, варвары, грабившие римские владения, использовали привозные деньги. Известны их сокровища, состоящие из разновременных монет средиземноморского чекана (Чореф 2013b: 199–211). Кроме того, обильный приток золота и серебра в Северное Причерноморье и вызванное этим развитие экономики, проявившееся в становлении собственной эмиссии, вряд ли могло побудить местных вождей чеканить деньги из биллона и меди, причем используя для этого одни и те же штампы, что и для монет из драгоценного металла (Сергеев 2001: 62). Следовательно, у нас нет оснований считать «таманские денарии» выпусками готов.

Что же касается фигуры на реверсе, то и она явно не похожа на классические изображения римского бога войны. Начнем с того, что изображенный не движется, а стоит, причем развернувшись к зрителю анфас. Да и в руках у него нет копья¹² и трофея – обязательных атрибутов идущего Марса. Чтобы убедиться в этом, обратим внимание на монеты на рис. 1. На их реверсе отгиснута фигура полуголого мужчины, облаченного в узкую набедренную повязку, поверх которой просматриваются пояса портупей (рис. 1: 1). У него грудь с рельефными мышцами и сосками (рис. 1: 1–2, 4–6), также выделен пупок (рис. 1: 1). Голова мужчины (рис. 1: 1) покрыта шкурой – по сторонам видны полукружья непропорционально крупных ушей¹³, а выше просматривается верхняя часть капюшона, сформированного из скальпа (рис. 1: 1, 2) или из черепа, покрытого кожей животного (рис. 1: 3, 5, 6). Допускаем, что на «таманских денариях» изображали Геракла, причем в его традиционном облачении¹⁴ (рис. 2). Чтобы убедиться в верности этой атрибуции, обратим

внимание на руки божества. Считается, что в них – копье. Однако, как видим, оно недопустимо короткое – его руки сопоставимы с ним по длине. Более того, оружие размещено не перед фигурой, а за ней (рис. 1: 1–2, 4–6). Но подобный способ ношения копья вряд ли можно считать функциональным. Ведь оно не могло быть мгновенно применено в боевых условиях. Полагаем, что изображенный держит не копье, а какое-то иное, компактное оружие. Но это не лук и не меч. Ведь оно передано одной линией. Считаем, что это палица. Ведь ее вполне можно носить и за спиной. К слову, она является одним из основных символов Геракла¹⁵ (рис. 2).

Мы отдаем себе отчет в том, что наши реплики наверняка вызовут возражения. Ведь на первый взгляд, отказ от идеи видеть в фигуре на реверсе «таманских денариев» изображение идущего Марса затрудняет датировку. Однако лишь верное определение всех элементов оформления изучаемых монет позволит выявить место, а также выяснить обстоятельства и период их эмиссии. Учитывая важность этих задач, заметим, что весьма близкие аналогии фигуры Геракла известны на монетах кельтов, в частности, выпущенных во Фракии. В качестве примера приводим изображения¹⁶ тетрадрахмы Фасоса (рис. 3: 1) и реплик ей варварского чекана (рис. 3: 2–5). Видно, как творчески переосмыслили фракийцы фигуру божества на реверсе и обрамляющую ее легенду. Примечательно, что надпись, как и на «таманских денариях», заменили точками (рис. 3: 3) и черточками (рис. 3: 4–5).

Но перейдем к иконографическому анализу монет. Начнем с постановки ног. Как видим, фракийские монетарии, копирующие тетрадрахмы Фасоса, не могли реалистично отобразить ступни стоящего анфас Геракла (рис. 3: 3–5). Пытаясь передать постановку его фигуры, они разворачивали их в одну (рис. 3: 4) или в разные стороны (рис. 3: 3, 5). Допускаем, что тот же подход использовали при оформлении реверса «таманских денариев» (рис. 1). Так что Геракл на них, определенно, стоит, а не идет.

¹⁰ Речь идет о «скифских войнах» второй – четвертой четвертей III в.

¹¹ Другое дело – политическая необходимость. Обсудим эту возможность в свое время.

¹² Возможно, что на монетах первой стадии по А. Я. Сергееву изображали какое-то местное мужское божество с копьем в руках, но, в любом случае, не Марса.

¹³ Само их наличие убеждает, что на голове у мужчины фрагмент шкуры крупного животного.

¹⁴ На рис. 2 приведена фотография бюста Коммода (180–193) в облике Геркулеса. Хранится в Риме, в комплексе Капитолийских музеев, во Дворце консерваторов.

¹⁵ Возможно, что на «таманских денариях» изображали почитаемую статую Геракла – судим по продолжительности использования типа. Но она не была типичной для античного мира: в Средиземноморье был популярен образ Геракла, опиравшегося на палицу.

¹⁶ Изображения монет на рис. 3 были опубликованы на сайте acsearch.info (acsearch.info: 1; acsearch.info: 2; acsearch.info: 3; acsearch.info: 4; acsearch.info: 5).

Но куда более интересно оформление аверса. Дело в том, что одной из особенностей кельтского искусства являлась исключительная орнаментальность, использование сложных узоров, созданных из сплетенных линий, заполнявших все пространство изображения (Еременко 1997; Кельтские орнаменты 2003; Harding 2007). Это мы и наблюдаем как на общепринято кельтских монетах (рис. 3: 3–5), так и на аверсе «таманских денариев» (рис. 1).

Заметим, что присутствие кельтов в Северном Причерноморье и, в частности, в Таврике, фиксируется не только в первые века н.э., но и в средневековье (Рахно 2012: 55–68). У нас есть основания полагать, что небольшая группа кельтов могла населять и Тамань. Вернее всего, они были оторваны от основной массы своих соплеменников. Причем у них не было контактов с Боспором и Римом. Вследствие этого они продолжали выпускать реплики не денариев или статеров, а тетрадрахм Фасоса, но, с учетом обстоятельств, меньшего веса и из худшего по составу сплава. У нас есть все основания видеть в «таманских денариях» кельтские монеты, чеканившиеся из меди (Dereyrot 2005a; Dereyrot 2005b; Dereyrot 2005c).

Мы отдаем себе отчет в том, что наше исследование вряд ли можно считать законченным. Оно определенно нуждается в проверке, в том числе с привлечением результатов археологических исследований. Пока же заметим, что присутствие фракийцев в Северном Причерноморье в I–IV вв. прослежено М. И. Вязьмитиной (Вязьмитина 1969: 119–134). Основываясь на письменных свидетельствах о нашествии Бурбисты, учитывая распространение фракийской керамики, в том числе и культовой, на Нижнем Днепре (Вязьмитина 1969: 123–134), она пришла к выводу о значимости влияния кельтов не только на материальную, но и на духовную культуру скифского населения Северного Причерноморья (Вязьмитина 1969: 134). Далее, С. М. Крынкину удалось выявить факты их влияния и на жизнь населения северопричерноморских полисов (Крынкин 1993). Учтем и то, что многие боспорские государи римского периода носили фракийские имена, к примеру: Котис, Радамсад, Реметалк и Рескупорид. Так что присутствие фракийцев в Северо-Восточном Причерноморье вполне вероятно. Мы считаем необходимым проверить наши допущения с привлечением новых источников, чем и планируем заняться в ближайшее время.

Рис. 1. Таманские денарии

Рис. 2. Коммод в облике Геркулеса

Рис. 3. Тетрадрахма Фасоса (1) и подражания ей (2–5) фракийского чекана

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- МИА** – Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград.
МАИАСК – Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Археология, история, нумизматика, сфрагистика и эпиграфика. Севастополь; Тюмень; Нижневартовск.
ГИМ – Государственный исторический музей. Москва.
НВБелГУ – Научные ведомости Белгородского государственного университета. Белгород.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон М. Г.* Корпус боспорских кладов античных монет. Т. II. Симферополь; Керчь: АДЕФ-Украина (Боспорские исследования. Suppl. 7).
Абрамзон М. Г., Фролова Н. А. 2007–2008. Корпус боспорских кладов античных монет. Т. I. Симферополь; Керчь: АДЕФ-Украина (Боспорские исследования. Suppl. 2).
Абрамзон М. Г., Фролова Н. А., Горлов Ю. В. Клады античных монет на юге России (по материалам Краснодарского края). Москва: Эдиториал УРСС.
Абрамзон М. Г., Фролова Н. А., Куликов А. В., Смекалова Т. Н., Иванова О. А. 2006. Клады античных монет. Из собрания Керченского государственного историко-культурного заповедника. Нумизматическая коллекция. Т. 1. Киев: Мистецтво.
Анохин В. А. 1986. Монетное дело Боспора. Киев: Наукова думка.
Анохин В. А. 1999. История Боспора Киммерийского. Киев: Одигитрия.
Анохин В. А. 2011. Античные монеты Северного Причерноморья. Киев: Стилос.
Бурачков П. О. 1875. О местоположении древнего города Киркинитиса и монетах ему принадлежащих // ЗООИД. Т. IX. Одесса: Городская типография сод. Алексомати, 1–133, табл. I–XIV.
Вольфрам Х. 2003. Готы. От истоков до середины VI века. Москва: Ювента.
Вязьмитина М. М. 1969. Фракийские элементы в культуре населения городищ Нижнего Днестра // Древние фракийцы в Северном Причерноморье. Москва: Наука, 119–134.
Древности Босфора Киммерийского, хранящиеся в Императорском музее Эрмитажа. 1854. В: Жиль Ф. А. (сост.). Т. 2. Санкт-Петербург: Типография императорской академии наук.
Древности Босфора Киммерийского, хранящиеся в Императорском музее Эрмитажа. 1854. В: Жиль Ф. А. (сост.). Т. 3. Альбом. Санкт-Петербург: Типография императорской академии наук.
Еременко В. Е. 1997. «Кельтская вуаль» и зарубинецкая культура. Опыт реконструкции этнополитических процессов III–I вв. до н.э. в Центральной и Восточной Европе. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет.
Зограф А. Н. Античные монеты // МИА. № 16. Москва; Ленинград: Академия наук СССР.
Кельтские орнаменты. 2003. Сост. В.И. Ивановская. Москва: В. Шевчук.
Кропоткин В. В. 1961. Клады римских монет на территории СССР. Москва: Академия наук СССР.
Крынкин С. М. 1993. Фракийцы в античном Северном Причерноморье. Москва: Прометей.
Рахно М. Ю. 2012. Кельтский субстрат Крымской Готии // МАИАСК 4, 55–68.
Сергеев А. Я. 2001. Варварский чекан на Тамани // Нумизматика в Историческом музее. Нумизматический сборник. Ч. XIV. Труды ГИМ. Вып. 115. Москва: ГИМ, 61–88.
Сергеев А. Я. 2012. Монеты варварского чекана на территории от Балкан до Средней Азии. Каталог коллекции А. Я. Сергеева в ГИМ. Москва: ГИМ.

- Терещенко А. Е.* 2004. Автономная чеканка полисов Боспора Киммерийского VI – V вв. до н.э.: дисс. ... канд. истор. наук. Санкт-Петербург: Институт истории материальной культуры.
- Фролова Н. А.* 1997a. Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. – середина IV в. н.э.). Ч. I. Монетное дело Боспора 49/48 гг. до н.э. – 210/211 гг. н.э. Москва: Эдиториал УРСС.
- Фролова Н. А.* 1997b. Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. – середина IV в. н.э.). Ч. II. Монетное дело Боспора 211 – 341/342 гг. н.э. Москва: Эдиториал УРСС.
- Фролова Н. А.* 1998. К истории вопроса о монетной чеканке на Боспоре в I в. до н.э. // Нумизматический сборник. Ч. XIII. Новейшие исследования в области нумизматики. Труды ГИМ. Вып. 98. Москва: Стрелец, 14–41.
- Чореф М. М.* 2011. Территориально-административное устройство Боспорского царства при Фарнаке II по нумизматическим данным // Шаров О. В. (отв. ред.). Петербургский апокриф. Послание от Марка. Санкт-Петербург; Кишинев, 247–259.
- Чореф М. М.* 2012a. «Calamitas virtutis occasio», или к истории последних лет царствования Фарнака II // НВБелГУ. Вып. 22, № 7(126), 44–59.
- Чореф М. М.* 2012b. «Non multa, sed multum», или дифференцы на монетах боспорского царства периода «скифских войн», как исторический источник // *Stratum plus* 4, 171–200.
- Чореф М. М.* 2013a. Династическая история Боспора рубежа новой эры по данным нумизматики // *Stratum plus* 6, 127–156.
- Чореф М. М.* 2013b. К вопросу о периодизации денежного обращения Таврики в эпоху римского господства. *Stratum plus* 4, 191–215.
- Чореф М. М.* 2014a. Боспорское царство при Фофорсе: по данным нумизматики. *РАЕ* 4, 329–371.
- Чореф М. М.* 2014b. К биографии Асандра: путь к престолу. *МАИАСК* 6, 456–487.
- Чореф М. М.* 2015. Надчеканки на медных монетах боспорского архонта Асандра. *МАИАСК* 7, 279–299.
- acsearch.info: 1: Obolos (by Nomos). *Webauktion* 3. Lot 24 // <https://www.acsearch.info/search.html?id=2739491> (2016. 30 апр.).
- acsearch.info: 2: Ira & Larry Goldberg Coins & Collectibles, Inc. *Auction* 80. Lot. 3234 // <https://www.acsearch.info/search.html?id=2013085> (2016. 30 апр.).
- acsearch.info: 3: The New York Sale. *Auction* XX. Lot 364 // <https://www.acsearch.info/search.html?id=562911> (2016. 30 апр.).
- acsearch.info: 4: Gerhard Hirsch Nachfolger. *Auction* 309. Lot 89 // <https://www.acsearch.info/search.html?id=2452652> (2016. 30 апр.).
- acsearch.info: 5: Heritage Auctions, Inc. 2012 September Signature World & Ancient Coin Auction. Lot 24936 // <https://www.acsearch.info/search.html?id=1341159> (2016. 30 апр.).
- clubklad.ru: 1: Таманские денарии // <http://clubklad.ru/blog/article/6280/> (2016. 30 апр.).
- Depeyrot G.* 2005a. Le numéraire celtique, V, Le centre parisien // *Collection Moneta*. No 44. Wetteren: Moneta.
- Depeyrot G.* 2005b. Le numéraire celtique, VI, De la Manche au Soissonnais // *Collection Moneta*. No 45. Wetteren: Moneta.
- Depeyrot G.* 2005c. Le numéraire celtique, VII, La Gaule orientale // *Collection Moneta*. No 46. Wetteren: Moneta.
- detecting.mybb.ru: 1: Таманские денарии // <http://detecting.mybb.ru/viewtopic.php?id=3&p=2> (Дата обращения 30.04.2016).
- Frolova N. A.* 2004. Griechisches Münzwerk. Die Frühe Münzprägung vom Kimmerischen Bosporus (Mitte 6. Bis Anfang 4. Jh. v. Chr.) Die Münzen der Städte Pantikapaion, Theodosia, Nymphaion und Phanagoria sowie der Sinder. Berlin: Akademie Verlag GmbH.
- Harding D. W.* *The Archaeology of Celtic Art*. London; New York: Routledge.
- Højberg Bjerg L. M.-B.* 2014. Money, Power and Communication: Coin Circulation in the Bosporan Kingdom in the Roman Period // *Collection Moneta*. No 168. Wetteren: Moneta.
- Köhler H. K. E.* 1822. Médailles Grécques // *Serapis oder Abhandlungen betreffend das Griechische und Römische Alterthum*. T. I. St. Petersburg: Druckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1–29, pl. I, II.

REFERENCES

- Abramson M. G.* *Korpus bosporskikh kladov antichnykh monet* [Collection of Bosporus treasures of antique coins]. Vol. II. Simferopol; Kerch: ADEF-Ukraina (Bosporus studies, Suppl. 7). (In Russian).
- Abramson M. G., Frolova N.A.* *Korpus bosporskikh kladov antichnykh monet* [Collection of Bosporus treasures of antique coins]. Vol. I. Simferopol; Kerch: ADEF-Ukraina 2007-2008 (Bosporus studies, Suppl. 7). (In Russian).
- Abramson M. G., Frolova N.A., Gorlov Yu. V.* *Klady antichnykh monet na yuge Rossii (po materialam Krasnodarskogo kraja)* [Treasures of ancient coins in the south of Russia (based on materials of Krasnodar Territory)]. Moscow: Editorial URSS. (In Russian).
- Abramson M. G., Frolova N.A., Kulikov A.V., Smekalova T.N., Ivanina O.A.* *Klady antichnykh monet. Iz sobraniya Kerchenskogo gosudarstvennogo istoriko-kulturnogo zapovednika. Numizmaticheskaya kolleksiya* [Treasures of ancient coins. From the collection of the Kerch State Historical and Cultural Reserve. Numismatic collection]. Vol. 1. Kiev: Mistetstvo, 2006. (In Russian).
- Anokhin V. A.* *Monetnoye delo Bospora* [Monetary business of Bosporus]. Kiev: Naukova Dumka, 1986. (In Russian).
- Anokhin V. A.* *Istoriya Bospora Kimmeriyskogo* [The history of Cimmerian Bosporus]. Kiev: Odigitria, 1999. (In Russian).
- Anokhin V. A.* *Natichniye monery Severnogo Prichernomor'ya* [Ancient coins of the Northern Black Sea coast]. Kiev: Stilos, 2011. (In Russian).
- Burachkov P. O.* In: *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey* [Notes of Odessa society of history and antiquities]. Vol. IX. Odessa: Gorodskaya tipografiya sod. Aleksomati, 1-133, Table I-XIV, 1875. (In Russian).

Wolfram H. Goty. Ot istokov do serediny VI veka [Goths. From the origins to the middle of 6th century]. Moscow: Juventa, 2003. (In Russian).

Vyazmitinova M. V. In: Drevniye frakitsy v Severnom Prichernomoriye [Ancient Thracians in the northern Black Sea coast]. Moscow: Nauka, 1969. Pp.119-134. (In Russian).

Drevnosti Bosfora Kimmerijskogog, khranyaschiesya v Imperatorskom muse Ermitazha [Antiquities of Cimmerian Bosphorus stored in the Imperial Hermitage Museum]. In: Album. Comp. by F.A. Gilles Vol. 2. St. Petersburg: Printing of the Imperial Academy of Sciences, 1854. (In Russian).

Drevnosti Bosfora Kimmerijskogog, khranyaschiesya v Imperatorskom muse Ermitazha [Antiquities of Cimmerian Bosphorus stored in the Imperial Hermitage Museum]. In: Album. Comp. by F.A. Gilles Vol. 3. St. Petersburg: Printing of the Imperial Academy of Sciences, 1854. (In Russian).

Eremenko V. E. «Keltskaya vual» i zarubinskaya kultura. Opyt rekonstruktsii etnopoliticheskikh protsessov III-I vv. do n.e. ["Celtic veil" and Zarubintsy culture. Experience of reconstructing ethno-political processes of the 3rd-1st centuries BC in Central and Eastern Europe]. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 1997. (In Russian).

Zograf A. N. In: Materialy i issledovaniya po arkhologii SSSR [USSR archeology materials and studies]. Vol. 16. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences. (In Russian).

Keltskiye ornamenty [Celtic ornaments]. Comp. by V.I. Ivanovskaya. Moscow: V. Shevchuk, 2003. (In Russian).

Kropotkin V. V. Klady rimskikh monet na territorii SSSR [Treasures of Roman coins in the Soviet Union]. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1961. (In Russian).

Krynkin S. M. Frakiitsy v antichnom Severnom Prichernomoriye [The Thracians in the ancient northern Black Sea coast]. Moscow: Prometey, 1993. (In Russian).

Rakhno M. Yu. In: Materialy po arkhologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma [Materials on the history and archeology of ancient and medieval Crimea]. Vol. 4 (2013): 55-68. (In Russian).

Sergeev A. Ya. In: Numizmatika v istoricheskom muzee. Numizmaticheskiy sbornik [Numismatics at the Historical Museum]. Numismatic collection. Part XIV. Proceedings of the State Historical Museum. Vol. 115. Moscow: State Historical Museum, 2001. Pp. 61-88. (In Russian).

Sergeev A. Ya. Monety varvarskogo chekana na territorii ot Balkan do Sredney Azii. Katalog kollektsii A.Ya. Sergeeva v GIM [Coins of barbarian coinage on the area from the Balkans to Central Asia. Catalogue of the collection of A.Ya. Sergeev in State Historical Museum]. Moscow: State Historical Museum, 2012. (In Russian).

Tereshchenko A. E. Avtonomnaya chekanka polisov Bospora Kimmerijskogo VI-V vv. do n.e.: diss. ... kand. istor. Nauk [Autonomous coinage policies in Cimmerian Bosphorus in the 6th-5th centuries BC: A thesis for the degree of Candidate of Historical Sciences]. St. Petersburg: Institute of History of Material Culture, 2004. (In Russian).

Frolova N. A. Monetnoye delo Bospora (seredina I v. do n.e. – seredina IV v. n.e.). Monetnoye delo Bospora 49/48 gg. do n.e. – 210/211 gg. n.e. [Monetary business of Bosphorus (middle of the 1st century BC - middle of the 4th century AD). Part I. Monetary business of Bosphorus in 49/48 BC - 210/211 AD]. Moscow: Editorial URSS, 1997a. (In Russian).

Frolova N. A. Monetnoye delo Bospora (seredina I v. do n.e. – seredina IV v. n.e.). Monetnoye delo Bospora 211 – 341/342 gg. n.e. [Monetary business of Bosphorus (middle of the 1st century BC - middle of the 4th century AD). Part II. Monetary business of Bosphorus in 211 – 341/342 AD]. Moscow: Editorial URSS, 1997b. (In Russian).

Frolova N. A. In: Numizmaticheskiy sbornik. Ch. XIII. Noveishiye issledovaniya v oblasti numizmatiki. Trudy GIM [Numismatic collection. Part XIII. The latest studies in numismatics. Proceedings of the State Historical Museum]. Vol. 98 (1998): 14-41. Moscow: Strelets. (In Russian).

Choref M. M. In: Peterburgskiy apokrif. Poslaniye ot Marka [Petersburg apocryphal. Message from Mark]. St. Petersburg; Chisinau, 2011. Pp. 247-259. (In Russian).

Choref M. M. In: Nauchniye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta [Scientific notes of Belgorod State University]. Vol. 22, Issue 7 (126) (2012a): 44-59. (In Russian).

Choref M. M. In: Stratum plus. Vol. 4 (2012b): 171-200. (In Russian).

Choref M. M. In: Stratum plus. Vol. 6 (2013a): 127-156. (In Russian).

Choref M. M. In: Stratum plus. Vol. 4 (2013b): 191-215. (In Russian).

Choref M. M. In: Rossiiskiy arkhologicheskii ezhegodnik [Russian annual collection of archeological studies]. Vol. 4 (2014a): 329-371. (In Russian).

Choref M. M. In: Materialy po arkhologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma [Materials on the history and archeology of ancient and medieval Crimea]. Vol. 6 (2014b): 456-487. (In Russian).

Choref M. M. In: Materialy po arkhologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma [Materials on the history and archeology of ancient and medieval Crimea]. Vol. 7 (2015): 279-299. (In Russian).

acsearch.info: 1: Obolos (by Nomos). Webauction 3. Lot 24. Available at: <https://www.acsearch.info/search.html?id=2739491> (Accessed April 30, 2016).

acsearch.info: 2: Ira & Larry Goldberg Coins & Collectibles, Inc. Auction 80. Lot. 3234. Available at: <https://www.acsearch.info/search.html?id=2013085> (Accessed April 30, 2016).

acsearch.info: 3: The New York Sale. Auction XX. Lot 364. Available at: <https://www.acsearch.info/search.html?id=562911> (Accessed April 30, 2016).

acsearch.info: 4: Gerhard Hirsch Nachfolger. Auction 309. Lot 89. Available at: <https://www.acsearch.info/search.html?id=2452652> (Accessed April 30, 2016).

acsearch.info: 5: Heritage Auctions, Inc. 2012 September Signature World & Ancient Coin Auction. Lot 24936. Available at: <https://www.acsearch.info/search.html?id=1341159> (Accessed April 30, 2016).

clubclad.ru: 1: Tamanskiye denarii [Taman denarius]. Available at: <http://clubklad.ru/blog/article/6280/> 2 (Accessed April 30, 2016). (In Russian).

Depeyrot G. Le numéraire celtique, V, Le centre parisien. In: Collection Moneta. No 44. Wetteren: Moneta, 2005a.

Depeyrot G. Le numéraire celtique, VI, De la Manche au Soissonnais. In: Collection Moneta. No 45. Wetteren: Moneta, 2005b.

Depeyrot G. Le numéraire celtique, VII, La Gaule orientale. In: Collection Moneta. No 46. Wetteren: Moneta, 2005c. detecting.mybb.ru: 1: Tamanskiye denarii [Taman denarius]. Available at: <http://detecting.mybb.ru/viewtopic.php?id=3&p=2> (Accessed April 30, 2016). (In Russian).

Frolova N. A. Griechisches Münzwerk. Die Frühe Münzprägung vom Kimmerischen Bosporus (Mitte 6. Bis Anfang 4. Jh. V. Chr.) Die Münzen der Städte Pantikapaion, Theodosia, Nymphaion und Phanagoria sowie der Sinder. Berlin: Akademie Verlag GmbH, 2004.

Harding D. W. The Archaeology of Celtic Art. London; New York: Routledge.

Højberg Bjerg L. M.-B. Money, Power and Communication: Coin Circulation in the Bosporan Kingdom in the Roman Period. In: Collection Moneta. No 168. Wetteren: Moneta, 2014.

Köhler H. K. E. Médailles Grecques. In: Serapis oder Abhandlungen betreffend das Griechische und Römische Alterthum. Vol. I. St. Petersburg: Druckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1822. Pp. 1–29, p I, II.

M. M. Choref

Nizhnevartovsk, Russia

«COINS OF THE UNKNOWN PEOPLE» OR ON THE ATTRIBUTION OF «TAMAN DENARII»

Abstract. The study considers quite rare, but, at the same time, historically important ancient coins – «Taman denarii». These barbaric imitations were introduced to the scientific revolution at the beginning of the XIX century. They are considered to be coins of the Goths. The head side of the coin contains the image of the Roman Emperor, the tail side depicts walking Mars. The very appearance of these coins is linked to the raids made by the allied Germanic tribes into the Roman territory during the «Scythian wars». However, we cannot accept this point of view. Based on the results of the iconographic analysis, we believe that these coins should not be considered replicas of the Roman denarii. The point is that the figure featured on its tail side is clearly a forward-facing image of Hercules. This could be proved both by the figure's position and the weapon which the deity is holding. At the same time the obverse image is not similar to the bust of the ruler of Rome. After all, it is inexcusably styled. And, in any case, it might have been created not only by the Germans. The idea and method of styling allows us to consider it to be Celtic. Apart from that, the prototype of the «Taman denarii» could be easily defined. This is the tetradrachm of Thasus which was traditionally copied from the Thracians. Furthermore, it should be taken into account that during the «Scythian wars» the Goths of the Black Sea Coast had little intention to advance money emission. After all, during the raids into the Roman lands they captured significant amounts of precious metals, including coins. In any case, the Goths could not have hammered billon and copper coins using the same dies –there was no economic sense. Based on the revealed facts, we conclude that the examined coins are not Gothic. It is likely that they were minted by Thracians, who, by the way, stopped maintaining contact with their fellow tribesmen from the Balkans and failed to establish ties with Rome and the Bosporan Kingdom. However, based on the results of archaeological research they were in active contact with the tribes of the Northern Black Sea coast. We hope that the findings of our research will be favorably received by the scientific community.

Key words: archaeology; history; numismatics; Northern Black Sea coast; «Taman denarii».

About the author: Mikhail Mikhailovich Choref, Candidate of Historical Sciences (PhD), Senior Researcher at the Laboratory for Regional Historical Research.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University.

УДК 94(420).086

Л. А. Якубова

Нижневартовск, Россия

СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА ЛЕЙБОРИСТСКОЙ И КОНСЕРВАТИВНОЙ ПАРТИЙ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ПРЕДВЫБОРНОЙ КАМПАНИИ 2010 ГОДА

Аннотация. В статье исследованы основные положения семейной политики Лейбористской и Консервативной партий в первое десятилетие 2000-х годов. Ключевые аспекты семейной политики всегда были включены в различном объеме и соотношении в социальные программы политических партий Великобритании – Консервативной и Лейбористской. Автор анализирует лейбористско-консервативную полемику относительно этого важнейшего направления социальной политики в контексте предвыборной кампании 2010 года. Лейбористы во главе с Гордоном Брауном делали акцент на продолжение политического курса, начатого «новыми лейбористами» Тони Блэра, и на социальное законодательство. Основу социальной политики лейбористов составили следующие направления: модернизация гендерного равенства, поддержка трудящихся женщин, налоговые льготы для полных семей и одиноких родителей, имеющих детей, пенсионная реформа, борьба с детской бедностью.

Консерваторы, возглавляемые Дэвидом Кэмероном, подчеркивали нетрадиционные для тори идеи социальной справедливости, вызванные трансформацией института семьи в конце XX века. Консерваторами был подготовлен программный документ «Repair Plan For Social Reform» (2008 г.), который предусматривал реализацию следующих социальных мер: новая система гибкого отпуска для обоих родителей, «плавающий» рабочий график для родителей, имеющих детей до 18 лет, комплексная медицинская помощь на дому для семей с новорожденными детьми, введение системы налогов и пособий с учетом потребностей пар, находящихся в зарегистрированном браке, система финансового обеспечения детских дошкольных учреждений для обеспечения их конкурентоспособности, повышение социальной ответственности бизнеса.

Исследование построено на анализе оригинальных англоязычных источников – предвыборных манифестов Консервативной и Лейбористской партий, материалов британской периодической печати, законодательных документов, материалов Британского конгресса тред-юнионов.

Ключевые слова: Великобритания; парламентские выборы; Лейбористская партия Великобритании; Консервативная партия Великобритании; социальная политика; семейная политика; Тони Блэр; Гордон Браун; Дэвид Кэмерон; социальные реформы; социальное законодательство.

Сведения об авторе: Лала Алиевна Якубова, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой документоведения и всеобщей истории.

Место работы: Нижневартковский государственный университет.

Контактная информация: 628605, г. Нижневартовск, ул. Ленина, д. 56; тел. 89821853361, e-mail: lalayakubova@gmail.com.

Вопросы эффективного регулирования государственной семейной политики Великобритании конца XX – первых лет XXI вв. находились в центре внимания двух главных политических партий Соединенного Королевства – Консервативной и Лейбористской. Дискуссионные вопросы семейной политики всегда были включены в различном объеме и соотношении в социальные программы и предвыборные манифесты политических партий Великобритании. Практически всегда эти вопросы становились предметом межпартийной предвыборной борьбы.

Парламентская избирательная кампания 2010 г. показала важность и необходимость решения сложных вопросов этой многочисленной социальной группы. Это связано с тем, что лидеры консерваторов и лейбористов стремились усилить свою электоральную базу избирателями-женщинами. Лейбористская партия на выборах 1997 г. получила 44% голосов избирателей-женщин, Консервативная партия – 32% (для сравнения: в 2001 г. лейбористы получили 42 %, консерваторы – 33%; в 2005 г. лейбористы получили 38 %, консерваторы – 32%).

К. Роузи приводит статистические данные, которые свидетельствуют о гендерных различиях относительно тех или иных аспектов социальной политики. Например, женщины в большей степени, чем мужчины, поддерживают идеи социальной справедливости, гендерного равенства, чаще всего выступают в пользу сокращения разрыва между самыми высокими и самыми низкими заработными платами. Женщины в большей степени заинтересованы в той политике, которую проводит государство в отношении семьи и детей. (Campbell 2007). В

этой связи и Консервативная, и Лейбористская партии в борьбе за женский электорат стремились учесть эти особенности при разработке и реализации своих социальных программ.

Предвыборный манифест лейбористов в 2010 г. был опубликован в Лондоне и назывался «Светлое будущее для всех» («A Future Fair For All») (Labour Party Election Manifesto 2010). Вопросы семейной политики представляли собой одно из четырех направлений социальной политики обновленной Лейбористской партии с конца XX в. Политика пришедшего к власти в 1997 году лейбористского правительства Тони Блэра в отношении продвижения гендерного равенства оценивалась как достаточно эффективная. В период пребывания лейбористов у власти в Великобритании происходила модернизация механизма гендерного равенства. Это выразилось в назначении двух министров по делам женщин. В 2010 г. эту должность занимала Харриет Харман, которая также была спикером Палаты общин и председателем лейбористской фракции. Помимо этого, был создан Отдел женщин и равенства, первоначально включенный в структуру Министерства торговли и промышленности, а в 2006 г. – Министерства общин и органов местного самоуправления. Сотрудники этого подразделения осуществляли мониторинг работы отдельных министерств и ведомств на предмет реализации принципов равенства полов.

После парламентских выборов 2005 года 127 мест занимали депутаты-женщины, что составило 19,7%. По этому показателю Великобритания отставала от других стран мира, хотя для Соединенного Королевства Великобритании и

Северной Ирландии – это самый высокий уровень в британской истории. В лейбористской парламентской фракции было 96 женщин, в консервативной – всего 17. Более высокий процент женского представительства в Палате общин, являющейся законодательным органом, играет важнейшую роль в том, чтобы привлечь внимание как депутатов Палаты общин, так и членов правительства к широкому кругу вопросов социальной, семейной и гендерной политики.

В 2006 г. в Великобритании был принят Закон о равенстве (The Equality Act 2006), согласно которому было введено понятие гендерного обязательства для всех органов государственной власти (правительство, органы муниципального управления, армия и полиция). Для каждого государственного органа были разработаны проекты, в которых были идентифицированы цели равенства полов применительно к конкретной сфере и намечены пути их выполнения. Можно утверждать, что Закон о равенстве 2006 г. расширил основные положения Закона о дискриминации по признаку пола, принятого в 1975 г.

В 2008 г. в Великобритании доля трудящихся женщин, находящихся в работоспособном возрасте, составила 70%. Лейбористский кабинет Гордона Брауна продолжал реализовывать политику своего предшественника Тони Блэра. В октябре 2007 г. после отставки Тони Блэра минимальная заработная плата была увеличена и составила 5,52 ф.ст. в час. (Labour Party Election Manifesto 2010). Лейбористский кабинет Гордона Брауна реализовывал рекомендации комиссии «Женщины и работа» (Women and Work), которые предусматривали следующее:

- повышение качества работы, выполняемой в течение неполного рабочего дня за счет создания особых фондов;

- создание программы «идеального предпринимательства», включающей множество шаблонов гендерного равенства, в том числе одинаковую оплату за равноценный труд;

- увеличение количества возможностей работы по «плавающему» графику для родителей, имеющих детей до 6 лет и детей с ограниченными возможностями здоровья;

- определение и законодательное закрепление возможностей работы по «плавающему» графику для тех британцев, которые ухаживают за больными гражданами на дому.

С 1997 г. в Великобритании были обеспечены местами в детских садах более 1 млн детей.

Количество детских центров и детских дошкольных учреждений в сентябре 2009 г. составило 3 000 учреждений. Согласно предвыборному манифесту, правительство Гордона Брауна планировало в 2010 г. увеличить количество этих учреждений до 3 500 и обеспечить местами на условиях свободного доступа в эти учреждения детей в возрасте от 2-х лет. В особенности это касалось детей, проживающих в наиболее неблагоприятных районах и социально неблагополучных и незащищенных семьях (Labour Party Election Manifesto 2010).

Материнский отпуск с апреля 2007 г. составил 9 месяцев; размер пособия по материнству составил 112,75 ф. ст. в неделю. Правительство Гордона Брауна при этом планировало увеличить отпуск по беременности и родам до одного года.

Лейбористы предоставили некоторые финансовые льготы женщинам и семьям с детьми. В апреле 2009 г. правительство предоставило дополнительную финансовую поддержку семьям при помощи программы «Здоровая беременность»; согласно этой программе, будущей матери после 25-й недели беременности предоставлялось пособие в размере 190 фунтов в неделю.

Некоторые изменения коснулись и пенсионной системы. Реформа пенсионной системы была связана с возможностью для женщин открывать накопительные счета в рамках федеральной пенсионной системы по их собственному выбору. В 2007 г. вышел Закон о пенсиях, который вводил бенефиции для женщин, ухаживающих за нетрудоспособными членами семьи, в обеспечении дохода по достижении ими пенсионного возраста. Предполагалось, что в результате пенсионной реформы еще большее количество граждан (на 1 млн больше) будут получать вторую пенсию из государственных бюджетных ассигнований, около 90% из них составят женщины (Labour Party Election Manifesto 2010).

Лейбористы уделяли серьезное внимание решению проблемы семейного насилия. В 2004 г. был принят Закон о противодействии насилию в семье, затем были введены меры юридической поддержки для жертв насилия на этапе судебного разбирательства, были созданы специальные суды, рассматривающие исключительно дела по домашнему насилию (Labour Party Election Manifesto 2010).

Проблема детей занимала одно из центральных мест в социальной политике лейбористско-

го правительства. 28 июня 2007 г. после ухода Тони Блэра в отставку было создано Министерство по делам детей, школ и семей. Сфера деятельности Министерства распространялась на вопросы, касающиеся образования и обеспечения социальной защиты британских граждан в возрасте до 19 лет. В ведении министерства также находились государственные школы Великобритании. Министерство было обязано защищать детей от всех форм насилия и осуществлять надзор за неблагополучными в этом отношении семьями. Министерство по делам детей, школ и семей возглавил Эд Боллс, член кабинета министров.

Помимо указанных мер, в июле 2007 г. Гордон Браун высказался о необходимости предоставить каждому ребёнку возможности заниматься спортом 5 часов в неделю. Он утверждал, что необходимо сделать все для того, чтобы спорт занимал важное место в распорядке дня каждого школьника.

Вместе с тем, финансовый кризис 2007–2008 гг. оказал существенное влияние на социальную политику лейбористского правительства Гордона Брауна, заставив лейбористов отложить выполнение некоторых ранее данных обязательств относительно семейной и гендерной политики.

Одна из наиболее важных проблем, которую унаследовало правительство Брауна от правительства Блэра, – проблема борьбы с бедностью детей. Принимая во внимание тот факт, что количество британских детей, находившихся за чертой бедности, в 1999 г. составило 4,4 мл человек, а это был один из самых высоких показателей среди европейских стран, Тони Блэр пообещал к 2010 г. сократить этот показатель в два раза и в течение 20 лет в принципе ликвидировать проблему бедности детей в Соединённом Королевстве (Socialist Worker online 2008). В период своего пребывания у власти Тони Блэру удалось добиться некоторых успехов в этом отношении. Однако проблемы финансово-экономического характера привели к приостановке этого процесса. В результате в 2006–2007 гг. численность детей, живущих за чертой бедности, ежегодно увеличивалась на 100 000 человек и достигла к концу 2007 года 2,9 мл человек (Socialist Worker online 2008). Для устранения этой ситуации была предложена специальная программа «Сдержанность обещания». Правительство внесло в парламент законопроект «Бедность детей» (Child Poverty Bill 2008). Первое чтение в Палате общин состоя-

лось 19 ноября 2009 г., второе – 5 января 2010 г.

На конференции женщин Британского конгресса тред-юнионов, состоявшейся в Скарборо в марте 2009 г., делегатки критиковали действия правительства по свертыванию некоторых социальных программ, касающихся вопросов семейной политики. В своих выступлениях делегатки конференции указывали, что намерение правительства Гордона Брауна отложить решение вопроса по увеличению пособия по материнству и расширению прав на гибкую и частичную занятость негативно скажется на намерении кабинета ликвидировать гендерное неравенство в оплате труда. На конференции также обсуждался вопрос трудовой дискриминации матерей; это проявлялось в том, что значительная часть работодателей при обращении в кадровые агентства просили не рассматривать кандидатуры не только беременных женщин и женщин с маленькими детьми, но и вообще женщин детородного возраста.

Одним из наиболее дискуссионных вопросов для трудящихся женщин остаётся взаимосвязь между низкой заработной платой женщин и соответствующим риском попасть в социальную категорию бедных граждан. По материалам, приведенным в докладе конференции женщин Британского конгресса тред-юнионов в 2008 г., женщины и дети намного больше, чем мужчины, предрасположены к тому, чтобы пополнить социальную страту бедных (TUC Women's Conference 2009). 29% трудящихся женщин получают низкую заработную плату, 16,1% – трудящихся мужчин. Среди промышленно развитых стран эти показатели являлись наиболее высокими в Великобритании. В особенности высокий показатель бедности наблюдался у женщин и детей с тёмной кожей и мигрантов из Азии – около 73 % (TUC Women's Conference 2009).

Почти четверть детей в Великобритании в 2007 г. проживала в семье с одним родителем, это связано с неуклонным ростом количества разводов. Всего в Великобритании насчитывалось 1,3 мл одиноких родителей, большинство из которых составляли женщины. Большая часть одиноких родителей (более 60%) проживала не в собственном, а в арендуемом жилье, зачастую не соответствующем минимальным требованиям и стандартам (The Independent 2007). Эти семьи, в отличие от семей с двумя родителями, имели больший риск оказаться за чертой бедности. Однако, поскольку пособия

для таких семей достаточно высоки, матери не проявляли должной гражданской инициативы и не были вынуждены искать работу. Лейбористское правительство взяло курс на решение этой проблемы – способствовать инициативе у отсутствующих отцов финансово поддерживать собственных детей. Лейбористы принимали во внимание то обстоятельство, что своеобразный «портрет» одинокой матери претерпел существенные перемены: одинокая мать – образованная женщина, способная устроиться на достойную работу и обеспечивать материально себя и своих детей. Одиноким матери, которые никогда не были замужем, составляли только одну десятую часть всех одиноких матерей.

Продолжая начатый Тони Блэром курс на поддержку семьи, в которой оба родителя – трудящиеся, правительство Гордона Брауна планировало следующее: помимо двухнедельного отцовского отпуска, предоставить отцам право брать дополнительный отпуск сроком 26 недель до достижения ребенком 1 года. Эта мера была призвана поспособствовать тому, чтобы дать возможность матери вернуться к работе в более короткие сроки.

Таким образом, накануне всеобщих парламентских выборов 2010 г. лейбористское правительство Гордона Брауна в отношении реализации семейной политики не только продолжало политический курс, начатый кабинетами Тони Блэра в 1997 г., но и усилило свою законодательскую деятельность в этом отношении. Помимо законопроекта «Бедность детей», 19 ноября 2009 г. в Палату общин были внесены для первичного обсуждения ещё два законопроекта – «Дети, школы и семьи» и «О правах детей» (Children, Schools and Families Bill 2009–2010).

Законопроект «Дети, школы и семьи» был нацелен на достижение следующих результатов:

- повышение уровня общего образования;
- обеспечение инклюзивной среды для учащихся с ограниченными возможностями здоровья, возложение на школьные инспекции контролирующих функций относительно этого вопроса;
- делегирование полномочий местным властям с целью оптимизации стандартов общего образования;
- повышение уровня профессиональной квалификации для учителей (Children, Schools and Families Bill 2009–2010).

Консервативная партия Великобритании также в предвыборной кампании 2010 г. обозначила свою политическую позицию в отношении своей семейной политики. Предвыборный манифест консерваторов назывался «Приглашение присоединиться к правительству Великобритании» («Invitation To Join The Government Of Britain») (The Conservative Manifesto 2010) и содержал, наряду с другими внешнеполитическими установками, идеи и принципы организации государственной социальной политики. Традиционно на протяжении всей своей истории консерваторы подчеркивали свою заинтересованность в семейных ценностях и поддерживали идею невмешательства государства в семью и семейную жизнь. Вместе с тем, консерваторы были вынуждены пересматривать свои взгляды в связи с серьезными трансформациями семьи как социального института. Это выразилось в появлении течения «сострадательного консерватизма», которое пропагандировало традиционные в большей степени для лейборизма социальные идеи (The Conservative Manifesto 2010).

На партийной конференции консерваторов весной 2008 г. они заявили, что семья находится в центре социальной политики их партии. Председатель Консервативной партии Великобритании Дэвид Кэмерон утверждал, что «дружественная в отношении семьи политика – это консервативная политика, истинно консервативная». «Консервативная партия, – утверждал он, – является партией всех семей – одиноких родителей, разведённых, вдов, и она будет поддерживать все эти семьи» (Family At Heart Of Conservative Policy 2008).

В области социальной политики и социальных отношений консерваторы были ориентированы на завоевание нового, традиционного в большей степени для лейбористов, электората. С этим связано усиление их деятельности на сближение с профсоюзами, это проявилось также в участии лидера Консервативной партии на форуме Британского конгресса трудящихся. В ходе предвыборной кампании 2010 г. тори неоднократно заявляли, что их партия – это партия «всего общества», что означало отход от исключительно индивидуалистической идеологии тэтчеризма. Консерваторы подвергли резкой критике систему социальной политики и социального обеспечения, сложившуюся за годы пребывания у власти лейбористов (1997–2010 гг.), обещая избирателям поднять качество предоставления социальной

помощи различным слоям населения и одновременно сэкономить государственные ассигнования (The Conservative Manifesto 2010).

Основные положения предвыборной программы консерваторов в отношении их семейной политики были опубликованы в программном документе в 2008 г. «Корректирующий план социальной реформы» («Repair Plan For Social Reform») и включали следующие меры:

- новая система гибкого отпуска для обоих родителей;
- «плавающий» рабочий график для родителей, имеющих детей до 18 лет;
- комплексная медицинская помощь на дому для семей с новорожденными детьми;
- введение системы налогов и пособий с учетом потребностей пар, находящихся в зарегистрированном браке;
- система финансового обеспечения детских дошкольных учреждений для обеспечения их конкурентоспособности; повышение социальной ответственности бизнеса (Repair Plan For Social Reform 2008).

Выступая на ежегодной конференции Консервативной партии в октябре 2009 г., Дэвид Кэмерон высказался относительно партийной позиции по вопросам семейной политики. Он категорически не принял обвинения в том, что консерваторы не оказывают поддержку неполным семьям. Вместе с этим, Дэвид Кэмерон подверг резкой критике политику лейбористов в отношении института брака, в особенности систему налогов и пособий. Об этом он заявил в интервью газете «Гардиан» (Cameron Welcomes Call For Married Couples' Tax Break 2007).

Дискуссия по вопросам семейной и гендерной политики между консерваторами и лейбористами накануне выборов развернулась достаточно остро; можно утверждать, что это ответвление социальной политики обеих партий представляет собой поле для разного рода дис-

куссий и обсуждений. Дэвид Кэмерон обвинил лейбористское правительство в том, что оно негативно настроено в отношении проблем семьи; утверждал, что налоговая реформа, предлагаемая консерваторами, таким же образом благотворно повлияет на положение официально зарегистрированных семей, как это происходит в остальных странах Европейского Союза (Family At Heart Of Conservative Policy 2008).

Таким образом, накануне парламентских выборов 2010 г. Консервативная партия Великобритании отстаивала идеи социальной справедливости, характерные для идеологической платформы Лейбористской партии; в её программе семейной политики наблюдалось стремление руководствоваться привычными как для традиционных, так и для «новых» лейбористов семейными ценностями, отдавать приоритетные права традиционным семьям.

Итак, в результате всеобщих парламентских выборов 2010 года, большинство мест (306 из 649) в нижней палате получила Консервативная партия во главе с ее лидером Дэвидом Кэмероном. Парламентская фракция консерваторов составила 47,1%.

К причинам проигрыша правящей к тому времени уже 13 лет партии лейбористов можно отнести не только в достаточной степени спорную социальную политику, не оправдавшую всех надежд британцев, но и некоторые внешнеполитические факторы: втягивание Великобритании Соединенными Штатами Америки в ряд непопулярных локальных войн, принятие Британией на себя роли американского сателлита в международной политике и, как следствие, – фундаментальное исчерпание идеологии «третьего пути». Таким образом, всеобщие парламентские выборы в Великобритании 2010 г. перевернули очередную страницу политической истории страны. На смену Лейбористской партии, правившей в течение 13 лет, пришла коалиция консерваторов и либерал-демократов.

ЛИТЕРАТУРА

- Campbell R. 2007. Gender and Voting in Britain: How Men And Women Think About Politics Today. London, Birkbeck University.
- Labour Party Election Manifesto. 2010. A Future Fair For All // http://news.bbc.co.uk/2/shared/bsp/hi/pdfs/12_04_10_labour_manifesto.pdf (2016, 02 мая).
- The Conservative Manifesto 2010. Invitation To Join The Government Of Britain. London, 2010.
- The Independent. 11.04.2007.
- Socialist Workeronline. 04.10.2008.
- Child Poverty Bill. 2008 // UK Parliament // www.publications.parliament.uk.
- TUC Women's Conference. 2009. Women's Committee Report.
- Children, Schools and Families Bill. 2009-2010 // UK Parliament // www.parliament.uk (2016, 02 мая).
- Family At Heart Of Conservative Policy, Says Cameron. 2008 // The Guardian. 15.03.2008.
- Repair Plan for Social Reform. 2008. London, Conservative Party.
- Cameron Welcomes Call For Married Couples' Tax Break. 2007 // The Guardian. 10.07.2007.

REFERENCES

- Campbell R.* Gender and Voting in Britain: How Men And Women Think About Politics Today. London, Birkbeck University, 2007.
- Labour Party Election Manifesto. A Future Fair For All. Available at: http://news.bbc.co.uk/2/shared/bsp/hi/pdfs/12_04_10_labour_manifesto.pdf (Accessed on May 2, 2016).
- The Conservative Manifesto. Invitation To Join The Government Of Britain. London, 2010.
- The Independent. April 11, 2007.
- Socialist Worker online. October 04, 2008.
- Child Poverty Bill. In: UK Parliament. Available at: www.publications.parliament.uk.
- TUC Women's Conference. Women's Committee Report, 2009.
- Children, Schools and Families Bill. In: UK Parliament. Available at: www.parliament.uk (Accessed on May 2, 2016).
- Family At Heart Of Conservative Policy, Says Cameron. In: The Guardian. March 15, 2008.
- Repair Plan for Social Reform. London: Conservative Party, 2008.
- Cameron Welcomes Call For Married Couples' Tax Break. In: The Guardian. July 07, 2007.

L. A. Yakubova
Nizhnevartovsk, Russia

FAMILY POLICY OF THE UK LABOUR AND CONSERVATIVE PARTIES IN 2010 ELECTION CAMPAIGN

Abstract. The given article touches upon the basic points of the UK Labour and Conservative parties' policy towards the family, women and children in the first decade of the 2000-s.

The author analyzes Labour and Conservative polemic regarding the most important areas of social policy in the context of 2010 election campaign. The effective management of UK family policy in the late 20th – early 21st centuries was the focus of two major political parties, Conservative Party and Labour Party. Family, women and children affairs to diverse extent have always been included in the various social policy programs of UK political parties.

The Labour Party, led by Gordon Brown, emphasized social legislation and the continuation of the policy initiated by «New Labour» and ex prime-minister Tony Blair. The social policy proclaimed by the Labour Party was based on the following: gender equality modernization, support for women workers, tax relief for families and single parents with children, pension reform and child poverty salvation.

The Conservatives, led by David Cameron, emphasized the ideas of social justice, non-traditional for Tory and caused by the transformation of family in the late 20th century.

The Conservatives prepared the pamphlet «Repair Plan For Social Reform» (2008) which concerned the following points: a new system of flexible parental leave; flexible working hours for parents with children under 18; universal health care at home for families with newborn kids; introduction of taxes and benefits system, with an account for the needs of officially married couples; a finance system for preschool institutions ensuring their competitiveness; increased social responsibility of business.

The given study is based on the analysis of the original English-language sources, including election manifestoes of British Conservative and Labour parties, British periodical press materials, legal documents and materials of British Trade Union Congress.

Key words: Great Britain; general elections; Labour Party; the Conservative and Unionist Party; social policy; family policy; Tony Blair; Gordon Brown; David Cameron; social reform; social legislation.

About the author: Lala Alievna Yakubova, Candidate of Historical Sciences (PhD), Associate Professor, Head of the Department of Document Science and General History.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University.

Уважаемые коллеги!

Нижевартовский государственный университет приглашает ученых, преподавателей, сотрудников научно-исследовательских институтов и лабораторий, аспирантов опубликовать результаты своих исследований в области биологических, педагогических, гуманитарных наук.

«Вестник Нижевартовского государственного университета» — периодическое научное издание. Журнал выходит ежеквартально.

Журнал выходит в трех тематических выпусках, отражающих следующие научные направления:

- **Биологические науки.**
03.02.08 Экология.
- **Гуманитарные науки.**
07.00.02 Отечественная история.
07.00.03 Всеобщая история.
- **Педагогические науки**
13.00.04 Теория и методика физического воспитания, спортивной тренировки, оздоровительной и адаптивной физической культуры.
13.00.08 Теория и методика профессионального образования

Тематические выпуски скомплектованы в соответствии с Номенклатурой специальностей научных работников, утвержденной приказом Минобрнауки России от 25.02.2009 № 59 (в ред. Приказов Минобрнауки РФ от 11.08.2009 № 294, от 10.01.2012 № 5), и таблицей соответствия направлений (аспирантура), утвержденной приказом Минобрнауки России от 06.11.2013 № АК-2589/05.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, утвержденный ВАК РФ.

«Вестник Нижевартовского государственного университета» зарегистрирован в ISSN реестре: ISSN 2311-1402 (печатная версия журнала); ISSN 2311-4444 (электронная версия журнала).
Публикация в журнале бесплатная.

В журнале публикуются результаты оригинальных научных исследований и обзорные статьи по наиболее актуальным проблемам гуманитарных, педагогических и биологических наук. Предоставляемые в журнал статьи должны излагать новые, еще не опубликованные результаты научных исследований; статьи не должны находиться на рассмотрении для публикации где-либо еще; публикации должны быть одобрены всеми соавторами.

Статья, регистрационная форма, договор на печать статьи в журнале¹ (в 2 экз.) и отзыв научного руководителя (для аспирантов и соискателей) направляются либо ответственному редактору соответствующего Вашей тематике выпуска журнала, либо по адресу vestnik@nvsu.ru (управление научных исследований НВГУ).

Статья направляется на рецензирование. При положительной рецензии работа публикуется в ближайшем выпуске, соответствующем тематике статьи. В случае отказа в публикации автору направляется мотивированный отказ.

1. Оформление статьи:

1.1. Формат листа — А4, поля вокруг текста — 2 см, гарнитура — Times New Roman, размер шрифта — 11 пт, межстрочный интервал — одинарный, абзацный отступ — 1 см.

1.2. При наличии текстов на древних языках рекомендуется использовать шрифты типа Unicode. При использовании автором других шрифтов для древних языков, их следует предоставить в редакцию журнала.

1.3. Ссылки на иллюстрации помещаются в круглые скобки; в случае, если ссылка дается на отдельные позиции рисунка, их номера отделяются от номера рисунка двоеточием и пробелом и выделяются курсивом. Например: (рис. 1: 3, 5, 7—9).

1.4. Сноски должны иметь сквозную нумерацию по всей статье и располагаются внизу страницы.

1.5. Структура статьи:

1. Код УДК;
2. Имя, отчество, фамилия автора(ов);
3. Название статьи;
4. Аннотация;
5. Ключевые слова (отделяются друг от друга точкой с запятой);
6. Сведения об авторе: Ф.И.О. полностью, ученая степень (аспиранты, соискатели указывают вуз и кафедру), место работы (город, организация, подразделение), должность;

Пункты 2—6 указываются также и на английском языке

7. Контактная информация: включает почтовый адрес, телефон и e-mail;
8. Текст статьи;
9. Иллюстрации и подписи к ним с подробным отражением названия, датировки и проч.;
10. Список сокращений;
11. Литература (на русском и английском языке)

¹ См. на сайте журнала: <http://vestnik.nvsu.ru/avtoram>.

Рекомендации по составлению аннотации научной статьи.

Текст аннотации должен излагаться простым языком, иметь четкую структуру. В одном или двух абзацах, которые отражают содержание статьи, нужно описать предмет, тему, цель работы; метод или методологию проведения работы; результаты работы; область применения результатов; выводы.

Методы в аннотации только называются. Результаты работы следует описать детально: привести основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом следует акцентировать внимание читателя на новых результатах и выводах, которые, по мнению автора статьи, имеют практическое значение. Также следует указать пределы точности и надежности данных (источников) и степень их обоснования. Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, описанными в статье.

В среднем текст аннотации должен быть объемом не менее 300–350 слов (1 800 знаков).

2. Оформление списка литературы:

Общий порядок	Фамилия и инициалы авторов (выделяются курсивом), год выхода работы, название работы, название издания, где она была опубликована (отделяется от названия работы двойной косой чертой). Для монографий и сборников после названия указывается место выхода, а затем издательство, перед названием сборника обязательно указывается имя ответственного редактора. Для продолжающихся и периодических изданий указывается номер (отделяется от названия издания пробелом без точек и запятой). Для статей необходимо также указывать страницы (в конце после запятой).
Монографии	<i>Яценко С. А.</i> 2001. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М.: Восточная литература. <i>Sestini D.</i> 1831. Descrizione d'alcune medaglie greche del Museo del signore barone Stanislas di Chaudoir. Firenze: Presso Guglielmo Piatti.
Статьи в сборниках	<i>Жеребцов Е. Н.</i> 2009. Раскопки базилики 1935 г. в Херсонесе // <i>Беляев С. А.</i> (отв. ред.). Очерки по истории христианского Херсонеса. Т. 1. Вып. 1: Херсонес Христианский. СПб.: Алетейя, 139—149. <i>von Kohler H. K. E.</i> 1822a. Medailles Grecques // <i>Serapis oder Abhandlungen betreffend das Griechische und Romische Alterthum.</i> Theil I. St. Petersburg: Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1—29.
Статьи в продолжающихся периодических изданиях со сквозной нумерацией томов	<i>Даниленко В. Н.</i> 1966. Пропосография Херсонеса IV–II вв. до н.э. (по эпиграфическим данным Северного Причерноморья) // <i>АДСВ</i> 4, 136–178. <i>Nadel B.</i> 1977. Literary Tradition and Epigraphical Evidence: Constantine Porphyrogenitus' Information on the Bosphoran Kingdom in the Time of Emperor Diocletian Reconsidered // <i>Dialogues d'histoire ancienne</i> 25, 87—114.
Диссертации и авторефераты диссертаций	<i>Шаров О. В.</i> 2009. Боспор и варварский мир Центральной и Восточной Европы в поздне-римскую эпоху (середина II — середина IV вв. н. э.): Дис. ... д-ра ист. наук. СПб. <i>Кутимов Ю. Г.</i> 2009. Происхождение и пути распространения катакомбного погребального обряда (по материалам могильников бронзового века): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.
Ссылки на интернет-страницы	При оформлении ссылок на материалы из интернета нужно по возможности максимально следовать тем же требованиям, что и при оформлении библиографии печатных работ, обязательно указывая полный электронный адрес материала, включая название сайта и, если есть, дату публикации. Например: <i>Konnev A. B.</i> Античное гражданское общество // <i>История Древнего Рима</i> // www.rome.webzone.ru (2008. 24 февр.). При использовании отсканированных, но не переведенных в текстовый формат вариантов бумажных книг (т.е. при просмотре электронных изображений бумажной книги) ссылка на интернет-ресурс, где можно загрузить книгу, необязательна.

Ссылки на литературу помещаются в круглые скобки и оформляются следующим образом:

- если у работы один автор — (Фролова 1997: 215);
- если у работы два автора — (Smith, White 2004);
- если у работы более двух авторов — (Оверман и др. 1997: 59, рис. 1; Smith et al. 2007: fig. 33);
- на архивные материалы — (РГИА. Ф. 297. Оп. 2. Д. 90. Л. 15—16). Запятая между фамилией автора и годом выхода работы не ставится; в случае указания страниц они отделяются от года двоеточием и пробелом.

Контактная информация

Адрес: 628600, Россия, Ханты-Мансийский автономный округ - Югра, г. Нижневартовск, ул. Ленина, д. 56, Нижневартовский государственный университет, управление научных исследований (каб. 219).

Телефон: (3466) 451820

E-mail: vestnik@nvsu.ru

Web: www.nvsu.ru

Куратор: Чорев Михаил Михайлович, начальник управления научных исследований